

Леонид Вискочков

БУДНИ
И ПРАЗДНИКИ
ИМПЕРАТОРСКОГО
ДВОРА

ПИТЕР

Леонид Владимирович Выскочков

Будни и праздники императорского двора

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3956895
Будни и праздники императорского двора.: Питер; Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-459-00388-8

Аннотация

«Нет места скучнее и великолепнее, чем двор русского императора». Так писали об императорском дворе иностранные послы в начале XIX века. Роскошный и блистательный, живущий по строгим законам, целый мир внутри царского дворца был доступен лишь избранным. Здесь все шло согласно церемониалу: порядок приветствий и подача блюд, улыбки и светский разговор... Но, как известно, ничто человеческое не чуждо сильным мира сего. И под масками, прописанными в протоколах, разыгрывались драмы неразделенной любви, скрытой ненависти, безумия и вечного выбора между желанием и долгом.

Новая книга Леонида Выскочкова распахивает перед читателем запертые для простых смертных двери и приглашает всех ко двору императора.

Содержание

Глава 1 «Чертовы куклы»: под сению двора	4
«Настоящая верховная власть есть двор»	4
«Стоящие у трона»: придворные чины и звания	21
Камергеры: «комнатные господа»	26
«NN сделан камер-юнкером»: камер-юнкеры	28
С портретом и кокардой: кавалерственные статс-дамы	35
С шифром фрейлины	40
«Наряды, наряды и еще раз наряды»: дамская мода	51
«Быть дамам в русском платье»: дамская униформа	65
«Не изъяснялася по-русски»: язык двора	71
Свита играет короля: императорская свита, дворцовые гренадеры, конвой	76
Свита Его Императорского Величества	76
Рота дворцовых гренадер	79
Конвой Его Императорского Величества	82
Придворнослужители	85
Глава 2 Семейные даты государственного масштаба во власти этикета	91
Праздничные и табельные дни	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Леонид Владимирович Выскочков

Будни и праздники императорского двора

Глава 1 «Чертовы куклы»: под сению двора

«Настоящая верховная власть есть двор»

Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перецеголяет, а плетью обуха не перешибет¹.

А. С. Пушкин – Н. Н. Пушкиной, апрель 1834 г.

¹ А. С. Пушкин – Н. Н. Пушкиной, 20 и 22 апреля 1834 г. // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 15 [М.; А], 1948. С. 129.

Рассерженный Пушкин в приведенной цитате эпатирует. Термин «камер-паж» был хорошо известен его современникам. Им I не нужно было объяснять, чем камер-паж, выпускник с отличием Пажеского корпуса, призванный к службе (в качестве начала карьеры) при августейших дамах императорского или великокняжеского двора, отличается от почетного придворного звания «камер-юнкер». Почетное звание камер-юнкер (до 1809 г. чин) было желанным в то время для многих отпрысков аристократических семей и еще более для их родителей. Ведь Санкт-Петербург был городом двора, аристократии, чиновничества и гарнизона. Перефразируя известные слова поэта «Под сению Екатерины...», можно смело сказать, что он существовал «под сению двора».

По большому счету двор как некое собрание людей, приближенных к правителю, существовал всегда. Но только при Петре Великом начала формироваться его структура, особая придворная культура. Своего расцвета, пышности и политического могущества двор достиг к концу XVIII – первой половине XIX в., в правление трех императоров: Павла I, Александра I и Николая I. Именно этому времени, когда двор, точно зеркало отражавший основные черты великодержавных правителей, стал всемогущим, и посвящена наша книга.

Придворный обиход в России стал строиться по западноевропейскому образцу с начала XVIII в.; придворные же штаты окончательно упорядочиваются лишь в XIX в. Обычай императорского двора окончательно сформировались в царствование Николая I. Как пишет историк Л. Е. Шепелев, «... основной идеей их была демонстрация политического престижа империи и царствующей фамилии. При этом естественным было усвоение уже существовавшего на Западе – как общих принципов организации двора, включая некоторые церемониалы, так и номенклатуры придворных чинов и званий. В первом случае за образец был принят французский двор; во втором – двор прусских королей и австрийский императорский двор. Однако в обычаях российского двора с самого начала присутствовали специфические православный и национальный элементы»².

Историк В. О. Ключевский в одной из последних своих дневниковых записей 1911 г. в контексте революции 1905–1907 гг. подчеркивал обособленность двора от русского общества, проявившуюся после 14 декабря 1825 г.: «Двойной страх вольного духа и народа объединял династию и придворную знать в молчаливый заговор против России»³.

В период царствования Екатерины II двор был пышным и отличался роскошью, что бросалось в глаза иностранным наблюдателям. Но, отмечая это, английский посланник Джеймс Харрис, прибывший в Санкт-Петербург в 1778 г., вскоре был вынужден заметить: «Много роскоши и мало морали – похоже, это отличает все слои населения»⁴. Французская революция нанесла удар по идеологии и практике «придворного общества» европейских монархий. Возросла роль просвещенной бюрократии как части чиновничьей элиты. В силу этого следование консервативной идее абсолютной монархии, требовавшее пышности двора, строгого и детально разработанного этикета, сочеталось с новыми подходами к финансовым аспектам содержания двора и к его структуре. Начиная с Павла I императорский двор, при всей торжественности этикета, приобретает более упорядоченные и строгие формы.

Структура двора четко регламентировалась высочайше утвержденным Придворным штатом от 30 декабря 1796 г.

² Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. М., 2001. С. 394–395.

³ Ключевский В. О. Дневниковые записи 1902–1911 гг. // Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты. Дневники. М., 1993. С. 408.

⁴ Цит. по: Андреева А. Н. Российский императорский двор в записках английских путешественников: последняя четверть XVIII в. // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история» (2004–2007) / Под ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шеласовой (отв. ред.) и др. СПб., 2009. С. 101.

Придворные должности, восходящие к натуральному хозяйству прошлых веков, типа квасоваров, пивоваров, водочных мастеров и другие подобные им, были упразднены, так как отныне эти продукты предполагалось получать от подрядчиков. Громоздкое придворное хозяйство значительно упрощалось.

В области этикета, как отмечал мемуарист Н. А. Саблуков, Павел отдавал дань французской дореволюционной традиции: «Как в Гатчине, так и в Павловске строго соблюдались костюм, этикет и обычаи французского двора»⁵. Это подтверждает и князь Станислав Понятовский: «Император хотел придать своему двору характер двора Людовика XIV и приучить почетных лиц появляться при дворе. Он стал подражать обычаю – просматривать список лиц, съезжавшихся вечером, и отмечал карандашом тех из них, которые должны были остаться ужинать»⁶.

При всей разнице характеров и взглядов Павла I и Марии Федоровны их объединяла страсть к церемониям и этикету. В это время придворные церемонии были пышными и весьма обременительными. И. И. Дмитриев пишет: «Никогда не было при дворе такого великолепия, такой пышности и стройности в обряде. В большие праздники все придворные и гражданские чины первых пяти классов были необходимо во французских кафтанах, глазетовых, бархатных, суконных, вышитых золотом, или, по меньшей мере, шелком, или со стразовыми пуговицами, а дамы – в старинных робах, с длинным хвостом и огромными боками (фишбейнами), которые бабками их были уже забыты»⁷.

Следует пояснить, что в литературе существует большая путаница в описании юбок на каркасной основе, то есть различных видов кринолина. В XVIII в. это робы, фишмы, фишбейн, панье, «булочки». Как уточнил историк Константин Писаренко, фишмы, или, иначе, фишбейн, – «юбка с встроенным в нее китовым усом». Но в приведенной цитате на самом деле имеются в виду два вида каркасных юбок: собственно фишбейн и «булочки» – каркас по бокам из ивовых или тростниковых прутьев, обшитый плотной материей, на который надевалась парадная юбка (Подробнее см.: *Писаренко К. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 69.*)

Мемуарист И. И. Дмитриев рассказывает о торжественном выходе императора: «Выход императора из внутренних покоев для слушания в дворцовой церкви литургии предварялся громогласным командным словом и стуком ружей и палашей, раздававшимися в нескольких комнатах... Кавалергарды под шлемами и в латах. За императорским домом следовал всегда бывший польский король Станислав Понятовский, под золотою порфирию на горностае...»⁸ А. И. Рибопьер, как и многие другие мемуаристы, отмечает торжественный этикет при дворе: «Любя вообще простоту, Павел допускал пышность в одних лишь церемониях, до которых он был большой охотник»⁹.

Церемонию представления императору частных лиц, получивших такое разрешение, описал К. Г. Гейкинг. Алексей Куракин так наставлял провинциала: «Вы должны преклонить колени и поцеловать руку сначала у императора, затем у императрицы»¹⁰. Впрочем, Павел быстро поднял гостя. Далее «императрица села за бостон с князем Репниным, вице-канцлером Куракиным и графом Николаем Румянцевым. Она сидела на софе, по правую руку от нее находился император, рядом с ним на кресле сидел великий князь Александр, немного далее Константин, а затем все остальные по рангу. Взрослые княжны были по другую сто-

⁵ Саблуков Н. Л. Записки // Царевубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. М., 1996. С. 45.

⁶ Воспоминания князя Станислава Понятовского (1776–1809) // Русская старина (далее – РС). 1898. Т. 95. № 9. С. 586.

⁷ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь: В 3 ч. Ч. 2. М., 1866. С. 149.

⁸ Дмитриев И. И. Указ. соч. С. 149.

⁹ Рибопьер Л. И. Записки // Русский архив (далее – РА). 1877. Кн. 1. № 4. С. 481.

¹⁰ Гейкинг К. Г. Дни императора Павла: Записки курляндского дворянина. СПб., 1907. С. 7.

рону матери, с г-жей фон-Ливен вокруг круглого стола, занимаясь рукоделием. Император один вел беседы...»¹¹

Был регламентирован и этикет при встрече с императором на улице, когда мужчины должны были выходить из экипажа, а женщины делать книксен на его подножке. Но для этого нужно было вовремя заметить приближающегося императора, что было непросто, так как Павел I «постоянно ездил по петербургским улицам верхом, почти без свиты, часто в санях и тоже без эскорта или какого-либо иного признака, позволяющего бы узнать его». Продолжая свою мысль, известная французская портретистка Мария Луиза Элизабет Виже-Лебрен вспоминала о своей встрече с императором: «Однажды Павел попался мне навстречу, но кучер не заметил его, и я едва успела закричать: "Стой, император!" Впрочем, когда мне уже отворяли дверцу, он сам вышел из саней и остановил меня, весьма любезно присовокупив, что указ его не касается иностранок и тем паче г-жи Лебрен»¹². Известный анекдот с польской дамой-горбуньей, которая сделала реверанс на подножке экипажа, а императору показалось, что она села на подножку, приводит Ф. О. Кутлубицкий (в другой транскрипции Котлубицкий). По выяснении обстоятельств Павел I способствовал решению ее дела о поместье, тянувшегося в Сенате 10 лет, но передал указание сразу же покинуть столицу¹³.

О страсти императора к церемониям писали многие мемуаристы. Французский посланник писал, что «просто невероятно, до какой степени Павел любит большие церемонии, какую важность им придает и сколько времени на них тратит»¹⁴. По его же мнению, должность обер-церемониймейстера стала одним из важнейших постов в империи. «Государь с какою-то, присущею ему, особой страстностью и мелочностью придумывал все новые усовершенствования для придворного этикета, – пишет графиня В. Н. Головина, – по этой причине празднества и даже балы делались не менее утомительными и скучными, чем торжественные поздравления»¹⁵. Американский исследователь Ричард Уортман справедливо замечает: «Павел соединил символику религиозного, военного и придворного превосходства, пытаясь возвысить свою власть как объект почитания и послушания»¹⁶. Это нашло отражение в повышении его (церемониймейстера) класса: с 1743 г. – IV класс, с конца XVIII в. – III класс, после 1858 г. – II и III классы.

Граф Ф. Г. Головкин упоминает церковные праздники, тезоименитства членов императорской семьи, орденские праздники, прием от купели новорожденных солдатских детей¹⁷. У многих остались в памяти пышные церемонии и этикетные балы, на которых приглашенные должны были придерживаться строгих регламентаций в костюме. Интересны рассуждения А. И. Рибопьера о придворных мундирах: «Он обрядил в форменное платье не одних военных, но и всех придворных, которые до тех пор облекались в самое изящное и богатое платье по своему усмотрению. Виндзорский покрой, за исключением цвета, послужил образцом для малого мундира; что же касается кафтана; кафтан этот увидел он на Ненчини, певце-буфе итальянской оперы»¹⁸.

¹¹ Там же.

¹² Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве 1795–1801. СПб., 2004. С. 77–79.

¹³ Рассказы генерала Кутлубицкого о временах Павла I. Рассказы о старине / Записал А. И. Ханенко. // Русский архив (далее – РА). 1912. Кн. 2. № 8. С. 521.

¹⁴ Цит. по: Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 242.

¹⁵ Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной (1766–1811) / Вступл. и примеч. К. Валишевского; Пер. с франц. [по рукописи] К. Папудогло. М., 1911.

¹⁶ Уортман Р. Сценарии власти. С. 243.

¹⁷ Головкин Ф. Г. Двор в царствование Павла I... С. 143. // Головкин Ф. Г. Двор в царствование Павла I. СПб., 1911. С. 143.

¹⁸ Рибопьер Л. И. Записки / Предисл. и примеч. А. А. Васильчикова // РА. 1877. Кн. 1. № 4. С. 480.

Специальное законоположение об императорской фамилии было разработано в 1797 г. Согласно ему императорскую фамилию составляли император, императрица (жена), вдовствующая императрица (мать) и великие князья: сыновья, дочери, внуки и правнуки здравствующего или умершего императора. Наследник носил титул цесаревича. Родственники императора ниже правнуков, а после 1885 г. – ниже внуков получали титул князя императорской крови. К концу царствования Николая I императорская фамилия насчитывала 28 человек, в 1881 г. – 43, в 1894 г. – 46, в начале XX в. – 53, в 1914 г. – более 60 человек.

Царствование Павла I – это время дворцовых интриг, которым способствовал подозрительный и непостоянный характер монарха. Испытывая втайне презрение к Павлу, придворное окружение в страхе рукоплескало ему. Господствующий страх, как вспоминал И. И. Дмитриев, не мешал «коварным царедворцам строить ковы друг против друга, выслуживаться тайными доносами и возбуждать недоверчивость в государе, по природе добром и щедром, но вспыльчивом. От того происходили скоропостижные падения чиновных особ, внезапные высылки из столицы даже и отставных из знатного и среднего круга, уже несколько лет наслаждавшихся спокойствием скромной и независимой жизни». Так называемое «Смоленское дело» 1798 г., повлекшее многочисленные опалы, смену лиц на государственных и придворных должностях, отдаление Павла I от Марии Федоровны и Е. И. Нелидовой, выдвижение «дамы сердца» А. П. Лопухиной, только приблизили мартовскую развязку 1801 г.

Для большинства екатерининских выдвиженцев само вступление на престол непредсказуемого императора воспринималось как стихийное бедствие. Не многие из дворян нашли мужество признать значение царствования Павла I. В изображении Д. П. Рунича Павел I чуть ли не образец государя: «Клевета ничего не щадила, чтобы очернить нравственный характер Павла I. Названия тирана, сумасброда, сумасшедшего были ему расточаемы до и после смерти... Он был строг, но справедлив; жесток, но всегда великодушен и щедр. И если он был жертвой заговора, этот заговор не был делом какого-нибудь Катона из Утики и еще меньше следствием народного голоса: во всякой стране найдутся Равельяки!» Другой современник, А. М. Тургенев, признает, что в провинции были и положительные перемены: «Здесь, кстати сказать, что с начала вступления Павла Петровича на трон в кабаках не подталкивали, в лавках не обвешивали и в судах не брали взятки. Все боялись кнута». И он же добавлял: «Народ восхищался, одобрял, восхвалял все злодеяния Павла над дворянами свершившиеся». Немецкий писатель Август Коцебу, в то время состоявший при русском дворе, пишет о радости столичного офицерства и чиновников после переворота: «Все это (радость в обществе. – А. В.), однако, не касалось лиц низшего сословия и редко касалось частных лиц, не занимавших никакой должности. Только лица, находившиеся на службе, какого бы звания они ни были, постоянно чувствовали над собой угрозу наказания. Народ был счастлив. Его никто не притеснял... Из 36 миллионов людей, по крайней мере, 33 миллиона имел повод благословлять императора, хотя и не все сознавали это». Народ, как всегда, безмолвствовал.

Новый облик двора, сложившийся в значительной степени при Павле I, сохранился в последующие два царствования. Но личность императора накладывала свой отпечаток на императорский двор в каждое из царствований. Графиня В. Н. Головина, рассказывая о преувеличенной склонности к приемам Павла I, отмечает, что его сын Александр в этом отношении является антиподом¹⁹.

Великий князь Александр Павлович с удовольствием носил партикулярный костюм, что восходило скорее к традициям екатерининской эпохи, но в то же время отражало и новое поветрие высшего света – англomанию. Вспоминаются пушкинское «как денди лондонский одет», многочисленные бонны (ирландки, шотландки, иногда и англичанки), прибывавшие

¹⁹ Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной. С. 182.

в Санкт-Петербург учить детей аристократов английскому языку, чаепитие на английский лад... Его супруга Елизавета Алексеевна писала в одном из писем матери: «Он любит все английское, сам одевается в соответствии с английской модой, туфли с большим вырезом, английский фрак и т. д.»²⁰ Александр – это щеголь и франт. Опять же вспоминается фраза из эпиграммы А. С. Пушкина: «плешивый щеголь, враг труда». Это не совсем так, даже совсем не так – насчет императорской лени, но лысина у всех сыновей Павла I (так же как и у него самого) была родовым признаком, хотя его младшие сыновья – Николай и Михаил – париков уже не носили. После вступления Александра I на престол тут же исчезли парики и пудра, поколенные кюлоты и другие детали костюма и внешнего вида старого французского дворянства. Обстоятельства вступления Александра Павловича на престол (не отцеубийца, но сын, который не предотвратил убийство отца) наложили отпечаток на всю придворную жизнь первой четверти XIX в. Александр замкнут и одинок и старается вести жизнь вдали от большого общества.

Через несколько часов после убийства Павла в Михайловском замке Александр I, а вслед за ним и другие члены императорской семьи переехали вновь в Зимний дворец. В манифесте о восшествии на престол смерть отца была приписана апоплексическому удару (напомним, что причиной кончины Петра III были объявлены «геморроидальные колики»). В манифесте было заявлено, что он принимает на себя «обязанность управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей августейшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великия...»²¹ После церемонии коронации в Москве 15 сентября 1801 г. Александр I торопится вернуться в Санкт-Петербург.

Его быт прост и непритязателен, он мало заботится об удобствах в дороге, не считаясь с интересами спутников. Нужно вспомнить, что строительство дороги между Санкт-Петербургом и Москвой начнется позднее и полностью завершится только к 1833 г. Тогда же на столбовой дороге лежали бревна, посыпанные песком. Вот письмо Елизаветы Алексеевны к матери о возвращении в столицу от 21 октября (2 ноября) 1801 г.: «.. Мы приехали сюда в субботу вечером после тяжелого путешествия, от которого я еще не пришла в себя: дороги и погода были ужасными! Во что бы то ни стало император желал прибыть на пятый день, так что первые две ночи мы отдыхали несколько часов либо на стульях, либо на земле, кровати привезли только под утро; единственно спокойной была третья ночь, а четвертую мы провели в пути, на колесах. Это было утомительно... Мы бывали счастливы, если могли поменять белье... Сейчас, когда я меняю блузку, чищу зубы, а главное, когда завтракаю – радуюсь, потому что этими тремя вещами приходилось по большей части пренебрегать в дороге за неимением необходимых принадлежностей. Княжна Шаховская (Наталья Шаховская, фрейлина, будущая Голицына. – А. В.) оказалась верным компаньоном в наших бедствиях; она лежала на земле и воздерживалась от пищи вместе с нами...»²²

В жизни императорской четы почти нет выходов в театр или пышных придворных развлечений, столь памятных многим по екатерининскому царствованию. Через месяц в другом письме, от 3 (15) декабря 1801 г., императрица доверительно пишет о повседневной жизни в стенах Зимнего дворца: «...Наши дни текут по тому же распорядку, что и на Каменном острове (Каменноостровский дворец считался летней резиденцией; только при Николае I Каменный остров был включен в городскую черту. – А. В.). С той разницей, что гуляю я теперь в час дня; около трех часов дня мы обедаем. Окружение все то же, иногда присоединяется кто-то еще, среди них главные адъютанты, которые не обедают за городом.

²⁰ № 18. Петербург, 12/23 мая 1793 г. Цит. по: *Васильева А. Н.* Жена и муза: тайна Александра Пушкина. Факты, даты, документы, воспоминания, письма, слухи, легенды, стихи и взгляд автора. М., 2001. С. 21.

²¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ) 1-е собр. Т. 26. № 19779, 12 марта 1801 г.

²² № 229. Петербург, 21 октября / 2 ноября 1801 г. Цит. по: *Васильева А. Н.* Жена и муза: тайна Александра Пушкина. С. 109

Бывает, после обеда Император спит. По воскресеньям император приглашает по очереди кого-либо из первых лиц. Иногда по вечерам я принимаю дам. Среди тех, кто ужинает, графиня Строганова, мадам Апраксина, графиня Толстая – жена маршала, и редко графиня Радзивилл. Я порой наношу визиты, а чаще провожу вечера совсем одна со своей сестрой Амелией²³. Император ложится спать ровно в 10 часов. Обычно он направляет ко мне "любителей поужинать перед сном", усаживает нас за стол и удаляется. После ужина я возвращаюсь к себе и тогда остаюсь с Амелией и княжной Шаховской до момента, когда мне пора раздеваться ко сну. Иногда мы болтаем или музицируем, либо вместе, либо поочередно, а часто, как, например, сейчас, моя сестра и княжна сидят каждая со своей книгой, а я в стороне – занимаюсь тем, что считаю необходимым. Единственное разнообразие в нашем образе жизни происходит, когда, время от времени, обычно один раз в неделю, мы обедаем у Императрицы, а она – у нас²⁴. В этом же письме впервые упоминается известная Мария Антоновна Нарышкина...

Тильзитские соглашения 1807 г. также не способствовали балам и празднествам. А после окончания наполеоновских войн победитель Александр уходит в религиозные искания. Бывший «молодой друг» Александра I (разочаровавшийся в императоре после того, как не был назначен наместником в Польше) Адам Чарторыйский писал в 1821 г.: «Та же мрачная идея, что своим согласием на переворот он способствовал смерти отца, в последние годы снова завладела им, вызвала отвращение к жизни и повергла в мистицизм, близкий к ханжеству»²⁵.

Это было особенно заметно по сравнению с отсутствием религиозности у императора в довоенный период. Интересны свидетельства Жозефа де Местра, французского публициста, близкого к Александру I, посланника сардинского короля в России с 1802 г. В предвоенных заметках он написал: «Раньше архиереев приглашали отобедать, теперь такого не случается. Одним словом, наблюдается всеобщее тяготение (особенно со стороны двора), чтобы совсем покончить с религией»²⁶. Позднее он отметил, что у Александра Павловича «до 1812 года нельзя было заметить признаков христианских убеждений»²⁷. В юности безбородый протоиерей Самборский, много лет прослуживший в русском посольстве в Лондоне, учил Александра Павловича основам православия, но не более. Обращение к вере – духовному стержню, судя по всему, произошло во время нашествия Наполеона в Россию, которое было воспринято императором как наказание и одновременно искупление греха отцеубийства. Позднее, в 1818 г., Александр I в Пруссии говорил местному епископу: «Пожар Москвы осветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотой веры, какой я до тех пор не ощущал»²⁸.

Одним из тех, кто оказал большое влияние на императора в религиозной сфере, был знакомый ему с юности любимец императора князь А. Н. Голицын. 21 октября 1803 г. он неожиданно был назначен обер-прокурором Святейшего Синода, стал главным проводником религиозной политики императора. Можно сказать, что религиозные взгляды Александра I находились в поле учения «внутренней церкви», распространившегося в Европе в конце XVIII в. В его центре находилось убеждение, что для единения человека с Богом важна

²³ Амелия – принцесса Баденская (1776–1823), приехавшая в Россию с матерью и оставшаяся при дворе. Мать надеялась, что сестрам будет веселее вместе, а главное, что Амелия, вращаясь в таком обществе, сможет удачно выйти замуж.

²⁴ № 230. Петербург, 3/15 декабря 1801. Цит. по: *Васильева А. Н.* Жена и муза: тайна Александра Пушкина. С. 109–110.

²⁵ Цит. по: *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. С. 488.

²⁶ *Местр, Ж. де.* Религия и нравы русских. СПб., 2010. С. 38.

²⁷ Там же. С. 8.

²⁸ *Дубровин Н. Ф.* Наши мистики-сектанты // Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века) / Изд. подготовил П. В. Ильин. СПб., 2009. С. 356.

внутренняя вера, а все внешние религиозные признаки той или иной конфессии значения не имеют. Христиане – все, кто верует во Христа, и неважно, кто как молится Богу.

Обратившись к религии, Александр I живет уединенно (связь с М. А. Нарышкиной прервалась, сближения с Елизаветой не произошло). В Санкт-Петербурге он пребывает в Каменноостровском дворце, в тот время как его супруга обживает Таврический дворец. Они редко появляются вдвоем, только на официальных и семейных торжествах, таких как свадьба великого князя Николая Павловича и Александры Федоровны в 1817 г. Живет замкнуто Александр I и в своей любимой загородной резиденции – Царском Селе.

София Шуазель-Гуфье (в дореволюционном издании ее мемуаров Шуазель-Гуфье), урожденная графиня Тизенгаузен, бывшая фрейлина в начале царствования Александра I, в 1824 г. ищет встречи с императором в Царском Селе, чтобы хлопотать о месте флигель-адъютанта в императорской свите для своего сына. Она пишет: «Я прошла мимо дворца, громадного здания в старом французском стиле, разукрашенного статуями и позолотой, куполами и пр. Дворец этот показался мне пустынным; одни лишь часовые стояли на посту во дворе. Уединение, в котором жил государь, внушило мне мрачные мысли... Быть может, я не получу и стакана воды в этом дворце, негостеприимном, как все обиталища великих мира сего... Так я дошла до Китайского города, как называют построенные в китайском вкусе хорошенькие домики, числом около двадцати, где живут адъютанты его величества. У каждого из них свой особый дом, конюшня, погреб и свой сад. В середине этого небольшого городка, расположенного в форме звезды, находится окруженная тополями круглая беседка, где г.г. адъютанты собираются на балы и концерты...»²⁹ Она встретила императора на прогулке в парке... Интересно другое: царь сам по себе, а его свита – сама по себе...

Остались позади «дней Александровых прекрасное начало...» и даже последующие колебания правительственного курса между либерализмом и консерватизмом... После 1820 г. и новой революционной волны в Европе Александр I везде видит происки «всемирного заговора» революционеров. В 1822 г. запрещены все тайные общества. От служащих берут подписку о неучастии в них, а император пишет записку «О пагубности духа либерализма». Он готовит разгром дворянской конспирации – будущих декабристов (не успел, завершил Николай I). Он много ездит по Европе и по России, оправляясь в путь обычно ранней осенью.

В период наполеоновских войн начала XIX в. при склонности Александра I к личному уединению двор стал более замкнутым общественным институтом. Русская придворная жизнь хотя и не несла уже такого живописного колорита, как на сказочных празднествах времен Великой Екатерины, но по-прежнему отличалась блеском и великолепием. Для представительства при дворе требовалось немало средств. Хранителем придворного этикета, блеска и великолепия была вдовствующая императрица Мария Федоровна, ее приемы заменяли «большому свету» общение с малодоступным Александром I.

Пользуясь благосклонностью Александра, она располагала годовым доходом в один миллион рублей. Ее личный двор затмевает императорский; она выезжает в карете, запряженной шестеркой лошадей, в сопровождении гусар и пажей, присутствует на церемониях в военном мундире, украшенном орденой лентой. Ее приемы торжественны и помпезны. Французский генерал А. Савари, прибывший в Санкт-Петербург после Тильзитского договора 1807 г., посылает во Францию донесение: «Придворный церемониал и этикет соблюдается императрицей-матерью... Во время публичных церемоний Мария Федоровна опирается на руку императора; императрица Елизавета идет позади и одна. Я видел войска под ружьем и царя верхом, ожидавших прибытия его матери. За любое назначение, за каж-

²⁹ [Шуазель-Гуфье, София де]. Исторические мемуары об императоре и его дворе графини Шуазель Гуфье, урожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при Российском дворе. М., 1912. С. 235.

дую милость являются благодарить ее и поцеловать ей руку, хотя бы она не принимала в этом никакого участия; ни о чем подобном не докладывают императрице Елизавете – это не принято. Петербургская знать считает своим долгом показываться на приемах императрицы-матери по крайней мере раз в две недели. Елизавета почти там не бывает, а император обедает три раза в неделю и нередко остается ночевать»³⁰. Еще одним увлечением Grand Maman был театр. Спектакли давались в Павловске обычно по воскресеньям, а в Петербурге – по четвергам. В письме от 13 (25) ноября 1808 г. императрица Елизавета Алексеевна заметила: «Спектакли, которые Императрица давала по четвергам прошлой зимой, возобновились. На них я чувствую себя лучше, чем на балах...»

Прибывшая в Россию в мае 1825 г. из Лондона супруга российского посла Х. А. Ливена (сама по себе «женщина-дипломат» и сестра А. Х. Бенкендорфа) Дарья Христофоровна Ливен зафиксировала свои впечатления о русском дворе в «Политических воспоминаниях о союзе с Англией». Окунувшись в Павловске в «водоворот праздников, представлений и удовольствий», она сообщала: «У Марии Федоровны собиралась вся императорская семья, кроме самого императора; у нее я встретила даже принцессу Оранскую, к тому времени королеву Голландии и герцогиню Веймарскую. Министры, элита петербургского общества собиралась у императрицы по вечерам». Графиня также отметила, что после 13 лет отсутствия «вновь обрела привычки моей юности, материнскую доброту императрицы и даже этот невыносимый придворный этикет, прежнюю рутину куртизанства». Она отмечает прежнее раболепие придворного общества: «Я видела это зрелище прежде, но я не думала о нем; сегодня же оно меня поразило и позабавило. Эти занятия пустыми делами; эта важность, которая придается мелочам; эта манера каждого русского спешить, чтобы потом долго ждать, это абсолютное самоуничижение и подобострастность к персоне суверена. Все это разительно отличалось от страны, откуда я приехала». Графиня Ливен явно пишет для иностранцев, уже со стороны наблюдая за придворной суетой. На них рассчитано упоминание о Царском Селе с замечанием о том, что оно «достойно нашего царствования, как Версаль был достоин царствования Людовика XIV»³¹.

Следует пояснить, что «королева Голландии» – это дочь Марии Федоровны Анна Павловна, в то время принцесса Оранская, которая станет королевой Голландии в 1840 г., но в объединенном тогда с Бельгией королевстве Нидерланды (1815–1830 гг.) существовала провинция Голландия, королевой которой она считалась и ранее. Дарья Ливен не допустила ошибки, назвав ее королевой не нидерландской, а голландской. Она вместе с мужем (будущим голландским королем Вильгельмом II) приехала в Петербург в сентябре 1824 г. и задержалась до лета 1825 г., покинув Петербург почти одновременно с сестрой Марией Павловной, герцогиней (с 1828 г. – великой герцогиней) Саксен-Веймарской и Эйзенахской.

Аккредитованный в Санкт-Петербурге в ноябре 1824 г. полномочный посланник Испании Хуан Мигель Паэс де ла Кадена застал последний год царствования Александра I и воцарение Николая I. В 1826 г. он присутствовал на коронации Николая I и в числе других дипломатов получил тогда золотую коронационную медаль. Русский двор ошеломил испанского посланника своим великолепием. В одном из более поздних донесений в Мадрид, сохранившихся в архиве Министерства иностранных дел Испании, от 9 августа 1828 г., он писал: «Таковым был тогда, в тот день, когда я прибыл, этот блестящий двор и с небольшими изменениями продолжал оставаться таким впоследствии, в высшей степени пышным и блестящим, а о его высшем обществе с точки зрения роскоши и взыскательности мне нелегко было бы дать точное представление... На троне находится молодая императрица, исполненная грации, изящества, привлекательности, наделенная красотой и элегантностью, которой нра-

³⁰ Цит. по: Труайя Л. Александр I. М., 1997. С. 118.

³¹ Цит. по: Тяньшина Н. 17. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009. С. 69–70.

вятся балы и ассамблеи, театры и другие увеселения и бесконечные развлечения, которым ее Августейший Супруг, доставляющий ей удовольствия и радость, покровительствует во всех отношениях и в наивысшей мере; следствием является то, что лица при этом богатом дворе испытывают его большое влияние и стремятся к блеску и великолепию, с которым ни один другой [двор] не может соперничать. Кроме того, с достопамятного времени коронования в Москве, когда вся Европа стремилась окружить самой изысканной помпой и высоким почтением августейший трон этого монарха, последовали великолепные празднества, возможно, ранее никогда не виданные, на которых соперничали в блеске и великолепии. Представители высоких правителей, наряду с самим этим двором, сохранили тенденцию к пышной и роскошной избыточности, которая, несомненно, получила тогда большой импульс; и по указанным мотивам ввиду процветающего благосостояния этой империи, впоследствии ее следовало поддерживать. Прежде чем закончить... я хотел бы добавить в доказательство некоторые убеждающие [аргументы]; среди прочего достаточно упомянуть, что только ремонты, сделанные с тех пор, и увеличенное убранство квартир Их Величеств, правящей императрицы и императрицы-матери, где обновлены мебель, малахитовые каминь, статуи, зеркала и т. д., обошлись в четыре миллиона рублей»³². Действительно, трудами архитектора К. И. Росси и О. Монферрана были созданы новые интерьеры. Северо-западный так называемый ризалит Зимнего двора становится отныне зоной личных покоев императорской семьи; обновляется и половина (личные апартаменты) императрицы Марии Федоровны, выходящая на Дворцовую площадь.

Обычно отмечают, что Николай I после подавления восстания декабристов сделал акцент на чиновной бюрократии. Рассматривая императорский двор «как олицетворение нации», Р. Уортман писал: «Если плац-парад отождествлял императорскую фамилию с вооруженными силами и, шире, с нацией, то двор Николая демонстрировал связь фамилии с русским чиновничеством»³³. Но дело было не только в дворянской антипатии Николая Павловича, а в указанной выше тенденции «новых монархов» делать ставку на просвещенную бюрократию и наметившийся отход от фаворитизма в придворном обществе.

Сужение социальных функций двора было отмечено в первом обзоре общественного мнения, подготовленного III Отделением Собственной Его Императорского Величества (СЕИВ) Канцелярии за 1827 г.: «Двор, т. е. круг людей, из коих собственно и составляется придворное общество, или люди, состоящие на службе при дворе, делятся на две группы. Одни проявляют особую привязанность к ныне царствующим августейшим особам и являются сторонниками принятого в настоящее время этикета, *другие предпочитают* старый порядок и проявляют больше преданности по отношению к императрице-матери... В обществе эта партия именуется Гатчинским двором... Во времена императрицы Екатерины II люди, занимавшие придворные должности, имели большой вес в глазах общества и пр. [...] Теперь дело обстоит совершенно иначе. Придворные образуют отдельную секту, отношения их ограничиваются их кругом, в котором и сосредоточиваются взаимные интересы. Большая часть царедворцев, однако, очень довольна устраиваемыми при дворе увеселениями и любезным обхождением царствующих императора и императрицы в качестве хозяев дома»³⁴. Над заголовком подлинника, написанного на французском языке, была сделана надпись по-русски: «Его Величество изволил читать». В левом верхнем углу Николай I поставил знак

³² Цит. по: Каганэ А. А. Кабинет картин Хуана Мигеля Паэса де ла Кадены, испанского посланника в Санкт-Петербурге // Из истории мирового искусства и культуры: Сб. ст. к 75-летию Юрия Александровича Русакова (1926–1995). СПб., 2003. С. 507.

³³ Уортман Р. Сценарии власти. С. 421.

³⁴ А. Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. (Ежегодные отчеты III Отделения и корпуса жандармов) // Красный архив. 1929. С. 142.

рассмотрения (./.). Слова, набранные курсивом, были написаны в тексте по-русски, а слово «двор» было подчеркнуто Николаем I.

Все познается в сравнении. Даже в этот период иностранные гости отмечали более высокий статус двора в России по сравнению с европейскими монархиями. «В России, – писал маркиз де Кюстин, – двор – реальная сила, в других же державах даже самая блестящая придворная жизнь – не более чем театральное представление»³⁵. Впрочем, некоторая нарочитая театральность, связанная с придворным церемониалом и скрывающая духовную пустоту двора, все-таки оставалась. Писатель Н. С. Лесков в неоконченном романе «Чертовы куклы» так писал о своем герое – художнике Фебуфисе (прототип – Карл Брюллов): «Участие в придворной жизни его не тяготило: сначала это ему было любопытно само по себе, а потом стало интересно и начало втягивать как бы в пучину... Еще позже это стало ему нравиться... Как никак, но это была жизнь: здесь все-таки шла беспрестанная борьба, и кипели страсти, и шевелились умы, созидавшие планы интриг. Все это похоже на игру живыми шашками и при пустоте жизни делает интерес. Фебуфис стал чувствовать этот интерес»³⁶. О неискренности дворцовых завсегдаев упоминали многие. В одном из писем к П. А. Вяземскому А. С. Пушкин писал в 1828 г.: «... Был я у Жуковского. Он принимает в тебе живое, горячее участие, Арзамасское, не придворное»³⁷. Кроме В. А. Жуковского, имевшего доступ ко двору в качестве наставника, были другие представители дружеского литературного кружка «Арзамас» карамзинской направленности, достигшие министерских постов, – Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков и С. С. Уваров, но роль этих «просвещенных бюрократов» была при дворе незначительной.

Неслучайно атмосфера двора многим казалась удушливой. Двор был местом, где скрещивались честолюбивые устремления царедворцев различных рангов. «Итак, я, наконец, вдохнул воздух двора! – писал маркиз де Кюстин. – ... Всюду, где есть двор и общество, люди расчетливы, но нигде расчетливость не носит такого неприкрытого характера. Российская империя – огромная театральная зала, где из всякой ложи видно, что творится за кулисами»³⁸.

Тремя годами раньше новоиспеченный камер-юнкер А. С. Пушкин в письме к жене от 11 июня 1834 г. написал проще и понятнее: «На Того (царя. – А. В.) я перестал сердиться, потому что, в сущности говоря, не он виноват в свинстве, его окружающем, а живя в нужнике, поневоле привыкнешь к говну, и вонь его тебе не будет противна, даром, что *gentleman*. Ух кабы удрать на чистый воздух»³⁹. Как отметил, комментируя эту эскападу, историк Р. Г. Скрынников, «письмо было написано не без дальней цели. Наталья рвалась в столицу, где ее ждали балы и успех. Пушкин старался внушить жене, что двор со всем его блеском и роскошью – настоящий нужник»⁴⁰. Мы не знаем, что думала в тот момент Наталья Николаевна, но знаем ее отношение ко двору после второго замужества. Она писала тогда П. П. Ланскому: «Втираться в придворные интимные круги – ты знаешь мое к тому отвращение... Я нахожу, что мы должны появляться при дворе, только когда получаем на то приказание... Я всегда придерживалась этого принципа»⁴¹.

³⁵ Кюстин Л. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 165.

³⁶ Лесков Н. С. Чертовы куклы. Главы из неоконченного романа // Собр. соч.: В 12 т. Т. 10. М., 1989. С. 370. Приношу благодарность за информацию А. А. Шелаевой.

³⁷ Письма А. С. Пушкина, барона А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского и П. А. Плетнева к князю П. А. Вяземскому 1824–1843 годов (Из Остафьевского архива) // Старина и новизна. Кн. 5. СПб., 1902. С. 5.

³⁸ Кюстин Л. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. 1. С. 149.

³⁹ Пушкин Л. С. Письма к жене. С. 62.

⁴⁰ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. СПб., 1999. С. 109.

⁴¹ Ободовская И., Дементьева М. После смерти Пушкина. М., 1980. С. 75. Цит. по: Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 316.

В целом придворные представляли особую сословно-корпоративную и профессиональную общность, и хотя наибольшую долю придворных составляли представители русского дворянства, явных русских «националистических» предпочтений в царствование Александра I при дворе не наблюдалось. При Николае I в окружении августейшей фамилии было много остзейских немцев, что вызывало определенное раздражение у русского дворянства. Тем не менее национально-культурная специфика состава придворных лиц хотя и придавала двору своеобразие, но по характеру он оставался «русским».

Современники и вслед за ними и историки отмечают и такую неприглядную черту, как «холопство зимнедворцев», что вызвало гневную отповедь М. Ю. Лермонтова. Впрочем, это касалось государя при его жизни и могуществе. Покойный государь, как правило, не вызывал у придворных глубоких эмоций. 19 февраля 1826 г. по случаю памятной церемонии принятия полками мундиров Александра I взводы от соответствующих полков были выстроены у Салтыковского подъезда Зимнего дворца, затем на полковых дворах была объявлена панихида. В донесении полиции по поводу этой церемонии сказано: «Во дворце к чести в нем по обязанности бывших замечена не только грусть, но и самые слезы; равнодушнее всех были придворные»⁴².

Важнейшим преимуществом придворных чинов считалась возможность постоянно и тесно общаться с представителями царствующего дома. Близость к трону позволяла им реализовывать свои интересы и притязать на многое, что после восстания декабристов привело к определенному дистанцированию царя и аристократии и опоре Николая I на остзейских немцев. Неслучайно в духовном завещании Николая I особо упомянуты В. Ф. Адлерберг и его сестра Ю. Ф. Баранова, получившие «пенсии и по 15 тыс. руб. сер.». Маркиз де Кюстин посвятил этой мысли немало строк: «У царских придворных нет никаких признанных, обеспеченных прав, это верно; однако в борьбе против своих повелителей они неизменно берут верх благодаря традициям, сложившимся в этой стране; открыто противостоять притязаниям этих людей, высказывать на протяжении длительного уже царствования то же мужество перед лицом лицемерных друзей, какое явил он перед лицом взбунтовавшихся солдат, есть, бесспорно, деяние превосходнейшего государя; это борьба повелителя одновременно против свирепых рабов и надменных придворных – красивое зрелище: император Николай оправдывает надежды, зародившиеся в день его восхождения на престол; а это дорогого стоит – ведь ни один государь не наследовал власти в более критических обстоятельствах, никто не встречал опасности столь неминуемой с большей решимостью и большим величием духа!»⁴³

Самое парадоксальное, что большинство членов императорской семьи также ненавидели двор и связанные с ним оковы этикета. Вспоминая свои первые месяцы после бракосочетания, будущая императрица Александра Федоровна писала о себе и Николае Павловиче: «Мы наслаждались нашей независимостью, так как в Павловске надобно было жить при Дворе, и как ни добра была к нам Матан, но придворная жизнь и близость Двора были неизбежны с нею, и мы оба ненавидели то, что называется Двором»⁴⁴. Ну как тут не вспомнить об афоризме Жана де Лабрюйера: «Если смотреть на королевский двор с точки зрения жителей провинции, он представляет собою изумительное зрелище. Стоит познакомиться с ним – и он теряет свое очарование, как картина, когда к ней подходишь слишком близко»⁴⁵. Маркиз де Кюстин воспринял русский двор как театр: «Чем больше я узнаю двор, тем более

⁴² Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Кн. 1. М., 1997. С. 359.

⁴³ *Кюстин Л.* Россия в 1839 году: В 2 т. Т. 1. С.

⁴⁴ *Александра Федоровна.* Из альбомов императрицы Александры Федоровны [Воспоминания 1817–1820] // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 160.

⁴⁵ *Лабрюйер, Жан де.* Из характеров или нравов нынешнего века // Франсуа де Ларуш-фуко. Блез Паскаль. Жан де Лабрюйер: Суждения и афоризмы. М., 1990. С. 331–332.

сострадаю судьбе человека, вынужденного им править, в особенности, если это двор русский, напоминающий мне театр, где актеры всю жизнь участвуют в генеральной репетиции. Ни один из них не знает своей роли, и день премьеры не наступает никогда, потому что директор театра никогда не бывает доволен игрой своих подопечных. Таким образом, все, и актеры, и директор, растрачивают свою жизнь на бесконечные поправки и усовершенствования светской комедии под названием "Северная цивилизация". Если даже видеть это представление тяжело, то каково же в нем участвовать!»⁴⁶

Хорошо знавший двор камергер и поэт Ф. Тютчев в одном из более поздних писем к жене в мае 1857 г. назвал собравшихся во дворце «безмозглой толпой». Несколькими годами ранее, накануне объявления войны с Турцией, 3 октября 1853 г., он отметил полное равнодушие великосветского общества к судьбе страны. «Ах, в какой странной среде я живу! – писал он 3 октября 1853 г. – Бьюсь об заклад, что в день страшного суда в Петербурге найдутся люди, делающие вид, что не подозревают этого... Здесь, то есть во дворцах, разумеется, безалаберность, равнодушие, застой в умах прямо феноменальны»⁴⁷.

Императорский двор функционировал в условиях царствований, которые различались характером политических режимов. Это не могло не наложить отпечаток на роль двора в обществе. Двор первой четверти XIX в., отвечая идеалу политики умеренного либерализма Александра I, функционировал в русле «екатерининской традиции», ориентированной на идеалы Просвещения, в то время как двор Николая I в духе патернализма, нашедшего свое воплощение, в частности, в «теории официальной народности», ориентировался на традиционализм, самобытность.

Как же был устроен двор? Под императорским двором (кроме большого двора существовало также несколько малых дворов отдельных представителей императорской фамилии) обычно понимаются императорская резиденция и три группы лиц: придворные чины, придворные кавалеры (лица, имеющие придворные звания) и придворные дамы (дамы и девицы, имевшие особые «дамские» придворные звания). При дворе также находилось большое количество мелких чиновников и служителей, которые не входили в состав двора (в середине XIX в. в Зимнем дворце проживало около 2 тыс. человек).

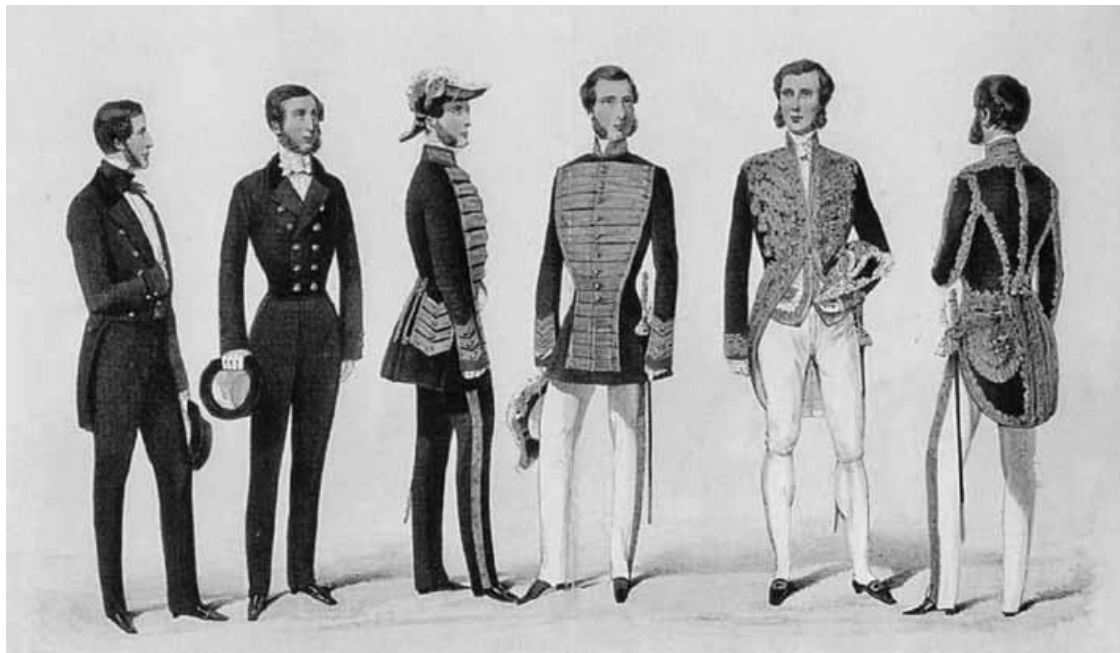
Управление императорским двором и его сложным хозяйством осуществлялось придворной конторой. В соответствии со штатом 1841 г. она ведала содержанием императорских дворцов, парков, садов, придворным штатом, устройством придворных церемоний, довольствием императорской семьи. Позднее, в 1883 г., контора была преобразована в главное дворцовое управление, просуществовавшее до 1891 г. гофмаршальская часть (с 1891 г. самостоятельная структура) была важнейшей частью придворного ведомства; она ведала довольствием двора, в том числе императорской семьи, организацией празднеств и церемоний. Сначала (1796 г.) были три класса столов, потом, при Николае I, число их увеличилось до 6. К первому классу относился стол гофмаршальский или кавалерский – для дежурных кавалеров и гостей двора.

Обер-гофмейстер (*gofmeister*, букв. – управляющий двором) заведовал придворным штатом и финансами двора. Ему подчинялись два гофмейстера и придворная канцелярия с потребным числом служителей. В функции канцелярии входило: 1) прием денег по расписанию государственного казначея; 2) отпуск сумм на содержание двора; 3) «приготовление припасов, материалов и прочего, что подрядами делаться должно»; 4) получение годовых счетов всех расходов; 5) хранение сервизов и прочих вещей двора.

⁴⁶ Кюстин Л. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. 1. С. 180.

⁴⁷ Цит. по: Бунатян Г. Г. Город муз. Л., 1987. С. 115.

Но обер-гофмаршал (чин II класса; от нем. *ober*, нем. *Hof* — двор и *marschall* — в средневековой Франции эта придворная должность называлась *marechal*) в рассматриваемый период имел несомненное преимущество над обер-гофмейстером (тоже чин II класса).

Комплект форменной одежды придворных кавалеров. 1855 г.

Весьма характерна история, рассказанная лицейским сокурсником А. С. Пушкина, государственным секретарем бароном М. А. Корфом, чей дневник (в 14 томах, из которых издано два тома) и более краткие «Записки» являются одним из компетентных источников сведений о придворной жизни. Барон М. А. Корф 8 ноября 1838 г. записал в своем дневнике: «Сегодня пришла сюда неожиданно весть о смерти Кирилла Александровича Нарышкина. Рожденный, и воспитанный, и служивший всегда при дворе, он в последнее время был обер-гофмаршалом, но в прошлое Светлое воскресенье во время отсутствия его по болезни за границу переименован в обер-гофмейстеры...» Через 8 дней, 17 ноября, М. А. Корф уточнил, что смерть наступила по другому поводу, но по той же причине неуравновешенного характера. На Нарышкина сильно повлияла внезапная смерть его камердинера-француза. Здоровье его ухудшилось; однажды он заснул и не проснулся. В связи с его кончиной М. А. Корф сожалел только, что «...на эту зиму она закрывает у нас два прекрасных дома: один сына его, женатого на княжне Долгорукой, и другой — обер-церемониймейстера гр. Воронцова, женатого на дочери покойного...»⁴⁸

Кредиты на содержание двора шли из трех главных источников: общего бюджета государства — казны, а также независимых от государства уделов и средств Кабинета Его Императорского Величества. Департамент уделов, образованный при Павле I в 1797 г., осуществлял управление удельными именьями и крестьянами (бывшими дворцовыми), доходы с которых предназначались на производство выплат членам императорской фамилии (великим князьям и княжнам).

Для управления пригородными дворцами и парками при Павле I (1797 г.) были образованы дворцовые управления — Царскосельское, Петергофское, Стрельнинское, Гатчинское, Ораниенбаумское, Павловское.

⁴⁸ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. / Предисл., подготовка к печати и комментарии И. В. Ружицкой. М., 2010. С. 198.

Дворцовыми конюшнями заведовала Конюшенная канцелярия, преобразованная в 1786 г. в Придворную конюшенную контору, а в 1891 г. – в Придворную конюшенную часть. Императорская охота находилась в ведении Обер-егермейстерской канцелярии, преобразованной в 1796 г. в Егермейстерскую контору, а в 1882 г. названной Императорской охотой. В конце XIX – начале XX в. Главная царская охота находилась в Беловежской пушке, ставшей в 1888 г. личной собственностью государя. В 1858 г. из Министерства иностранных дел в придворное ведомство была передана Экспедиция церемониальных дел, переименованная в 1902 г. в Церемониальную часть. Созданный в 1797 г. Капитул императорских орденов был включен в 1842 г. в состав Министерства Императорского двора, созданного 22 августа 1826 г. Почти все царствование Николая I его возглавлял (1826–1852) князь Петр Михайлович Волконский, с 1834 г. – светлейший князь, с 1850 г. – генерал-фельдмаршал, а с 1801 г. – генерал-адъютант.

Он ежедневно встречался с Николаем Павловичем, который его весьма ценил. П. М. Волконский стал первым сановником, чей 50-летний юбилей службы в офицерских чинах (вместе с председателем Государственного совета И. В. Васильчиковым) был торжественно отмечен при Императорском дворе. Традиция отмечать юбилеи службы только зарождалась в России, и с середины 30-х гг. XIX в. праздновалось 50-летие некоторых профессоров и врачей⁴⁹.

«По случаю простуды императрицы, – записал в дневнике 2 января 1843 г. М. А. Корф, – вчерашний новогодний выход был внезапно отменен, но зато мы были свидетелями и действующими лицами в другом театральном зрелище. Вчера же, 1 января 1843 г., был пятидесятилетний юбилей службы в офицерских чинах двух государственных сановников:.. П. М. Волконского и князя Васильчикова...» В связи с тем, что квартира П. М. Волконского при Зимнем дворце была не очень большая, «приветствие ему делалось от Гвардейского корпуса в Белой зале, а от высших особ – в комнате Петра Великого. Государь сам привел его туда, прежде чем ехать к Васильчикову. У него тоже был почетный караул от Белозерского пехотного полка, которым он некогда командовал, и полк этот тоже назван полком "Князя Волконского"»⁵⁰

После П. М. Волконского министрами Императорского двора были В. Ф. Адлерберг (1852–1870), его сын А. В. Адлерберг (1870–1881), И. И. Воронцов-Дашков (1881–1897), В. Б. Фредерикс (1897–1917). С 1826 г. должности министра Императорского двора и министра Департамента уделов были совмещены, а непосредственное руководство ими возложено на вице-президента Департамента уделов (с 1840 г. – товарища министра). Первый год царствования Николая I временным управляющим Департаментом уделов был князь А. Н. Голицын. С 1828 г. вице-президентом, а с 1840 г. товарищем министра был Лев Алексеевич Перовский (с 1855 г. – граф). После кончины в 1852 г. П. М. Волконского, чтобы предотвратить назревавший конфликт двух своих любимцев (Л. А. Перовского и друга юности Николая Павловича В. Ф. Адлерберга), Николай I разделил Министерство Императорского двора и уделов. Были образованы Министерство уделов во главе с Л. А. Перовским и Министерство Императорского двора во главе с В. Ф. Адлербергом. После смерти Перовского указом Александра II от 24 ноября 1856 г. Министерство уделов было упразднено, а его структуры вновь вошли в состав Министерства Императорского двора и уделов. С 1893 г. объединенное министерство стало называться Министерством Императорского двора и уделов.

В 1852 г. Л. А. Перовский одновременно был назначен управляющим Кабинетом Его Императорского Величества. Созданный как личная канцелярия Петра I в 1704 г., Кабинет

⁴⁹ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. / Предисл., подготовка к печати и комментарии И. В. Ружицкой. М., 2010. С. 250.

⁵⁰ Корф М. А. Дневник. Год 1843-й. / Предисл., подготовка к печати и комментарии И. В. Ружицкой. М., 2004. С. 29–30.

Его Императорского Величества постепенно трансформировался в хозяйственный орган, ведавший императорской «комнатной суммой» и «комнатной рухлядью».

Как уже отмечалось, царская семья (включая детей до совершеннолетия или замужества) содержалась за счет государственного казначейства и доходов Кабинета Его Императорского Величества. За счет Кабинета содержался также Императорский двор. Содержание императорского двора стоило громадных средств. При ближайших преемниках Петра I эти расходы составляли 20–25 % государственного бюджета. В середине XIX в. на двор уходило около 10 млн руб. в год, в том числе 3 млн руб. из доходов удельного ведомства и 7 млн руб. из государственного бюджета. Для сравнения: в Англии расходовалось 2,5 млн (в пересчете на рубли), а прусский двор «довольствовался доходами с удельных своих имений»⁵¹. Персональным источником финансирования императора и его семьи и был Кабинет Его Императорского Величества⁵².

В 1801–1810 гг. задача некоторой координации деятельности придворных учреждений, особенно во время отлучек Александра I за границу, возлагалась на Кабинет. В 1810 г., когда глава Кабинета Д. А. Гурьев был назначен министром финансов, эта функция была передана особо доверенному лицу императора князю А. Н. Голицыну, а в 1819 г. – начальнику Главного штаба князю П. М. Волконскому⁵³. Его опыт был вновь востребован при Николае I.

С 1826 г. во главе Кабинета стоял министр императорского двора, который являлся его управляющим (до 1852 г. – князь П. М. Волконский, 1852–1856 гг. – Л. А. Перовский). Официально это было закреплено § 2 высочайше утвержденного устава Кабинета от 27 сентября 1827 г.: «Министр Императорского Двора есть вместе управляющий кабинетом»⁵⁴. В 1852 г. Л. А. Перовский одновременно с заведованием Департаментом уделов был назначен управляющим Кабинетом Его Императорского Величества (1852–1856). В § 1 высочайше утвержденного устава Кабинета от 27 сентября 1827 г. отмечалось, что «кабинет заведует собственностью государя императора и распоряжается оною на основании именных высочайших указов и повелений»⁵⁵. В Кабинете «присутствовали» вице-президент и три члена. В начале царствования Николая I должность вице-президента Придворной конторы и одновременно обер-гофмейстера вдовствующей императрицы Марии Федоровны занимал барон Петр Романович Альбедиль (1764–1830). С 1831 г. членом Кабинета, а с 1833 по 1842 г. вице-президентом Кабинета был князь Николай Сергеевич Гагарин, убитый лесничим, которого он ранее уволил со службы.

В структурном отношении Кабинет подразделялся на казначейство и пять отделений: первое, или Исполнительное, отделение включало общую канцелярскую часть, архив, регистрацию и секретную часть. Второе, или Камеральное, отделение «заведовало делами о золотых, бриллиантовых и других драгоценных вещах, вносимых в комнату Его Императорского Величества (далее – ЕИВ), или назначаемых для подарков, также и делами о мягкой рухляди (пушнине – А. В.)». Третье – «Счетное отделение; четвертое – Горное отделение; пятое – Хозяйственное отделение (прочие дела)»⁵⁶. Среди чиновников Кабинета в духовном завещании 1844 г. Николай I просил наследника «обратить внимание на верную и долговременную службу тайного советника Блока, пожаловав ему пенсию, равняющуюся содержа-

⁵¹ Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 399.

⁵² Дополнительно см.: Глебова И. Царская сумма (Конфиденциальные расходы русских государей) // Родина. 1996. № 1.

⁵³ Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 397.

⁵⁴ Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. 1. № 1408. 1827 г. Сентября 27. Высочайше утвержденный устав Кабинета, распределение занятий, движение дел и ревизия оных.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. 1. № 1408. 1827 г. Сентября 27. Высочайше утвержденный устав Кабинета, распределение занятий, движение дел и ревизия оных. С. 865–866.

нию, которое он получал»⁵⁷. Впрочем, Николай Павлович пережил Блока более чем на семь лет⁵⁸.

Кабинету подчинялись управления Кольвано-Воскресенским и Нерчинскими горно-заводскими производствами, императорскими фарфоровыми, стекольными, зеркальными заводами, гранильными и бумажной фабриками, шпалерной мануфактурой, рудниками и обширными лесными дачами.

В составе придворного ведомства в разное время находились также различные учреждения культуры, включая Императорский Эрмитаж, Академию художеств, Певческую капеллу, Театральное училище, Императорскую публичную библиотеку и т. д. Управлением императорскими театрами Санкт-Петербурга и Москвы занималась Дирекция императорских театров, основанная в 1746 г. и в конце XVIII – первой четверти XIX в. несколько раз менявшая свое название: Театральная дирекция (1786–1809), Дирекция театральная (1809–1819). В конце царствования Александра I, в 1825 г., были изданы новые инструкции по управлению Дирекцией под названием «Постановление и правила внутреннего управления императорской театральной дирекцией». Преобразования продолжались и при Николае I. Был создан Комитет управления императорскими санкт-петербургскими театрами (1827–1829), Дирекция императорских санкт-петербургских театров (1829–1842). В 1839 г. было разработано Положение об артистах императорских театров, а в 1842 г. учреждена общая Дирекция императорских театров для Москвы и Петербурга с подчинением Министерству императорского двора. Ведению Дирекции подлежали в разное время:

Большой (впоследствии Мариинский) и Малый театры, Эрмитажный, Каменноостровский, Александринский театры в Петербурге; Большой и Малый театры – в Москве. Директором императорских театров при Николае I длительное время, с 1833 по 1858 г. был действительный тайный советник (1846) Александр Михайлович Геденов (1791–1867), впоследствии обер-гофмейстер (1858)⁵⁹. С 1842 г. ему также подчинялись московские театры. Его фавориткой была балерина Елена Ивановна Андриянова (Андреянова; 18167-1857), затем французская актриса Миля, с которой он в 1860-х гг. уехал в Париж.

К придворному военному штату в конце царствования Екатерины II относились также эскадроны лейб-гусаров и лейб-казаков (200 человек, в основном из донских казаков). Лейб-гусары сопровождали карету императрицы на прогулках в городе, а лейб-казаки – за городом. При дворе, ежедневно сменяясь, несли караул 6 лейб-гусаров с унтер-офицером. В 1827 г. для несения почетных караулов из выслуживших свой срок солдат и унтер-офицеров гвардии была сформирована рота дворцовых гренадеров.

Позднее, в 1894 г., было создано Управление дворцового коменданта, которое ведало дворцовой полицией. В 1905 г. под его началом находились Особый отдел, дворцовая охрана, отряд «подвижной охраны», агентура. Структура императорского двора и повседневная жизнь императорской семьи в предреволюционный период были проанализированы в книге Игоря Зимина⁶⁰.

⁵⁷ Завещание императора. С. 257.

⁵⁸ Российский государственный исторический архив (в дальнейшем – РГИА). Ф. 1338. Оп. 3. Вн. 57/120. Д. 61.0 смерти и погребении управляющего СБИН конторы тайного советника Блока. 1847–1849. – 134 л.

⁵⁹ Придворный штат Его Императорского Величества // Придворный календарь на 1853 год. – Б. м., б. д. С. 42.

⁶⁰ Зимин И. Повседневная жизнь Императорского двора: Вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. М.; СПб., 2010

«Стоящие у трона»: придворные чины и звания

1837 год начался пистолетными выстрелами на дуэли А. С. Пушкина в январе и завершился в декабре пожаром Зимнего дворца. 7 февраля двадцатидвухлетний М. Ю. Лермонтов написал новую концовку быстро ставших знаменитыми стихов «На смерть поэта». Он не побоялся бросить вызов придворной черни и трону:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда – все молчи!

Раздражение, вызванное его стихотворением в придворной среде, было велико. Уже 17 марта Лермонтов выехал из Петербурга по новому назначению в Нижегородский драгунский полк, на Кавказ.

Кто же были эти люди, «стоящие у трона»?

Как отмечают исследователи придворных чинов и званий (Н. Е. Волков, Л. Е. Шепелев, И. И. Несмеянова и др.)⁶¹/ придворный штат был организацией чинов, лиц со званиями камергеров и камер-юнкеров и наиболее многочисленной группы – служителей. Ядро штата составляли «чины», то есть служебные разряды первых пяти классов по Табели о рангах. Так называемые первые чины двора приравнивались к гражданским чинам второго класса, а вторые – третьего класса. Кроме того, в число придворных входили специалисты, «состоявшие при особе» (воспитатели и наставники, учителя, лейб-медики и пр.), среди которых было немало известных деятелей культуры, науки. Придворные чины имели право на почетную форму обращения, полагающуюся всем классным чинам и варьирующуюся в зависимости от ранга.

Состав придворных чинов определялся Табелью о рангах, но не в основной части, а в особых дополнительных пунктах. Анализируя состав придворных чинов, включенных первоначально в Табель о рангах, дореволюционный историк Н. Е. Волков пришел к заключению, что «многие из них вовсе никогда не были жалованы, и даже определить, в чем состояли их обязанности, не представляется... возможным». Еще ранее появились чины придворных кавалеров – камергеров и камер-юнкеров, которые в петровское время были главными фигурами при дворе. После введения в действие Табели о рангах состоялись назначения в чины обер-гофмейстера, обер-шенка, обер-шталмейстера, обер-церемониймейстера, обер-маршала и гофмаршала, обер-камергера и гофмейстера (1727). 14 декабря 1727 г. Петр II утвердил первый придворный штат. В соответствии с ним назначались гофмейстер, восемь камергеров, семь камер-юнкеров, гофмаршал и шталмейстер⁶². Анна Иоанновна утвердила инструкцию обер-гофмаршалу и придворный штат в составе обер-камергера, обер-гофмейстера, обер-гофмаршала и обер-шталмейстера⁶³. В 1736 г. состоялось первое пожалование в чин обер-егермейстера (чин II класса). В 1743 г. были введены чины церемониймейстера и егермейстера.

⁶¹ Несмеянова И. И. Быт императорского двора первой половины XIX в.: Автореф... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. С. 17.

⁶² Высочайшие повеления царствования императора Петра II. Список придворным чинам. 1727 (1730) // Общий архив Министерства императорского двора. [В 2 ч.] Описание дел и бумаг. СПб., 1888. – На втором тит. л.: Высочайшие повеления по придворному ведомству 1723–1730. СПб., 1886. – [Ч.] I. С. 33–50.

⁶³ Общий архив Министерства императорского двора. [В 2 ч.] Описание дел и бумаг. СПб., 1888. С. 63–74, 87–90.

В названии придворных чинов часто присутствуют немецкая частица «гоф» (*нем.* Hof – двор) и «обер» (*нем.* ober – старший).

Камергер (*нем.* Kammerherr букв. – комнатный господин) – первоначально придворный чин VI класса (до 1737 г.) и IV класса; после 1809 г. – старшее придворное звание для лиц, имевших чин IV–IX классов, а с 1850 г. – III и IV классов; обер-камергер – придворный чин II класса.

Гофмаршал – придворный чин III класса; обер-гофмаршал – придворный чин II класса.

Гофмейстер (*нем.* Hofmeister букв. – управляющий двором) – придворный чин III класса, обер-гофмейстер – придворный чин II класса.

Егермейстер (*нем.* Jägermeister – начальник охоты) – придворный чин III класса; обер-егермейстер – придворный чин II класса.

Церемониймейстер (*нем.* Zeremonienmeister букв. – начальник церемоний) – придворный чин V класса, наблюдавший за порядком дворцовых церемоний; обер-церемониймейстер – придворный чин сначала IV, потом III и II классов.

Хотя Павел Петрович решительно порвал со многими старыми традициями, он был последним императором, при дворе которого еще оставались шуты. О шути Иванушке, который «был вовсе не глупым человеком», рассказывает князь П. П. Лопухин⁶⁴. Он жил сначала в доме Воина Васильевича Нащокина (сына мемуариста), затем у П. В. Лопухина, а после переезда последнего в Петербург перешел к императору. Он имел свободный вход в кабинет государя.

В придворном штате 1796 г. чинов II класса полагалось по одному каждого наименования, чинов гофмейстера, гофмаршала, шталмейстера и церемониймейстера – по два, чинов егермейстера и обер-церемониймейстера – по одному, а камергеров – двенадцать. Чин камер-юнкера штатом не предусматривался, но по штатам 18 декабря 1801 г. этот чин появляется вновь. Численность камер-юнкеров устанавливалась в двенадцать человек⁶⁵.

С конца XVIII в. придворные чины II и III классов стали именоваться первыми чинами двора, в отличие от вторых чинов двора, к которым относились чины камергера, камер-юнкеров и церемониймейстера. После того как камергеры и камер-юнкеры стали считаться не чинами, а придворными званиями (с 1809 г.), вторыми чинами двора стали называть придворные чины III класса⁶⁶.

Таким образом, почти все придворные чины оказались в генеральских рангах (II–III классы), где право производства в чин зависело целиком от усмотрения императора. Из сказанного ясно, что дослужиться до придворного чина оказывалось возможным лишь по гражданской или военной службе. Впрочем, был и иной путь – пожалования его императором. Военные чины III класса и ниже считались старше гражданских (в том числе и придворных) одного с ними класса⁶⁷.

Придворные чины более других категорий сохранили связь с предшествующими должностями. Обер-гофмаршал⁶⁸ приравнивался к дворецкому при дворе московских царей, обер-камергер – к постельничему, действительный камергер – к комнатному стольнику или спальнику, гофмейстер – к стряпчему, обер-шталмейстер (*нем.* Stallmeister) – к ясельничему, обер-егермейстер – к ловчему, обер-шенк – к кравчему, обер-мундшенк – к чашнику, мундшенк – к чарочнику, камер-юнкер – к комнатному дворянину.

⁶⁴ [Лопухин П. П.] Из рассказов о старине князя Павла Петровича Лопухина, записанные князем А. Б. Лобановым-Ростовским в 1869 году, после посещения Корсуня // Шильдер Н. К. Император Павел Первый. М., 1996. Приложение. С. 534.

⁶⁵ Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 401.

⁶⁶ Там же. С. 401.

⁶⁷ Там же. С. 402.

⁶⁸ Гофмаршал – от *нем.* Hofmarschall – главный придворный чин.

Придворный штат в 1793 г., по сведениям И. Г. Георги, состоял из одного обер-камергера, 20 камергеров, 28 камер-юнкеров, обер-шенка (он подавал золотой кубок царю), обер-шталмейстера и шталмейстера, заведовавших конюшенной частью (шталмейстеры помогали садиться в карету, обер-шталмейстер следовал за ней верхом), обер-егермейстера (заведовавшего императорской охотой), обер-гофмаршала и гофмаршала (заведовавшего дворцовым хозяйством), обер-церемониймейстера и церемониймейстера, а также 8 генерал-адъютантов и 8 флигель-адъютантов.

Среди дам двора Ее Императорского Величества было: 9 статс-дам, камер-фрейлина, 18 придворных фрейлин и гофмейстерина над оными, 9 камер-юнгферов. Одновременно при Ее Императорском Высочестве (Марии Федоровне. – *А. В.*): 3 фрейлины, камер-фрау и камер-юнгфера. К придворному штату принадлежали также: духовник Ее Императорского Величества и 8 придворных священников, 3 лейб-медика, 5 придворных докторов, 2 лейб-хирурга, 11 гофхирургов и аптекарь. Сверх того 2 камер-фурьера, кофешенк (ответственный за подачу кофе и чая), камердинер, зильбервиартер (человек, ответственный за хранение придворного серебра), 3 надзирателя императорских садов, все в чине полковничьем, зильбердинер чина ассессорского (человек, в обязанности которого входила чистка серебра), 11 комиссаров и 7 придворных садовников; также и пажеский корпус, состоящий из 60 юных дворян или около того. В придворной канцелярии или конторе присутствовали обер-гофмаршал и несколько членов.

По придворному штату Павла I в 1796 г. в ведении обер-камергера находилось 12 камергеров, 12 камер-пажей (не камер-юнкеров), а также 48 пажей, не входивших в штат. Пажами могли быть дети и внуки сановников первых трех классов, обычно воспитывавшиеся в Пажеском корпусе. Они сопровождали членов императорской фамилии на церемониях (иногда несли шлейфы платьев дам). С производством в офицеры пажи теряли свои звания. Придворный штат 1796 г. включал следующие дамские звания, названные в нем чинами: обер-гофмейстерина, гофмейстерина, 12 статс-дам и 12 фрейлин. Камер-фрейлины и камер-юнкеры штатом не предусматривались. В конце 1796 г. были укомплектованы и штаты великокняжеских дворов, при этом гофмейстеры были назначены в гофмаршалы, камергеры – в гофмаршалы и шталмейстеры. Кавалеры при этих дворах были определены классом ниже по сравнению с Большим двором. В 1801 г. комплект камергеров и камер-юнкеров был установлен в 12 человек, но к 1809 г. фактически первых числилось 76, а вторых – 70 человек.

В обязанности камергеров и камер-юнкеров входило ежедневное (по очереди) дежурство при императрицах и присутствие в табельные (праздничные) дни. В начале XIX в. наряду с придворными чинами появились придворные звания. За теми, кто имел придворные звания, утвердилось название придворных кавалеров. Указом от 3 апреля 1809 г. камергеры и камер-юнкеры перестали считаться чинами двора, отныне это было их придворное звание, которое не давало права на продвижение по служебной лестнице. Нововведение было встречено ропотом в аристократических кругах. В 1881 г. общее число камергеров и камер-юнкеров составляло 536, а в 1914 г. – 771 человек.

В 1826 г. Николай I установил комплект фрейлин в 36 человек. В 1834 г. снова появляется звание камер-фрейлин, которые имели более высокий ранг, приравняваясь к статс-дамам (о женском штате ниже). Камер-фрейлинами и фрейлинами могли быть лишь незамужние дамы, после замужества они отчислялись от двора, но сохраняли право представления императрице и посещения больших балов с мужьями, независимо от чина последних. Комплектные фрейлины получали приданое от двора.

Парадный наряд фрейлин великих княжон. 1834 г.

В 1856 г., в связи с коронацией Александра II, был введен чин обер-форшнейдера (следовал за блюдами и разрезал кушанья для императорской четы), чин II и III классов. При коронации Николая I упоминается просто форшнейдер (*нем.* Vorschneider – разрезатель). До середины XIX в. лиц, имевших придворные чины, было несколько десятков, в 1881 г. – 84, в 1898 г. – 163, в 1914 г. – 213 человек. В начале XX в. ко II классу по Табели о рангах относились обер-камергер, обер-гофмейстер, обер-гофмаршал, обер-шенк, обер-шталмейстер и обер-егермейстер; к III классу – гофмейстер, гофмаршал, шталмейстер, егермейстер, обер-церемониймейстер, IV – камергер, V – церемониймейстер и камер-юнкер, VI – камер-фурьер, IX – гоф-фурьер. Важнейшим преимуществом придворных чинов, по мнению современников, была возможность личного общения с лицами императорской фамилии.

Придворные чины распадались на два разряда. В первый входило (в 1908 г.) 15 лиц, именовавшихся: обер-гофмейстер, обер-гофмаршал, обер-егермейстер, обер-шенк... Второй класс насчитывал 134 персоны, и, кроме того, было 86 лиц «в звании», два обер-церемониймейстера, обер-форшнейдер, егермейстеры, гофмаршалы, директор Императорских театров, директор Эрмитажа, церемониймейстер (14 штатских и 14 «в звании»).

Кроме того, были лица, носившие придворные звания при Их Величествах и членах императорской фамилии, отдельную группу составляли генерал-адъютанты, свитские генералы и флигель-адъютанты – около 150 человек). Всего, по данным начальника канцелярии

Министерства Императорского двора А. А. Мосолова, включая 260 дам разных рангов и 66 дам, удостоенных ордена Св. Екатерины, 1543 персоны.

Придворные (придворные чины и кавалеры, а также женский штат – статс-дамы и фрейлины) представляли собой особую сословно-корпоративную и профессиональную общность. Пиетет перед придворными чинами и званиями был велик. Нужно было быть Пушкиным, чтобы манкировать ими. Маркиз де Кюстин отметил: «...Старики и старухи так дорожат своими придворными должностями, что ездят ко двору до самой смерти!»⁶⁹

Конечно, каждое царствование привносило что-то свое... Характеризуя придворное окружение Павла I, граф Ф. Г. Головкин писал: «С одной стороны, появились целая группа простоватых и ничтожных людей... "это гатчинцы"... С другой стороны, явилась группа стариков, в возрасте от 60 до 80 лет, одетых в старомодные кафтаны. Во главе этих стариков был Гудович, бывший близкий друг... Петра III»⁷⁰. Он же пишет и об усилении при дворе «немецкой партии»: «При воцарении Павла эта партия опять вошла в силу, и нижеследующий список ее членов даст лучшее понятие о ней... Сама императрица, граф Пален, граф Панин, граф Петр Головкин, обер-егермейстер барон Кампенгаузен, барон Гревенитц, г-жа Ливен и др.»⁷¹ Упомянул о «немецкой партии» при дворе и Ф. В. Ростопчин. В письме к С. Р. Воронцову он отмечал, что императору не дает покоя Мария Федоровна, «которая вмешивается в дела, суетится, сплетничает, окружает себя немцами и дозволяет негодьям себя обманывать...»⁷²

В качестве примера «старика» из окружения Петра III, благодетельствованного императором, можно назвать И. И. Шувалова, бывшего при Петре III директором Шляхетного сухопутного корпуса (с 1800 г. – Первый кадетский корпус). Известный деятель двух предшествовавших царствований по состоянию здоровья не мог быть на коронации Павла I. После смерти И. И. Шувалова, по свидетельству Ф. Н. Голицына, Павел Петрович, проезжая мимо его дома, с поклоном снял шляпу⁷³. В то же время Павел I создал более жесткую структуру чинов двора, конструкция которого пережила царствование Александра I и приобрела окончательно сложившийся облик при Николае I.

⁶⁹ Кюстин Л. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. 1. С. 186.

⁷⁰ Головкин Ф. Г. Двор и царствование Павла I. С. 137.

⁷¹ Там же. С. 162.

⁷² Ростопчин Ф. В. – С. Р. Воронцову, 18 июня 1797 г. // РА. 1876. Кн. 2. № 5. С. 88.

⁷³ Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, написанная племянником, его тайным советником кн. Федором Николаевичем Голицыным // Москвитянин. 1853. Т. 2. № 6. (Март). Кн. 2. Отд. 4. С. 89.

Камергеры: «комнатные господа»

Чин камергера появился в России еще при Петре I. Особым знаком камергеров был «всемиловитейше жалуемый им ключ». Золотой декоративный ключ символизировал право камергера входить в императорские покои. Он был введен при Екатерине II в 1762 г. В XVIII в. золотой ключ с бантом голубого цвета прикреплялся на кафтане сзади и слева. Свои правила существовали при ношении ключа на фраке. Касьян Касьянов писал о Всеволоде Андреевиче Всеволожском (1769–1836): «Он был сначала камер-юнкером, а вскоре получил и камергерский ключ, какой (весь золотой), замечу мимоходом, в те времена носился припиленным к огромной розетке из голубой Андреевской ленты к одной из пуговиц фрака или мундира на талии, над левым карманным клапаном»⁷⁴.

Официально образец камергерского ключа был утвержден только в 1834 г. Камергеры носили ключ на голубой ленте у левого карманного клапана мундира, а обер-камергеры – у правого карманного клапана, на золотых кистях. Обер-камергерам полагался ключ, «осыпанный бриллиантами». Камергерский ключ можно было носить и «при мундире другого гражданского ведомства». Именно о таком ключе идет речь в грибоедовском «Горе от ума»: «Покойник был почтенный камергер. С ключом и сыну ключ умел доставить»⁷⁵. Изготовление ключа обходилось дорого: до 1801 г. за него из Кабинета выдавалось 500 руб.

По данным последнего придворного месяцеслова Екатерины II 1796 г., при дворе было 26 действительных камергеров и 27 камер-юнкеров. В камергеры обычно жаловали из камер-юнкеров. По указу 1775 г. жалованье выплачивалось только старшим 12 камергерам и 12 камер-юнкерам, налицо в действительной должности находящимся⁷⁶.

Император Павел, вступив на престол, также не замедлил заняться придворным штатом и уже 30 декабря 1796 г. утвердил новый штат. Было установлено, что отныне ведению обер-камергера подлежат 12 камергеров, 12 камер-юнкеров (не назначались) и 48 пажей. Жалованье, выдаваемое камергерам, сохранилось в прежнем объеме по 1500 руб. в год. Всего за время Павла I пожаловано было в камергеры 58 человек, в камер-юнкеры – ни одного. При дворе не состояло ни одного камергера из тех, кто был пожалован покойной императрицей. Павел I требовал от придворных чинов настоящей службы. Он создал строгие правила, не разрешая отлучаться ночевать за город без величайшего на то разрешения (20 мая 1800 г.), и в то же время ограничивал их появление в загородных резиденциях даже на дежурствах без особого на то высочайшего повеления. Кроме того, 18 июня 1799 г. повелел даже сделать вычеты у камергеров из жалованья за время их болезни. Обыкновенно дежурили два камергера и в редких случаях – четыре. В июне 1800 г. была предусмотрена возможность получения действительными камергерами (IV класс) чина тайного советника (III класс); в этом случае придворный титул действительного камергера сохранялся как звание, но его обладатели освобождались от дежурств⁷⁷.

По штату Александра I, утвержденному 18 декабря 1801 г., значилось 12 камергеров с жалованьем 1500 руб. в год, и 12 камер-юнкеров без жалованья. Он вернул на службу камергеров, уволенных при Павле I. После представления обер-камергера графа Шереметева, последовало распоряжение возвращенным на службу камергерам выплачивать жало-

⁷⁴ Касьянов К. Наши чудодеи: Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода. СПб., 1875. С. 166. Цит. по: Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре. М., 1995. С. 131.

⁷⁵ Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 423.

⁷⁶ Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2003. С. 28.

⁷⁷ Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 406.

ванье при появлении вакансии. Екатерине Павловне и Марии Павловне было определено по два камергера.

Многие камергеры двора Александра I сохранили свое положение и при дворе Николая I. Комплект придворных кавалеров в царствование Николая I был определен высочайшим повелением 3 апреля 1826 г.: камергеров 12 человек и камер-юнкеров – 36 человек по старшинству пожалования в это звание. Ключи камергерские или деньги за них в размере 100 червонных определено было выдавать только 12 комплектным камергерам⁷⁸. При Николае I было установлено также обязательное дежурство придворных кавалеров. Например, на балах обыкновенно назначались к императрице по два камергера и два камер-юнкера, а к великим княжнам – по одному камергеру и одному камер-юнкеру. На спектакли в Эрмитажном театре присылались от двора 6 билетов, и отправлялись на дежурство 3 камергера и 3 камер-юнкера⁷⁹.

Звание камергера имели некоторые лица, состоявшие при малых дворах великих князей и великих княгинь. Список камергеров по-прежнему пополнялся из лиц, принадлежавших к родовитому дворянству, но прошли те времена, когда хлопоты родственников и протекция могли доставить это звание без действительной службы.

⁷⁸ Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. С. 35.

⁷⁹ Там же. С. 38.

«NN сделан камер-юнкером»: камер-юнкеры

Название чина (затем звания) камер-юнкера было заимствовано из немецкого языка в начале XVIII в. и происходит от Kammerjunker (образовано сложением Kammer – комната и Junker – дворянин). После того как в 1809 г. чин камер-юнкера был преобразован в придворное звание, отношение к этой милости стало двойственным. Практического, житейского интереса в этом теперь не было. Звание камер-юнкера дало повод для иронии героя «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя: «Что из того, что он камер-юнкер. Ведь это больше ничего, кроме достоинства: не какая-нибудь вещь видимая, которую можно было бы взять в руки. Ведь через то, что камер-юнкер, не прибавится третий глаз на лбу»⁸⁰. В то же время быть камер-юнкером было престижным в общественном мнении светского Петербурга. Писатель, сподвижник Н. А. Некрасова, И. И. Панаев вспоминал о своей службе с 1830 по 1844 г. (с перерывом на отдых на два года) чиновником Государственного казначейства и младшим помощником столоначальника в Министерстве народного просвещения: «Я решился вступить в штатскую службу, вопреки желаниям моих близких, которые утешались мыслию, что я буду камер-юнкером. Мне самому очень хотелось надеть золотой мундир. Я даже несколько раз видел себя во сне в этом мундире и в каких-то орденах и, просыпаясь, всякий раз был огорчен, что это только сон... Служба решительно не давалась мне, или лучше сказать, я никак не мог подчиниться ей. У меня не оказывалось ни малейшего честолюбия. Камер-юнкерство уже перестало занимать меня; но мои близкие всякий раз, когда производили в камер-юнкера сына или родственника их знакомых, с упреком говорили мне:

– NN сделан камер-юнкером. В каком восторге от этого его родители, и какой он прекрасный молодой человек, как он утешает их, как отзывается о нем начальство! Это прекрасный сын!

И за такими речами следовал обычно глубокий вздох»⁸¹.

Среди камер-юнкеров было много служащих в центральных государственных учреждениях, особенно часто ими были дипломаты и чиновники Министерства иностранных дел. Чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел числился надворный советник, камер-юнкер граф Алексей Сергеевич Уваров (1828–1884), сын министра народного просвещения Сергея Семеновича Уварова, один из основателей Московского археологического общества. Одно время он служил в Министерстве иностранных дел (с 1845 г.), а после поездки на Черноморское побережье в 1848 г. стал известен своим трудом «Исследование о древностях Южной России» (опубликовано в 2 частях с атласом в 1851–1856 гг.). Перейдя в штат Кабинета камер-юнкером в 1853 г., он продолжил свои археологические исследования. По распоряжению царя им было начато изучение скифских курганов Приднестровья, проведены масштабные археологические раскопки в Екатеринославской губернии, в окрестностях древнего Танаиса, в Ольвии, близ Феодосии, в Херсонесе, Неаполе Скифском⁸².

Причисленным к МВД значился статский советник граф Владимир Александрович Соллогуб (1813–1882), в то время уже известный писатель. После окончания Дерптского университета (1834), «протанцевав, – как он вспоминал, – зиму в Петербурге»⁸³, в январе 1835 г. поступил на службу в МВД чиновником для особых поручений. В мае 1835 г. прикомандирован в Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий, наконец, 3 января

⁸⁰ Цит. по: *Скрынников Р. Г.* Дуэль Пушкина. С. 330.

⁸¹ *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1950. С. 54.

⁸² *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 254–255.

⁸³ *Соллогуб В. Л.* Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба. СПб., 1993. С. 180.

1836 г. – к тверскому гражданскому губернатору А. П. Толстому «для занятий по его усмотрению»⁸⁴. Осенью 1837 г. В. А. Соллогуб вернулся из Твери в Петербург. В звание камер-юнкера В. А. Соллогуб был назначен 27 декабря 1839 г., когда служил в Харькове⁸⁵.

В конце 30-х и в 40-е гг. В. А. Соллогуб выступил с произведениями в жанре светской повести («Лев», «Медведь», «Большой свет» и др.)/ в которых с легкой насмешкой изображал пустоту и нравственную испорченность великосветского общества. В повести «Тарантас», написанной в форме путевых заметок (отдельное издание с иллюстрациями художника А. Агина в 1845 г.) реалистическое изображение нравов сочеталось со славянофильскими настроениями. Повесть вызывала недовольство консервативного общества. Рассказывая об одном обеде у некоего генерала, В. А. Соллогуб в своих воспоминаниях язвительно заметил: «Итак, я присутствовал на этом обеде; хозяин, настоящий генерал, служака николаевских времен, сидел, разумеется, во главе стола на первом месте; я вовсе не потому, что имел дурную привычку пачкать бумагу, а потому, что носил камер-юнкерский мундир, сидел по правую руку хозяина; надо сказать, что в те отдаленные времена я имел честь быть не только модным писателем, но даже считался писателем вредного направления, и потому хозяин с самого начала отечески, но строго заметил мне, что "Тарантас" (Боже мой! Тогда еще говорили о "Тарантасе"), разумеется, остроумное произведение, но тем не менее в нем есть вещи очень... того... неуместные...»⁸⁶

Были камер-юнкеры из числа местных чиновников. Чиновником особых поручений при Санкт-Петербургском гражданском губернаторе находился коллежский советник Николай Дмитриевич Бантыш-Каменский, сын тобольского и виленского губернатора Д. Н. Бантыш-Каменского, историка и внука историка-археографа. Перечислять можно было бы долго. Но самым известным камер-юнкером был, конечно же, Александр Сергеевич Пушкин.

В конце декабря 1833 г. он был пожалован в камер-юнкеры, о чем писали через несколько дней фрейлина А. С. Шереметева и сам А. С. Пушкин. Поэт неожиданно узнал об этом на балу у графа Алексея Федоровича Орлова, будущего шефа жандармов после А. Х. Бенкендорфа (с 1844 г.) и брата декабриста Михаила Орлова. В дневнике 1 января 1834 г. поэт лаконично и язвительно записал: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам)... Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством? Доволен, потому что Государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным, – а по мне, хоть в камер-пажи, только б не заставляли меня учиться французским вокабулам и арифметике»⁸⁷.

Благодарить за пожалование Пушкин демонстративно не стал. 17 января 1834 г. Пушкин сделал в дневнике помету о встрече с царем на балу у Бобринских: «Гос. [ударь] мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его»⁸⁸. При дворе такое поведение сочли верхом неприличия. Придворный этикет был нарушен. 8 апреля 1834 г. А. С. Пушкин представлялся императрице Александре Федоровне. По свидетельству камер-фурьерского журнала отмечен прием в Золотой гостиной (после пожара в Малахитовом зале), где среди представлявшихся лиц через обер-камергер-ра графа Литту по случаю производства в чины, звания и другим случаям девятнадцатым чиновником по списку значится: «Камер-юнкер Пушкин благодар[арит] за пож[алование] в сие звание»⁸⁹.

⁸⁴ Там же. Примечания. С. 180.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 180.

⁸⁷ *Пушкин Л. С.* [Дневник 1833–1834 гг.] // Полю. собр. соч. [В 16 т.] Т. 12. [М.; Л.], 1949. С. 318.

⁸⁸ Там же. С. 319.

⁸⁹ Цит. по: Дневник А. С. Пушкина. 1833–1835. М.; Пг., 1923. Комментарии. С. 136.

Однако на деле это представление прошло далеко не гладко. 8 апреля 1834 г. А. С. Пушкин записал в дневнике: «Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек 20. Брат Паскевича, Шереметев (В. А. Шереметев, орловский предводитель дворянства. – Л. В.), Волховский, два Корфа, Вольховский – и другие. Царица подошла ко мне, смеясь: "Нет, это беспримерно! Я себе голову ломала, думая, какой Пушкин будет мне представлен. Оказывается, что это вы... Как поживает ваша жена? Ее тетка (Е. И. Загряжская. – А. В.) в нетерпении увидеть ее в добром здравии, – дитя ее сердца, ее приемную дочь"... и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уже 35 лет и даже 36 (в подлиннике – на франц. яз. – А. В.)»⁹⁰. Судя по всему, императрица стремительно отошла от А. С. Пушкина, не дождавшись слов благодарности, а реплика поэта в отношении Александры Федоровны – явный эвфемизм, который можно понимать двояко, в том числе и как издевку. Впрочем, по ряду свидетельств, в том числе и П. В. Нащокина, Александра Федоровна действительно нравилась Пушкину. На поздравление великого князя Михаила по случаю пожалования в камер-юнкеры Пушкин отвечал, что «.. до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили». Вероятно, осведомленный о реакции Пушкина, Николай I счел нужным обратиться к княгине Вере Вяземской со словами, которые предназначались для передачи поэту: «Я надеюсь, что Пушкин принял в хорошую сторону свое назначение»⁹¹.

Но, по словам Льва Сергеевича Пушкина, поэт был взбешен. Отставной штаб-ротмистр А. Н. Вульф, сосед Пушкина по Михайловскому, записал в дневнике 19 февраля 1834 г.: «.. Поэта я нашел... сильно негодующим на царя за то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь повествование о бунте Пугачева... Он говорит, что он возвращается к оппозиции»⁹². Тем не менее 28 февраля Пушкин с супругой присутствовал на придворном балу в Зимнем в связи с Масленицей. 4 марта А. С. Пушкин снова возил Наталью Николаевну в Зимний.

В принципе, пожалование камер-юнкером не могло быть слишком большой неожиданностью для Пушкина. Этот вопрос давно обсуждался в кругу его близких друзей. Еще в мае 1830 г. дочь М. И. Кутузова Элиза Хитрово, пользовавшаяся влиянием при дворе, хлопотала о придворном чине для Пушкина, что обеспечило бы его более прочное положение в обществе. Тогда А. С. Пушкин вежливо поблагодарил Элизу за заботу. «С вашей стороны, – писал он Хитрово, – очень любезно, сударыня, принимать участие в моем положении по отношению к хозяину. Но какое же место, по-вашему, я могу занять при нем? Не вижу ни одного подходящего... Быть камер-юнкером мне уже не по возрасту, да и что я бы стал делать при дворе?»⁹³ В марте 1834 г. Александр Сергеевич объяснил П. В. Нащокину: «...Конечно, сделав меня камер-юнкером, государь думал о моем чине, а не о моих летах – и верно не думал уж меня кольнуть»⁹⁴. Но дело явно было не в возрасте. Среди камер-юнкеров Николая I шестьдесят девять лиц были моложе, зато двадцать три – старше Пушкина⁹⁵. Вряд ли справедливо предположение, что поэт не пожелал воспользоваться покровительством А. Х. Бенкендорфа, чтобы получить звание камергера, Николай I без видимых причин не пошел бы на нарушение субординации.

Но Пушкин был прав, понимая, что это пожалование вызовет насмешки в большом свете. В столице ходили слухи, что Пушкину дали звание камер-юнкера, чтобы «иметь повод

⁹⁰ Пушкин А. С. [Дневник 1833–1834 гг.]. С. 324.

⁹¹ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 104.

⁹² Майков А. Н. Пушкин. СПб., 1899. С. 208.

⁹³ Пушкин А. С. Е. М. Хитрово. 19–24 мая 1830 г. // Полн. собр. соч. [В 16 т.] Т. 14. [М.; Л.], 1941. С. 93–94 (Пер. с франц.: С. 411–412).

⁹⁴ Пушкин Л. С. Письма последних лет. Л., 1969. С. 31.

⁹⁵ Рейсер С. Л. Три строки дневники Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 150.

приглашать ко двору его жену»⁹⁶. Ни для кого не было секретом, что ухаживания императора за его женой стали приобретать все более откровенный характер. Впрочем, они никогда не выходили за рамки обыкновенного в то время флирта, характерного для Николая Павловича. Кроме того, это автоматически ограждало ее от преувеличенного внимания придворных донжуанов. Ведь все было на виду. Сам Николай I вспоминал, что часто встречался с ней в свете и искренно ее любил «как очень добрую женщину»⁹⁷.

Кроме того, в тот год Пушкин намеревался уединиться в деревне, чтобы сэкономить и поправить финансовые дела семьи. Теперь это стало затруднительно, так как перед Натальей Николаевной в возрасте 22 лет открылись двери Аничкова дворца, куда приглашался только избранный круг великосветского Петербурга. Ее мать, Надежда Осиповна, сообщила приятельнице в письме от 4 января 1834 г.: «...Александр назначен камер-юнкером, Натали в восторге, потому что это дает ей доступ ко двору. Пока она всякий день где-нибудь пляшет»⁹⁸. Необходимо было соблюдать и правила придворного этикета. Проблема заключалась в том, что Пушкин пренебрегал не только служебными обязанностями (рассматривая их как синекуру), но и придворными обязанностями. Его раздражали придворные церемонии, в которых он должен был участвовать, и в его дневнике с этого времени чувствуется неприкрытая неприязнь ко двору.

В 1834 г. Пушкин чаще бывает на царских приемах и балах, но еще чаще манкирует их и нарушает этикет. В апреле 1834 г. он проигнорировал праздничные дни. Император поручил В. А. Жуковскому передать Пушкину свое неудовольствие по этому поводу. Одновременно обер-камергер граф Ю. П. Литта вызвал его к себе, чтобы «мыть голову». «Я догадался, – записал в дневнике А. С. Пушкин, – что дело идет о том, что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни обедне в вербное воскресенье»⁹⁹.

В дневнике А. С. Пушкина от 16 апреля 1834 г. сохранилось свидетельство, что (по сведениям от В. А. Жуковского) Николай I был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров на обедне в вербное воскресенье. Граф Ю. П. Литта сокрушался тогда К. А. Нарышкину по поводу отсутствия многих камер-юнкеров, на что обратил внимание император: «Mais enfin il y a des regies fixes pour les chambellans et les gentilshommes de la chambre» («Но есть же определенные правила для камергеров и камер-юнкеров» – *франц.*). На это К. А. Нарышкин возразил: «Pardonnez moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneurs» («Извините, это только для фрейлин» – *франц.*). (Эвфемизм на французском: «правила» и «регулы» (месячные) у фрейлин¹⁰⁰.) Об этом же А. С. Пушкин писал и жене в письме от 17 апреля 1834 г.

Неприличным нарушением придворного этикета была неявка Пушкина на празднование совершеннолетия наследника цесаревича Александра Николаевича, состоявшееся в Святую Пасху 22 апреля 1834 г. в Георгиевском зале и в Большой церкви, тем более что поэт был в тот день в Зимнем дворце у фрейлины Е. И. Загряжской, тетки Н. Н. Пушкиной. О своем отсутствии Пушкин написал жене в письме, начатом в пятницу 20 апреля и законченном в воскресенье 22 апреля. Это наиболее резкое и откровенное письмо А. С. Пушкина, не предназначавшееся для посторонних глаз. В эпиграфе, процитированном в начале данной книги, приводится это высказывание. В воскресенье Пушкин дописал: «Нынче великий

⁹⁶ Пушкин А. С. ПСС. [В 16 т.] Т. 15. С. 62, 317.

⁹⁷ Корф М. Л. Записки // РС. 1899. Т. 99. С. 311. Цит. по: Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 85.

⁹⁸ Семевский М. И. К биографии Пушкина // Русский вестник. 1869. Ноябрь. С. 90.

⁹⁹ Пушкин Л. С. [Дневник 1833–1834 гг.] С. 326.

¹⁰⁰ Там же.

князь присягал, я не был на церемонии, потому что рапортуюсь больным, да и в самом деле не очень здоров»¹⁰¹.

Это письмо было распечатано московским почт-директором. Оно было затем скопировано и отправлено А. Х. Бенкендорфу и стало известно царю. На перлюстрацию письма Пушкин отреагировал болезненно. 10 мая 1834 г. он гневно записал в дневнике: «Г.[осударю] неуютно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью. Но я могу быть подданным, даже рабом, – но холопом и шутком не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит читать их царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться – и дать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! что ни говори, мудрено быть самодержавным»¹⁰².

Николай I не дал хода письму, а гнев Пушкина постепенно утих. В письме к А. Х. Бенкендорфу от 6 июля 1834 г. он попросил вернуть свое прошение об отставке. Между прочим, он писал об императоре (вероятно, искренне): «Государь осыпал меня милостями с той первой минуты, когда монаршая мысль обратилась ко мне. Среди них есть такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения, сколько он вложил в них прямоты и великодушия. Он всегда был для меня провидением, и если в течение этих восьми лет мне случалось роптать, то никогда, клянусь, чувство горечи не примешивалось к тем чувствам, которые я питал к нему»¹⁰³.

В последующие месяцы А. С. Пушкин остался верен себе. В июне камер-юнкер известил обер-камергера, что не сможет быть на праздновании дня рождения императрицы 1 июля в Петергофе, приглашение на которое почиталось за высокую честь. Судя по всему, отказаться ему не удалось; В. А. Соллогуб видел его в придворной карете, заметив, что «из-под треугольной шляпы» лицо поэта «казалось скорбным, суровым, бледным». Другой очевидец, В. В. Ленц, заметил Пушкина, «смотревшего угрюмо» из окна «дивана на колесах», то есть придворной линейки¹⁰⁴.

Камер-юнкер Пушкин пренебрег приглашением на главный праздник и не вызвал жену из деревни, лишив возможности императора танцевать с ней. Конфликт углублялся. 25 июня 1834 г., в день рождения Николая I, Пушкин вручил А. Х. Бенкендорфу прошение об отставке. Автограф письма имеет дату 15 июня: «Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу и покорнейше прошу ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение»¹⁰⁵.

Многие современники воспринимали придворную службу А. С. Пушкина как трагикомедию, не понимая подлинной причины призвания А. С. Пушкина ко двору. Граф В. А. Соллогуб в своих воспоминаниях писал: «Жена его была красавица, украшение всех собраний и, следовательно, предмет зависти всех ее сверстниц. Для того, чтоб приглашать ее на балы, Пушкин пожалован был камер-юнкером. Певец свободы, наряженный в придворный мундир, для сопутствования жене-красавице, играл роль жалкую, едва ли не смешную. Пушкин был не Пушкин, а царедворец и муж. Это он чувствовал глубоко. К тому же светская жизнь

¹⁰¹ Пушкин Л. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 52.

¹⁰² Пушкин Л. С. [Дневник 1833–1834 гг.] С. 329.

¹⁰³ Цит. по: Принцева Г. Л. А. С. Пушкин и Зимний дворец // Пушкин и Зимний дворец / Государственный Эрмитаж. [Выставка. Пушкин и Зимний дворец. 200 лет со дня рождения А. С. Пушкина] / Авторы концепции: Г. Н. Комелова, Г. А. Миролюбова. А. Г. Побединская, Г. А. Принцева, А. А. Тарасова. СПб., 1999. 47 с. [Каталог]. С. 9. См. также: Горбачева Н. Прекрасная Натали. М., 1988. С. 185.

¹⁰⁴ Пушкин Л. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 64–65; Соллогуб В. Л. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 594; Ленц В. В. Приключения лифляндца в Петербурге // РА. 1878. Кн. 1. С. 451–452. Цит. по: Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 106.

¹⁰⁵ Пушкин Л. С. ПСС. [В 16 т.] Т. 15. С. 165.

требовала значительных издержек, на которые у Пушкина часто недоставало средств. Эти средства он хотел пополнять игрою, но постоянно проигрывал, как все люди, нуждающиеся в выигрыше»¹⁰⁶.

Последнее обстоятельство было еще одной причиной, препятствовавшей в июне 1834 г. встрече поэта с императором. Пушкин должен был бы поблагодарить Николая Павловича за крупный заем из казны, но все толковали о его огромном проигрыше в карты.

У поэта были и другие основания ждать очередных нареканий. В письме Наталье Николаевне в письме от 28 июня, объясняя игру в карты желанием развлечься, так как «был желчен», но заметил: «все Тот виноват»¹⁰⁷. Пушкин не знал, уведомили ли жандармы об этом Николая I¹⁰⁸. Он справедливо опасался, что после праздника его ждет «мытьё головы», и желал избежать унижения. Ответ последовал быстро. 30 июня 1834 г., накануне празднования дня рождения императрицы Александры Федоровны, А. Х. Бенкендорф сообщил Пушкину: «...Его Императорское Величество, не желая никого удерживать против воли, повелел мне сообщить г. вице-канцлеру об удовлетворении вашей просьбы...»¹⁰⁹. Наталье Николаевне поэт сообщил о своей отставке задним числом, когда все было позади: «На днях хандра меня взяла; подал я в отставку»¹¹⁰. Впрочем, в письме к Наталье Николаевне от около 28 июня А. С. Пушкин намекнул о предстоящем событии: «Мой Ангел, сейчас послал я к графу Литта извинение в том, что не могу быть на Петергофском празднике по причине болезни. Жалею, что ты его не увидишь; оно того стоит. Не знаю даже, удастся ли тебе когда-нибудь его видеть. Я крепко думаю об отставке»¹¹¹. А в конце следующего письма от 30 июня дописал: «Погоди, в отставку выду, тогда переписка нужна не будет»¹¹². Больше всего А. С. Пушкина огорчало, что увольнение со службы в Министерстве иностранных дел автоматически закрыло для него архивы – об этом он получил официальное извещение.

В августе 1834 г. А. С. Пушкин намеренно уехал из Петербурга за пять дней до открытия Александровской колонны, чтобы только не присутствовать на торжественной церемонии. Накануне 6 декабря 1834 г. («Никола Зимний»), дня именин Николая I, Пушкин записал в дневнике (5 декабря): «Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, – молокососами. Царь рассердится, – да что мне делать?»¹¹³ И вскоре добавил: «Я все-таки не был 6-го во дворце – и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта» (лейб-медика Н. Ф. Арента. – А. В.)¹¹⁴. Раздражение царя было понятным. Николай I, как человек военный, любил порядок и следил за дисциплиной придворных чинов и кавалеров. Буквально через десять дней Пушкину с супругой пришлось прийти на бал в Аничков дворец...

На этом история с камер-юнкерством Пушкина не закончилась. После кончины поэта Николай I решил, что А. С. Пушкина как камер-юнкера надо отпевать не в Исаакиевском соборе, как планировалось, а в придворной Конюшенной церкви. Более того, Николай I хотел, чтобы поэта обрядили в камер-юнкерский мундир¹¹⁵. Когда же на покойном оказался

¹⁰⁶ Соллогуб В. Л. Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба. С. 184.

¹⁰⁷ А. С. Пушкин – Н. Н. Пушкиной, 28 июня 1834 г. // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 15 [М.; Л.], 1948. С. 168.

¹⁰⁸ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. СПб., 1999. С. 111.

¹⁰⁹ А. Х. Бенкендорф – А. С. Пушкину, 30 июня 1834 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 16 т. Т. 15 [М.; Л.], 1948. С. 171.

¹¹⁰ А. С. Пушкин – Н. Н. Пушкиной, около (не позднее) 14 июля 1834 г. // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 15 [М.; Л.], 1948. С. 180.

¹¹¹ Пушкин А. С. – Н. Н. Пушкиной, около 28 июня 1834 г. // Полн. Собр. соч.: В 16 т. Т. 15 [М.; Л.], 1948. С. 167.

¹¹² Пушкин А. С. – Н. Н. Пушкиной, 30 июня 1834 г. // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 15 [М.; Л.], 1948. С. 170.

¹¹³ Пушкин Л. С. [Дневник 1833–1834 гг.] С. 333.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 294.

фрак, император был недоволен¹¹⁶. На панихиде, по свидетельству А. И. Тургенева, были многие генерал-адъютанты: начальник Военно-походной канцелярии генерал от инфантерии А. В. Адлерберг (будущий министр двора), командующий Отдельным оренбургским корпусом, генерал от кавалерии В. А. Перовский, член Государственного совета и сенатор князь Василий Сергеевич Трубецкой, исполнявший тогда обязанности черниговского, полтавского и харьковского генерал-губернатора, генерал-майор граф А. Г. Строганов, генерал от артиллерии И. О. Сухозанет. Присутствовали министр внутренних дел Д. Н. Блудов, гофмейстер Высочайшего двора камергер М. Ю. Виельгорский, многие другие придворные, лицейские товарищи, Элиза Хитрово с дочерьми, члены семей П. А. Вяземского, покойного Н. М. Карамзина, литераторы. Император осыпал милостями семью Пушкина...

¹¹⁶ Там же. С. 295.

С портретом и кокардой: кавалерственные статс-дамы

Статс-дамам (женщинам замужним или вдовам) жалование не полагалось, они, как заметил историк Константин Писаренко, выполняли свои обязанности «на общественных началах (не зря же замуж выходили)»¹¹⁷. При императрице Елизавете Петровне, отмечает историк, появился отличительный знак статс-дам – прикрепленные на правой стороне груди броши с миниатюрными портретами императрицы, окаймленные бриллиантами¹¹⁸. Эти портреты-миниатюры были выполнены в технике эмали (финифти). Кроме статс-дам ее портреты носили также гофмейстерины и камер-фрейлины, по статусу приравненные к статс-дамам. О ношении «портретными дамами», как они назывались в общении, портретов на правой стороне груди пишет также историк Л. Е. Шепелев¹¹⁹.

В противоречии с этими утверждениями некоторые современники пишут о ношении портретов на левой стороне груди. Так, адъютант шведского кронпринца Венцель Гаффнер, посетивший Петергоф в июле 1846 г., пишет: «Принц Оскар танцевал со многими из великих княгинь и графинь... Наиболее почетные из придворных дам называются "дамами с портретом", носят на левой стороне осыпанный бриллиантами портрет императрицы. Многие из них носят также звезды и ордена»¹²⁰.

Кроме того, все статс-дамы (и некоторые фрейлины) имели знаки ордена Св. Екатерины 2-й степени, то есть Малого креста (так называемая кокарда), или намного реже – 1-й степени. Главой ордена Св. Екатерины, по утвержденному Павлом I при его коронации 5 апреля 1797 г. «Установлению о Российских императорских орденах», оставалась, как и прежде, императрица¹²¹. Великие княжны при крещении получали знак ордена Большого креста; княжны императорской крови получали его по достижении совершеннолетия. Дочь А. О. Россет-Смирновой приводит не очень достоверный рассказ «из доброго старого времени» некой «старушки X» о появлении шифров и портретов. Появление портретов, на основании рассказов свидетельницы, она связывает с царствованием не Елизаветы Петровны, а Екатерины II: «Императрица Екатерина создала портретных дам, и первую из них была кн. Дашкова»¹²². Есть и другое мнение, в соответствии с которым первой на правой стороне груди (фрейлины вензель, наоборот, носили на левой стороне корсажа) стала носить портрет императрицы графиня А. А. Матюшкина (статс-дама с 22 сентября 1762 г.).

При Павле I было 14 пожалований статс-дамами. Их перечисление поможет понять, кого назначали статс-дамами. В ноябре 1796 г. статс-дамами стали: дочь генерал-аншефа князя В. М. Долгорукого-Крымского и супруга фельдмаршала графа В. П. Мусина-Пушкина графиня Прасковья Васильевна Мусина-Пушкина (1754–1826); супруга генерал-поручика К. И. Ренне Мария Андреевна фон Ренне (1752–1810) и вдова действительного статского советника Вильгельма де ла Фона София Ивановна де ла Фон.

¹¹⁷ Писаренко К. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 51.

¹¹⁸ См. также: Корф М. А. Записки // РС. 1899. Т. 99. С. 294–295; Паткуль М. А. Воспоминания // Исторический вестник (в дальнейшем – ИВ). 1902. Т. 88. С. 445; Кюстин А. Россия в 1839 году. В 2 т. Т. 1. С. 186–187; Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. С. 28, 44–47; Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С.; Уортман Р. Сценарии власти: С. 425.

¹¹⁹ Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 431.

¹²⁰ Гаффнер В. В. Три недели в России // Исторический вестник. 1914. Т. 135. № 1. С. 263.

¹²¹ Высочайше утвержденное Установление о Российских императорских орденах // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. 24. № 17908. С. 569–587.

¹²² Записки А. О. Смирновой, урожденной Россет с 1825 по 1845 г. // Статья Л. Крестовой и А. Пьянова; Сост. К. Ковальджи. М., 1999. С. 123.

Еще 7 статс-дам получили это звание в связи с коронацией 5 апреля 1797 года: супруга действительного тайного советника графа Михаила Мнишека графиня Урсула Мнишек (1760–1806), супруга генерал-фельдмаршала М. Ф. Каменского графиня Анна Павловна Каменская (1749–1826), супруга обер-шталмейстера Л. А. Нарышкина Мария Осиповна Нарышкина (умерла 28 июня 1800 г.), дочь генерал-аншефа М. И. Леонтьева и супруга генерал-аншефа П. Д. Еропкина Елизавета Михайловна Еропкина (1727–1800), дочь генерал-фельдмаршала графа А. Б. Бутурлина и супруга генерал-аншефа князя Ю. В. Долгорукова княгиня Екатерина Александровна Долгорукова (умерла в декабре 1811 г.), супруга малороссийского генерального судьи А. Я. Безбородко Евдокия Михайловна Безбородко, супруга виленского воеводы князя Михаила Радзивилла княгиня Елена Радзивилл (скончалась в 1821 г.). В том же году, но 20 июня статс-дамой стала принцесса Луиза Эммануиловна де Тарант, герцогиня де ля Тремуль, которая была ранее статс-дамой казненной королевы Марии-Антуанетты.

6 сентября 1798 г. кавалерственной дамой ордена Св. Екатерины 2-й и 1-й степени была пожалована супруга светлейшего князя П. В. Лопухина Екатерина Николаевна Лопухина (1763–1839), мать фаворитки Павла I Анны Лопухиной. 7 ноября того же 1798 г. статс-дамой стала супруга генерала от кавалерии графа П. А. фон-дер-Пален графиня Иулиана Ивановна фон-дер-Пален (1745–1814)¹²³. Последней статс-дамой в это непродолжительное царствование в феврале 1800 г. стала кавалерственная дама Св. Екатерины 1-й степени и Св. Иоанна Иерусалимского Большого креста дочь светлейшего князя П. В. Лопухина, супруга генерал-адъютанта князя Павла Григорьевича Гагарина Анна Петровна Гагарина (1777–1805). Это была последняя фаворитка Павла I, с которой он познакомился в Москве в 1797 г. Император перевел ее отца на службу в Санкт-Петербург. 6 сентября 1798 г. Анна Лопухина стала камер-фрейлиной и была по ее желанию выдана замуж за друга юности князя П. В. Гагарина, вызванного в связи с этим из Итальянского похода А. В. Суворова.

На протяжении трети столетия ключевую роль при дворе играла статс-дама (1794) и ордена Св. Екатерины большого креста кавалерственная дама Шарлотта Карловна Ливен (урожденная баронесса фон Поссе¹²⁴; 1743–1828), вдова генерал-майора барона Отто Генриха Ливена. Овдовев, она приехала из Херсонской губернии в Петербург, где была назначена воспитательницей великих княжон (с 1783 г.), а впоследствии младших сыновей великого князя и императора Павла I, в том числе Николая Павловича¹²⁵.

Императрица Александра Федоровна вспоминала о своей первой встрече со статс-дамой Ливен в 1817 г.: «Только что я уселась перед зеркалом, чтобы заняться туалетом, как вошла ко мне без церемоний какая-то пожилая женщина и промолвила по-немецки: "Вы очень загорели, я пришлю вам огуречной воды умыться вечером". Эта дама была пожилая, почтенная княгиня Ливен, которую я впоследствии искренне полюбила...»¹²⁶ Собственно, тогда она была еще графиней (1799), княжеский титул со всем семейством ей был пожалован при коронации Николая I 22 августа 1826 г., четыре месяца спустя, в декабре того же года, она стала светлейшей княгиней. Ее возвышению не помешало и то, что она была известна как большая придворная сплетница. В донесении директора канцелярии III Отделения М. М. Фока от 5 августа 1826 г. говорилось: «Слухи, распускаемые придворной челядью и лицами, окружающими графиню Ливен, один смешнее и нелепее другого»¹²⁷. Светлейшая графиня

¹²³ Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. С. 215–217.

¹²⁴ Там же. С. 215.

¹²⁵ Гаврилова Е. И. Символы эпохи: графиня Доротея Ливен и ее портреты // Ампи́р в России: Краткое содержание докладов III Царскосельской научной конференции. СПб., 1997.

¹²⁶ Александра Федоровна. Из альбомов императрицы Александры Федоровны. С. 141.

¹²⁷ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая по донесениям М. М. Фока и А. Х. Бенкендорфа // РС. 1881. Т. 32. № 9. С. 189.

активно способствовала продвижению своих родственников. Ее старший сын Карл Андреевич Ливен стал министром народного просвещения; средний – Христофор Андреевич – долгие годы провел послом в Лондоне (1812–1834), причем до семейного «разъезда» «им управляла жена его Дарья Христофоровна, урожденная Бенкендорф» (сестра Александра Христофоровича). Первая запись в камер-фурьерском журнале начала царствования Николая I от 1 января 1826 г. гласит: «В 15 минут 4-го часа Их Величества имели выход к императрице Марии Федоровне, где за обеденным столом изволили кушать в гостиной комнате как-то: Государь Император, Императрица Александра Федоровна, Императрица Мария Федоровна, великий князь Михаил Павлович, великая княгиня Елена Павловна, герцог Александр, принцесса Мария, принц Александр, принц Эрнест, принц Евгений Виртембергские (Вюртембергские. – А. В.), статс-дама графиня Ливен»¹²⁸. Подобные записи повторялись стабильно.

Гувернанткой великого князя Николая Павловича была Юлия (Ульяна) Федоровна Адлерберг (урожденная Анна Шарлота Юлиана Багговут; 1760–1839), статс-дама, мать графа В. Ф. Адлерберга, с 1802 г. – начальница Смольного института. В письмах к Александру Николаевичу в 1838–1839 гг. Николай I дважды упоминает о своих визитах вежливости к «старушке Ульяне Федоровне»¹²⁹.

Камер-фурьерский журнал упоминает о присутствии на коронации Николая I пять статс-дам¹³⁰. Среди них:

- Глебова Елизавета Петровна (урожденная Стрешнева; 1751–1837), вдова генерал-адъютанта Ф. И. Глебова.

- Голицына Татьяна Васильевна (урожденная княжна Васильчикова; 1782–1841) – княгиня, супруга московского военного генерал-губернатора Дмитрия Владимировича Голицына (1771–1844), кавалерственная дама ордена Св. Екатерины 2-й степени Это ее, назвав в письме к отцу «доброй княгиней», видел в Эмсе на водах великий князь Александр Николаевич 26 июля (7 августа) 1838 г.¹³¹

- Долгорукова (Долгорукая) Варвара Сергеевна (урожденная княжна Гагарина; 1793–1833) – супруга князя В. В. Долгорукова.

- Куракина Наталья Ивановна (1767 – 2 июля 1831) – княгиня, супруга Алексея Борисовича Куракина, дочь коллежского советника Ивана Сергеевича Головина и супруги его Екатерины Алексеевны, урожденная княжна Голицына.

- Толстая Наталья Дмитриевна (1793–1887) – графиня, упомянутая в переписке Николая I с цесаревичем Александром в его письме от 20 января (1 февраля) 1839 г.¹³²

В начале царствования Николая I кавалерственными дамами были жена обер-шенка графа Григория Ивановича Чернышева (1762–1831) Елизавета Петровна, урожденная Квашнина-Самарина (1773–1828), светлейшая княгиня Софья Григорьевна Волконская (урожденная княжна Волконская; 1786–1869), жена министра императорского двора П. М. Волконского и сестра декабриста С. Г. Волконского. С осени 1836 г. по день смерти А. С. Пушкин проживал в ее доме (ныне наб. Мойки, 12).

К числу любимиц Александры Федоровны принадлежала ее подруга детства Сесиль (Cecile), как ее звали в семье и при дворе, Цецилия Владиславовна Фредерикс (урожденная графиня Гуровская; 1794–1851). Она воспитывалась в семье прусского короля Фридриха

¹²⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 131. Л. 3–3 об.

¹²⁹ Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839 / Под ред. Л. З. Захаровой и С. В. Мироненко. М., 2008. С. 184, 255.

¹³⁰ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. (28/1618). Д. 131. Л. 724 об.

¹³¹ Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839 С. 71.

¹³² Там же. С. 295.

Вильгельма III и с юности была знакома Александре Федоровне. В 1814 г. она вышла замуж за командира л. – гв. Московского полка П. А. Фредерикса, пострадавшего от сабли капитана этого же полка князя Д. А. Щепина-Ростовского 14 декабря 1825 г.

Она была одной из воспитательниц дочерей Николая I. В статс-дамы была возведена 27 июня 1847 г. Она чаще других придворных дам оказывалась в ближайшем окружении императорской семьи – на обедах, ужинах, вечерних «собраниях», приемах, прогулках; ее имя постоянно встречается в переписке Николая I с родными, только в переписке Николая I с цесаревичем Александром в 1838–1839 гг. – около 50 раз.

Великая княжна Ольга Николаевна хорошо запомнила ее: «Очень красивая, с волосами цвета воронова крыла с синим отливом... она охотно принимала на себя обязанности дежурной фрейлины... Для Мама же она была долгие годы неиссякаемым источником помощи во всех обыденных делах, сочувствием ли или словом и делом. Она приходила к Мама каждый раз, когда ее передевали к приему при Дворе, и после таких приемов она еще сама шла куда-нибудь в общество. Она уже в молодые годы бросила танцы, но ее очень любили как собеседницу. С годами и заботами, которые принесли ей ее дети, она перестала любить общество. После смерти своего сына Дмитрия она приняла православие. Этот шаг она уже давно обдумывала. Четыре ее сына были православными, и она надеялась таким образом быть ближе к душе своего любимого Дмитрия... Последние годы ее жизни были грустными: в семье царствовал раздор и отсутствовало внимание друг к другу. Только ее младшая дочь Мария оставалась при ней»¹³³. На погребение умершей баронессы Фредерикс Придворная контора издержала 2578 руб. 66 коп. серебром¹³⁴.

Общая численность статс-дам была невелика. По данным «Придворного календаря на 1853 год», всего 19 статс-дам, из которых шестеро «состояли в отпуску» (для сравнения: в 1914 г. было 14 статс-дам). Среди них были жены, вдовы, а также дочери многих видных николаевских сановников и генералов.

Трое из них были кавалерственными дамами ордена Св. Екатерины 2-й степени. Все они были «генеральшами», супругами ближайших сподвижников Николая I. Во-первых, это графиня Ольга Александровна Орлова (урожденная Жеребцова), жена шефа жандармов и главного начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества (в дальнейшем – СЕИВ) Канцелярии графа А. Ф. Орлова (1786–1861). На самом деле она скончалась в 1852 г., до публикации придворных штатов.

Во-вторых, это княгиня Татьяна Васильевна Васильчикова (урожденная Пашкова; 1793–1875), вторая супруга генерала от кавалерии, председателя Государственного совета Иллариона Васильевича Васильчикова (1776–1847). В-третьих, председательница Патриотического общества графиня Клеопатра Петровна Клейнмихель (1811–1865), вторым браком бывшая замужем за графом Петром Андреевичем Клейнмихелем (1793–1869).

Кавалерами ордена Св. Екатерины 1-й степени были следующие дамы.

Екатерина Владимировна Апраксина (дочь московского военного генерал-губернатора светлейшего князя Д. В. Голицына; 1768–1854) – супруга генерала от кавалерии С. С. Апраксина; и при дворе великой княгини Елены Павловны – Наталья Федотовна Плещеева (умерла в феврале 1855 г.), ставшая кавалерственной дамой в день коронации Павла I, что вызвало неудовольствие его фаворитки Е. И. Нелидовой (5 апреля 1797 г.), а статс-дамой – в день коронации Николая I (22 августа 1826 г.).

Сестрой будущего министра императорского двора В. Ф. Адлерберга была кавалерственная дама ордена Св. Екатерины 1-й степени графиня Юлия Федоровна Баранова (урожд-

¹³³ *Ольга Николаевна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I: Муж. Отец. Император / Сост., предисл. Н. И. Азаровой. М., 2000. С. 189–190.*

¹³⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 3. (Кабинет ЕИВ). Д. 293. О возврате в придворную контору издержанных на погребение супруги обер-штальмейстера баронессы Фредерикс 2578 р. 66 коп. 1852 г.

денная Адлерберг; 1789/1790-1864). Фрейлина с 1806 г., статс-дама с 1836 г., воспитательница детей в царской семье, позднее начальница Смольного института; 1 июля 1846 г. она была возведена с потомством в графское состояние. После кончины Николая I она исполняла обязанности гофмейстерины при Александре Федоровне (с 20 октября 1855 г.).

Графиня Авдотья Васильевна Левашова, кавалер ордена Св. Екатерины 2-й степени, была дочерью генерала от кавалерии председателя Государственного совета графа Василия Васильевича Левашова (1783–1848), Софья Григорьевна Волконская – дочерью генерала от кавалерии Г. С. Волконского (сестра декабриста Сергея), а Прасковья Ивановна Мятлева – дочерью поэта и камергера Ивана Петровича Мятлева (1796–1844). Кавалерственными дамами были также: светлейшая княгиня Елизавета Николаевна Чернышева, графиня Елизавета Андреевна Бенкендорф, княгиня Екатерина Алексеевна Волконская и состоявшая при Ее Императорском Высочестве государыне цесаревне великой княгине Марии Александровне светлейшая княгиня Екатерина Васильевна Салтыкова (с 1835 г.).

Остальные были «в отпуску».

Наиболее экстравагантным был случай со светлейшей княгиней Дарьей Христофоровной Ливен (урожденная Бенкендорф; 1783 – 15 февраля 1857), сестрой покойного А. Х. Бенкендорфа. Незаурядная женщина-дипломат, жена русского посланника в Лондоне Х. А. Ливена (1774–1838), она была хозяйкой литературно-политических салонов в Берлине (1810–1812) и Лондоне (1812–1834). На протяжении многих лет она оставалась в эпицентре великосветского скандала, став возлюбленной канцлера Австрии князя К. Меттерниха, а затем – на протяжении более 20 лет – подругой историка и министра иностранных дел Франции Ф. Гизо. В 1837 г. она развелась с мужем и отказалась вернуться в Россию, несмотря на все старания ее брата и самого Николая I. Тем не менее она сохраняла звание статс-дамы (29 февраля 1829 г.), а ее знаменитые письма на зеленой бумаге к императрице Александре Федоровне наверняка содержали интересные сведения для русской дипломатии.

Также «в отпуску» была Антуанетта Станиславовна Витгенштейн, вдова светлейшего князя фельдмаршала П. Х. Витгенштейна, которого возвел в это достоинство в 1834 г. прусский король, что было признано Николаем I.

Светлейшая княгиня Елизавета Алексеевна Варшавская, графиня Паскевич-Эриванская (урожденная Грибоедова; 1795–1856), дочь коллежского советника Алексея Григорьевича Грибоедова от первого брака с княжной Александрой Сергеевной Одоевской, сводная сестра А. С. Грибоедова, она в 1817 г. вступила в брак с генералом И. Ф. Паскевичем. Через пять лет, 6 декабря 1824 г., при обручении великого князя Михаила Павловича она была причислена к кавалерственным дамам Малого креста ордена Св. Екатерины. Подобная награда являлась в то время исключительной, так как ее удостаивались только супруги генерал-адъютантов и высших придворных и военных чинов. Между тем Паскевич в то время был только генерал-лейтенантом. При Николае I, благоволившем «отцу-командиру», 16 июня 1829 г. Елизавета Алексеевна была пожалована статс-дамою и, наконец, 25 мая 1846 г. удостоилась получить орден Св. Екатерины 1-й степени. Император Николай Павлович свои письма к Паскевичу частенько заканчивал словами: «целую ручки княгине».

Женой новороссийского генерал-губернатора и кавказского наместника светлейшего князя М. С. Воронцова была кавалерственная дама ордена Св. Екатерины 1-й степени Елизавета Ксаверьевна Воронцова (урожденная графиня Браницкая; 1792–1881). Среди «пропасти красавиц», с которыми обедал в Лондоне наследник цесаревич Александр Николаевич 24 апреля (6 мая) 1839 г., он особенно выделил из русских дам графиню Воронцову. «Она очень потолстела и похорошела», – писал цесаревич отцу¹³⁵.

«В отпуску» были графини Изабелла Ивановна Соболевская и Розалия Ржевусская.

¹³⁵ Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. С. 409.

С шифром фрейлины

В кинофильме «Богатство», поставленном по одноименному роману Валентина Пикуля, о жене одного персонажа говорится: «Она аристократка, почти фрейлина». Следует иметь в виду, что ни одна замужняя женщина не могла быть фрейлиной. Так же, как далеко не все фрейлины после замужества становились статс-дамами. Это зависело от близости к императорскому двору или от исключительных заслуг их мужей перед Отечеством. Так, в 1812 году, в связи с возвышением М. И. Кутузова после Бородино, среди прочих милостей последовало пожалование его жены Екатерины Ильиничны в статс-дамы (умерла в 1824 г.)¹³⁶.

Фрейлины были комплектные, то есть входившие в утвержденный штат, и сверх комплекта. После включения в штат фрейлины получали золотые с бриллиантами вензеля императрицы или великой княгини, называемые шифром. Увенчанные короной, они прикреплялись на Андреевской голубой ленте на левой стороне корсажа (в то время как портреты у статс-дам были с правой стороны груди)¹³⁷, фактически даже вверху рукава платья на левой руке.

Появление шифров (вензелей) фрейлин некая «старушка Х» в рассказах А. О. Россет-Смирновой (в записи ее дочери Ольги) связывает с царствованием Елизаветы Петровны: «Оказывается, что императрица Елизавета ввела шифры, раньше для военных, а потом отменила их и дала четверем своим фрейлинам»¹³⁸.

Фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны (супруги Александра I) носили шифр в виде букв ER – Елизавета Regina (*лат.* – королева)¹³⁹. Именно о таком шифре вспоминала графиня София де Шуазель-Гуфье, урожденная графиня Фитценгауз, бывшая фрейлина двора Александра I, когда в 1812 г. в оккупированном французскими войсками Вильно смело надела на бал шифр с голубым вензелем русской фрейлины¹⁴⁰. Наполеон отнесся к этому с пониманием. На следующем балу он попенял другой фрейлине, польке, которая его не надела: «Это придворное звание, которое ничего не означает. Дарование этого значка – большая любезность со стороны императора Александра. Можно оставаться хорошей полькой и носить шифр»¹⁴¹.

Штатным фрейлинам полагался денежный оклад (при императрице Елизавете Петровне в середине XVIII в. он был установлен в 600 руб. в год, камер-фрейлинам – 1000 руб.)¹⁴². Кроме жалованья фрейлины могли рассчитывать на подарки к праздникам. Так, на новый 1831 год императрица Александра Федоровна подарила А. О. Смирновой «розовый трен (или трэн, от *франц.* traine – шлейф, тянущийся по полу. – А. В.), шитый серебром, а Александрине Эйлер – голубой с серебром»¹⁴³. Иногда фрейлины получали и единовременные пособия, обычно в размере 1000 руб.¹⁴⁴ В случае замужества комплектные фрейлины получали приданое от двора. Размер приданого составлял обычно 3 тыс. рублей ассигнаци-

¹³⁶ Чижова И. Б. Хозяйки литературных салонов Петербурга первой половины XIX в. СПб., 1993. С. 59.

¹³⁷ Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 432.

¹³⁸ Записки А. О. Смирновой. С. 123.

¹³⁹ Васильева А. Н. Жена и муза: тайна Александра Пушкина. С. 8.

¹⁴⁰ [Шуазель-Гуфье] Исторические мемуары об императоре Александре I и его дворе графини Шуазель-Гуфье. С. 81.

¹⁴¹ [Шуазель-Гуфье] Исторические мемуары об императоре Александре I и его дворе графини Шуазель-Гуфье. С. 83.

¹⁴² Писаренко К. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. С. 51.

¹⁴³ Записки А. О. Смирновой. С. 55.

¹⁴⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 3. Д. 85.0 выдаче фрейлине Шишкиной единовременного пособия. 1848 г.; Ф. 468. Оп. 3. Д. 87. О выдаче фрейлине Марии Эмануэль в единовременное пособие 1000 рублей. 1848 г.

ями (или менее 1000 руб. серебром)¹⁴⁵. Равноценные суммы выдавались выходящим замуж актрисам императорских театров¹⁴⁶. Выдавались деньги и на погребение умерших фрейлин. Иногда, по особым случаям, оказывалось вспомоществование, в том числе и бывшим фрейлинам. Предметы гардероба императриц (и великих княгинь) могли также завещаться любимым фрейлинам¹⁴⁷.

Звание фрейлины жаловалось довольно часто. Фрейлинами могли быть молоденькие девушки-дворянки необязательно богатых, но знатных или уважаемых фамилий, чьи родители были как-либо связаны со двором. Император утверждал новых фрейлин на основании представления императрицы или великой княгини, шифр которой фрейлина и должна была носить.

Императрица Мария Федоровна старалась пристроить к своему двору, двору Александры Федоровны или великих княгинь лучших по успеваемости выпускниц Смольного и Екатерининского институтов благородных девиц. Иногда император выступал инициатором, включая в придворный штат своих фавориток, бывало, что наперекор императрице. Так было со второй фавориткой Павла I Анной Петровной Лопухиной, будущей статс-дамой Гагариной, когда, приглашенная на службу вместе с отцом из Москвы, она заняла место прежней фаворитки Екатерины Ивановны Нелидовой (к которой Мария Федоровна худобно уже привыкла). Сколько страстей по этому поводу разгорелось при дворе!

При Александре I существовала одна характерная особенность. Вдовствующая императрица Мария Федоровна (женщина властная и придающая большое значение внешним проявлениям власти), эксплуатируя чувство вины Александра перед отцом, сохраняла исключительные привилегии. «Особенно ревностно, – отмечает историк Н. В. Самовер, – Мария Федоровна следила за тем, чтобы сохранить первенство перед своей нелюбимой невесткой – царствующей императрицей Елизаветой Алексеевной. Ее окружала роскошь, все чины двора служили равным образом как супруге Александра, так и ей, причем фрейлины носили шифры обеих императриц»¹⁴⁸. Любимой фрейлиной Елизаветы Алексеевны была княжна Наталия Федоровна Шаховская (?-1807). С 1799 г. фрейлиной императрицы стала княжна Варвара Михайловна Волконская, впоследствии камер-фрейлина. Ее фрейлинами были также сестры Валуевы. Одна из них – Екатерина Петровна Валуева (1774–1848) – при выпуске из Смольного института была определена к великой княгине Марии Федоровне, а фрейлинский знак получила 6 ноября 1796 г., в день вступления Павла I на престол. Впоследствии она также стала любимой фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны¹⁴⁹.

Постепенно ограничивая привилегии Марии Федоровны, Николай I не покушался на придворный штат и контроль ее за фрейлинами. Общее количество фрейлин при всех императрицах и великих княгинях в начале царствования Николая I достигло 36. Непосредственно у императрицы Александры Федоровны обычно было 12 штатных фрейлин. Эту цифру называет великая княжна Ольга Николаевна, вспоминая события 1832 г.: «В тот год у Мама было двенадцать фрейлин, включая тех, которых она получила от бабушки (импера-

¹⁴⁵ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. Комментарии. С. 592.

¹⁴⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 3. Д. 44. (С. Ф.) О выдаче выходящей в замужество танцовщице СПб театра Сысоевой на приданое 860 рублей. 1848 г.; Ф. 468. Оп. 3. Д. 308. Об отпуске в контору императорских С.-Петербургских театров для выдачи актрисе здешней русской труппы Екатерине Жулевой по случаю вступления ее в брак 860 рублей. 1852 г.

¹⁴⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 1. Д. 240. О выдаче бывшей фрейлине Татьяне Лешерн-Герц-фельдит, урожд. Княжне Куракиной, в пособие 2000 руб. сер. 1848. – 5 л.

¹⁴⁸ Самовер Н. В. Закат императрицы: Из истории борьбы Николая I за укрепление своей власти в первые месяцы царствования // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 7. 1825–2005. СПб.; Кишинев, 2005. С. 338–408.

¹⁴⁹ Гатчина при Павле Петровиче, цесаревиче и императоре / Н. Лансере, П. Вейнер, А. Трубников, С. Казнаков, Г. Пинэ. СПб., 1995. Примеч. С. 311.

трицы Марии Федоровны. – Л. В.)»¹⁵⁰. Но к концу царствования Николая Павловича фрейлин снова стало больше. По мнению фрейлины А. Ф. Тютчевой, общее число фрейлин, состоявших при императрице Александре Федоровне, значительно превышало штаты. «Некоторых из них выбрала сама императрица, – замечает Тютчева, – других по своей доброте она позволила навязать себе, так что фрейлинский коридор походил на благотворительное учреждение для нуждающихся бедных и благородных девиц, родители которых переложили свое попечение о дочерях на императорский двор»¹⁵¹.

Много тайн хранил фрейлинский коридор Зимнего дворца, в который при Александре I выходили помещения более двадцати фрейлин императриц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны, с соответствующим количеством горничных. Во время вечернего чая в этом самом населенном верхнем уголке царского жилища обычно начиналось оживление. Однажды сюда поднялся из своих апартаментов император Александр Павлович. Любезно кланяясь встречавшимся ему на пути фрейлинам, он прошел в помещение княжны Варвары Ильиничны Туркестановой. Это была чуть ли не старейшая по возрасту фрейлина из всех, но, несмотря на свои сорок три года, княжна сохраняла моложавый вид¹⁵². Будучи сиротой, она пятнадцать лет находилась при дворе и сумела заручиться расположением императрицы Марии Федоровны и старой ее подруги Ш. К. Ливен. В 1818 г. она сопровождала императрицу в путешествие за границу. Но перед этим летом того же года на Каменном острове, на одной из дач, где проживали тогда во время холеры фрейлины, произошла таинственная история. Князь Владимир Сергеевич Голицын на спор соблазнил княжну Туркестанову¹⁵³. Последствия вскоре стали ясны: во время путешествия по Европе она почувствовала, что станет матерью¹⁵⁴. И вот теперь император Александр Павлович направлялся к княжне, чтобы ее успокоить, но потрясение было слишком велико. После рождения в глубокой тайне дочери фрейлина приняла яд. Император приказал выставить гроб ее в зале Зимнего дворца, что, как отмечает автор исторического рассказа Е. С. Шумигорский, являлось неслыханным отличием. Он также принял на свой счет издержки по ее погребению. Она была похоронена в Александро-Невской лавре. Князь В. С. Голицын поспешил в столицу с ходатайством, чтобы ему была отдана дочь покойной Мария. В качестве доказательства своих прав он представил письмо покойной перед отъездом ее за границу. Император исполнил это желание Голицына, повелев дать ей фамилию Голицына. Впоследствии Мария Владимировна вышла замуж за А. Н. Нелидова, но умерла в молодости¹⁵⁵.

Где же находился фрейлинский коридор, это девичье общежитие в Зимнем дворце? По воспоминаниям А. Ф. Тютчевой, комнаты фрейлин в Зимнем дворце выходили во фрейлинский коридор, обращенный на Александровскую площадь, к которому вела Салтыковская лестница в 80 ступеней. Комнаты находились к востоку от Александровского зала (ныне залы № 314, 332 – экспозиция французского искусства второй половины XIX в.)¹⁵⁶. Хотя это и был третий этаж, но по числу ступеней на лестнице он соответствовал пятому этажу. Фрей-

¹⁵⁰ *Ольга Николаевна*. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 С. 195.

¹⁵¹ *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 25–26.

¹⁵² *Шумигорский Е.* Старая фрейлина (исторический рассказ) // ИВ. 1914. Т. 125. № 1. С. 76.

¹⁵³ Там же. С. 84.

¹⁵⁴ Там же. С. 90.

¹⁵⁵ *Шумигорский Е.* Старая фрейлина (исторический рассказ) // ИВ. 1914. Т. 125. № 1. С. 95.

¹⁵⁶ Пушкин и Зимний дворец / Государственный Эрмитаж. [Выставка. Пушкин и Зимний дворец. 200 лет со дня рождения А. С. Пушкина] / Авторы концепции: Г. Н. Комелова, Г. А. Миролюбова, А. Г. Побединская, Г. А. Принцева, А. А. Тарасова. СПб.: Славия, 1999. 47 с. [Каталог].

лины называли свои апартаменты «чердаком». Они имели право принимать гостей. О возможности всегда «сделать вечер у себя на "чердаке"» упоминала А. О. Россет-Смирнова¹⁵⁷.

Реальная жизнь фрейлин была безрадостной. Иронично и с долей горечи об этом пишет А. Ф. Тютчева: «Мы занимали на этой большой высоте очень скромное помещение: большая комната, разделенная на две части деревянной перегородкой, окрашенной в серый цвет, служила нам гостиной и спальней, в другой комнате, поменьше, рядом с первой, помещались с одной стороны наши горничные, а с другой – наш мужик, неизменный Меркурий всех фрейлин и довольно комическая принадлежность этих девических хозяйств, похожих на хозяйства старых холостяков. Он топил печку, ходил за водой, приносил обед и по десяти раз в день бегал заказывать карету, ибо истинное пребывание фрейлины, ее палатка, ее ковчег спасения – это карета. В дни дежурства эта карета была запряжена с утра, чтобы быть готовой на тот случай, если фрейлине придется сопровождать великую княгиню, случалось ездить с ней к кому-нибудь из великих княгинь или в Летний сад, и, если великий князь позднее присоединялся к ней, фрейлина освобождалась и возвращалась во дворец в собственной карете.

Но еще больше эта карета была в ходу в дни не дежурные, когда фрейлина могла располагать собой. С какой поспешностью бедные фрейлины бежали из своих одиноких комнат, которые никогда не могли быть для них *Home*'ом и создать им ни уюта домашнего очага, ни уединения кельи. Среди шумной и роскошной жизни, их окружавшей, они находили в этих комнатах лишь одиночество и тяжелое чувство заброшенности... Я нашла в своей комнате диван стиля *empire* (ампир. – А. В.), покрытый старым желтым штофом, и несколько мягких кресел, обитых ярко-зеленым ситцем, что составляло далеко не гармоничное целое. На окнах ни намек на занавески... Дворцовая прислуга теперь живет более просторно и лучше обставлена, чем в наше время жили статс-дамы, а между тем наш образ жизни казался роскошным тем, кто помнил нравы эпохи Александра I и Марии Федоровны»¹⁵⁸. Фрейлинский коридор был восстановлен после пожара 1837 г. По отзыву Николая I, осмотревшего его 1 (14) октября 1838 г., он «обратился в прекраснейшую светлую широкую галерею»¹⁵⁹.

Назначение фрейлиной было почетно, но психологически трудно для девушек, которых отрывали от дома. Может быть, в какой-то степени было несколько легче выпускницам Смольного («Воспитательное общество благородных девиц») и Екатерининского институтов, привыкших жить вне семьи и отчасти знакомых с императорской семьей, или обучавшихся в пансионах. Известно, что члены императорской фамилии платили за воспитание многих девочек, у которых не было средств, даже если они и не были сиротами. По свидетельству дочери А. О. Смирновой Ольги, императрица часто давала им полное приданое¹⁶⁰.

Характерна история А. О. Россет, о которой говорили, что наружностью она походит на «красивую молодую цыганку»¹⁶¹. А. С. Пушкин называл ее «черноокая красавица», «южная ласточка», «смуглорумяная красота наша». Ко времени посещения поэтом «чердака» относятся его шуточные стихи:

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти,
Те, те, те и те, те, те...

¹⁵⁷ Записки А. О. Смирновой. С. 109.

¹⁵⁸ Тютчева Л. Ф. Воспоминания. С. 29–31.

¹⁵⁹ Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. С. 131.

¹⁶⁰ Записки А. О. Смирновой. С. 149.

¹⁶¹ Мещерский Л. В. Воспоминания // РА. 1901. № 1. С. 103.

Императрица Мария Федоровна предложила А. О. Россет быть фрейлиной великой княгини Елены Павловны. Неожиданно Елена Павловна возроптала.

Она была сложной личностью, сочетавшей показной демократизм с аристократическим снобизмом.

Долли Фикельмон в дневниковой записи от 26 июня 1830 г. дала ей такую характеристику: «Это самая белоликая и самая ослепительная особа Петербурга. И, когда рядом с ней нет императрицы, самая красивая. Держится высокомерно, у нее очень живые глаза, в ее физиономии некая смесь душевной чистоты, гордости, неуверенности, беспокойства. Она любит своего мужа, побаивается его, и ее недолюбливают. Все окружающие ее лица, за исключением нежно преданной ей Аннет Толстой, настроены против нее и делают все возможное, чтобы причинять ей муки. Она была бы очень очаровательной, если б была счастливой. Судьба что-то недодала ей, поэтому в ней нет гармонии; но что еще более странно – как *жертва* она не пробуждает сочувствия».

А. О. Россет-Смирнова была одной из лучших учениц, но она была круглой сиротой и без средств; воспитывалась в Институте на пенсию великого князя Михаила Павловича (что тоже не могло нравиться его супруге). Великая княгиня наотрез отказалась от фрейлины с неясным социальным происхождением. Девушке пришлось изрядно переволноваться, пока вдовствующая императрица Мария Федоровна, сохранившая в царствование Александра I и в начале царствования Николая I право отбора фрейлин, наводила справки о родословной провинциалки. Александра Осиповна была дочерью французского эмигранта О. И. Роскета, а по матери принадлежала к грузинскому роду; ее бабушка была княгиней Е. Е. Цициановой. Исследование о родословной А. О. Россет закончилась благополучно, хотя девушке был нанесен чувствительный удар. Указом Придворной конторы от 14 декабря 1826 г. девиц Александру Эйлер и Александру Россет «всемиловитейше пожаловали во фрейлины к их Императорским Величествам Государыням Императрицам»¹⁶².

Ей пришлось дежурить при обеих императрицах. «Живя в Аничковом, – свидетельствует дочь Россет-Смирновой Ольга, – она иногда ездила в Зимний; летом переезжала в Павловск. Но во время пребывания царской фамилии в Петергофе она дежурила при Александре Федоровне»¹⁶³. В 1828 г.

Россет была оставлена при Марии Федоровне и большую часть лета провела в Павловске¹⁶⁴. Незадолго до кончины вдовствующей императрицы фрейлины Эйлер и Россет подарили ей во время июльских празднеств в Петергофе (тезоименитство императрицы 22 июля) перламутровый станок для бумаг. Приобретенный в Английском магазине на углу Невского и Большой Морской, он и ныне украшает один из столов Марии Федоровны в Павловском дворце. Как обнаружила О. К. Бажанова, сохранились наклейки с надписью на русском и французском языках: «Eiller et Rossett. От фр.: Эйлер и Россет». Только после смерти Марии Федоровны, в 1828 г., А. О. Россет «окончательно перешла к Александре Федоровне»¹⁶⁵.

Другая, не менее характерная история девушки, приехавшей ко двору в конце царствования Николая I, Анны Федоровны Тютчевой (1829–1889), дочери дипломата, цензора и поэта Ф. И. Тютчева, фрейлины цесаревны (с января 1853 г.), затем императрицы (1855–1858) Марии Александровны. Недостаточные средства заставили отца через родственников и знакомых хлопотать об устройстве одной из дочерей фрейлиной. Выбор пал на Анну, потому что она получила образование за рубежом, но была некрасива и не могла стать пред-

¹⁶² Цит. по: Баженова О. К. История одного подарка: легенда и действительность. Перламутровый станок для бумаг из ГМЗ «Павловск» // Россия – Германия: Материалы X Царскосельской научной конференции. СПб.: Б. и., 2004. С. 44.

¹⁶³ Записки А. О. Смирновой. С. 267.

¹⁶⁴ Смирнова-Россет Л. О. Дневник. Воспоминания. С. 19, 362.

¹⁶⁵ Записки А. О. Смирновой. С. 267.

метом скандального романа при дворе. И вот из села Овстуг Брянского уезда Орловской губернии 4 января 1853 г. в возке, запряженном почтовыми лошадьми, она направляется в Москву и далее по железной дороге в Петербург¹⁶⁶. Временно она остановилась у княгини Екатерины Николаевны Мещерской (урожденной Карамзиной). Начались хлопоты по созданию у провинциалки соответствующего облика. Сама Тютчева вспоминала: «Она с большой заботливостью отнеслась к заказу моего платья для представления ко двору, вникая в мельчайшие подробности туалета, который вследствие наложенного в то время на двор траура должен был быть совершенно белый. Она заставляла меня принимать множество освежающих напитков, чтобы восстановить цвет лица, пострадавший от пятидневного путешествия в суровые январские морозы». Далее подключилась фрейлина Софья Николаевна Карамзина, старшая дочь историка от первого брака. «София, – продолжает А. Ф. Тютчева, – написала *m-elle* Воейковой, фрейлине великой княгини Марии Николаевны, которая своей рекомендацией более всего содействовала моему назначению ко двору цесаревны и должна была представить меня. Через Воейкову я получила приказание явиться в Зимний дворец 9 января в 11 часов утра. Белое платье было готово, белая шляпа была изящна... Сердце мое усиленно билось, когда я поднималась по лестнице дворца и входила в золотую гостиную, служившую местом ожидания для лиц, которые представлялись цесаревне в личной аудиенции. Появившийся четверть часа спустя камердинер сообщил, что цесаревна меня ждет, и ввел меня в ее кабинет»¹⁶⁷.

После беседы цесаревна Мария Александровна представила Тютчеву великому князю Александру Николаевичу, и вопрос был решен: «.. Цесаревна приказала мне переселиться во дворец во вторник 13 января, чтобы мне не пришлось приступить к своим обязанностям в понедельник, который считается тяжелым днем»¹⁶⁸. Затем предстояло представление и самому императору. А. Ф. Тютчева вспоминала: «Это было двадцать пятого января, двенадцать дней спустя после моего поступления во дворец, в маленькой церкви, где обыкновенно по воскресеньям служили обедню... Я была представлена цесаревной императору Николаю в самой церкви после обедни. Он обратился ко мне с двумя-тремя вопросами, а затем вечером в театре, где я находилась в качестве дежурной при цесаревне, в маленькой императорской ложе, он в несколько приемов и довольно долго разговаривал со мной. Я была крайне удивлена, что этот самодержец, одно имя которого вызывало трепет, беседует с молодой девушкой, только что приехавшей из деревни, так ласково, что я чувствовала себя почти свободно... Он сказал великой княгине Марии Николаевне... что я ему очень понравилась и что оживленное выражение моего лица делало меня лучше, чем красивой. Достаточно было этих одобрительных слов с уст владыки, чтобы с самого начала прочно поставить меня в новой окружающей меня среде. Никто после этого не посмел бы усомниться в том, что я хороша собой и умна»¹⁶⁹.

Тем не менее ко времени появления при дворе А. Ф. Тютчевой значение фрейлин явно упало. Особенно заметным это стало после воцарения Александра II. В дневнике от 27 октября 1855 г. А. Ф. Тютчева меланхолически замечает: «Прежде фрейлины существовали ради представительства, они должны были участвовать в прогулках, присутствовать на приемах и обедах. Теперь монархи хотят быть свободны, гуляют одни, видаются, кого хотят, приватно, играют в частных лиц, приглашают частным образом фрейлину, если она умеет забавлять, в противном случае ее отстраняют и предоставляют ей умирать со скуки в своей

¹⁶⁶ Тютчева Л. Ф. Воспоминания. С. 11.

¹⁶⁷ Тютчева Л. Ф. Воспоминания. С. 16.

¹⁶⁸ Там же. С. 25–26.

¹⁶⁹ Там же. С. 39–40.

комнате или же развлекаться по-своему»¹⁷⁰. И далее продолжает: «Другой вариант – это когда из фрейлины делают свою приемную дочь, становятся ее воплощенным провидением, врачом и духовником. Для этого нужно, чтобы фрейлина страдала хронической болезнью (лучше всего звучит эпилепсия), склонностью к сумасшествию или чем-нибудь подобным. Тогда становятся ангелом-хранителем этой больной души, спасают ее от гибели до тех пор, пока это забавляет; потом, когда это надоедает, ее кидают. Но за это время молодая девушка успела сделаться хитрой, коварной, лживой. Она научилась постоянно играть какую-нибудь роль, обманывать себя и других. Цель только одна – монаршая милость, и ради этой цели все приносится в жертву: ни долга, ни привязанностей, ни интересов, ни забот у этой молодой девушки нет, но есть праздный ум и праздное воображение, которые отвечают праздному воображению и праздному уму госпожи или господина, сделавшего из нее игрушку или предмет забавы, который без малейшего угрызения совести рано или поздно принесут в жертву минутному капризу»¹⁷¹.

Всегда были фрейлины, пользующиеся особым положением и почетом при дворе, что наглядно демонстрировалось подходом к «квартирному вопросу». А именно это выражалось в их проживании не на третьем, а на первом этаже Зимнего дворца. По свидетельству А. Ф. Тютчевой, такой привилегией после пожара 1837 г. пользовались шесть фрейлин. Среди них была внучка М. И. Кутузова графиня Екатерина Федоровна Тизенгаузен (ок. 1803–1888), которая с 1852 г. стала камер-фрейлиной. Мемуаристка называет также ее племянницу графиню Баранову (Марию Трофимовну; впоследствии – Пашкову), двух сестер Бартеневых (о них позже), пруссачку Элизу Раух (в замужестве Елизавету Федоровну Ферзен) и фаворитку императора В. А. Нелидову¹⁷². Именно В. А. Нелидову имел в виду Фридрих Гагерн, называя трех дам из ближайшего окружения императрицы¹⁷³.

А. О. Россет-Смирнова, по воспоминаниям в редакции ее дочери Ольги, в Петергофе обычно помещалась в Коттедже, где проживала императорская семья¹⁷⁴.

В то же время А. Ф. Тютчева в дневнике от 26 мая 1854 г. упоминает о своей «скверненькой квартирке в Петергофском готическом домике»¹⁷⁵. В Царском Селе помещения фрейлин, по крайней мере сначала, находились в Большом Царскосельском дворце. Там в 1826 г. из окон дворца увидел прыгающую через лужу будущую фрейлину молоденькую Александру Осиповну Россет Николай Павлович. Там, «во фрейлинской келье»

А. О. Россет (будущей Смирновой) летом 1831 г. бывал А. С. Пушкин, и тогда там не смолкали дебаты и шутки¹⁷⁶. Известно также, что после ремонтно-восстановительных работ в Александровском дворце 1843 г. жилые помещения для фрейлин были устроены на втором этаже, возведенном над библиотекой¹⁷⁷.

Обязанности фрейлины заключались прежде всего в дежурствах. «Дежурная фрейлина должна была в обеденное время быть у Мама, – вспоминала княжна Ольга Николаевна, – чтобы принять приказания на день»¹⁷⁸. Возраст фрейлин был весьма различный, некото-

¹⁷⁰ Там же. С. 134.

¹⁷¹ Тютчева А. Ф. Воспоминания. С. 16.

¹⁷² Там же. С. 29.

¹⁷³ Гагерн Ф. Дневник путешествия по России в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / Сост. Ю. А. Лимонов. Л., 1991. С. 695–696.

¹⁷⁴ Записки А. О. Смирновой. С. 108.

¹⁷⁵ Тютчева А. Ф. Дневники (Фрагменты) // Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 62.

¹⁷⁶ Чиждова М. Б. Хозяйки литературных салонов Петербурга первой половины XIX в. С. 98.

¹⁷⁷ Семенова Г. В. Александровский дворец в Царском Селе // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Исследования и материалы. Вып. 5. СПб., 2000. С. 68.

¹⁷⁸ Ольга Николаевна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 195.

рые, если им не удалось, несмотря на возможности, предоставляемые для знакомств двором, выйти замуж, оставались старыми девами. Великая княжна Ольга Николаевна пишет: «В деревню нас сопровождали только молодые, старшие оставались в Зимнем дворце. Мы, дети, знали их хорошо»¹⁷⁹. Фрейлины должны были сопровождать императрицу или великую княгиню во время выездов, но в этом случае гофмейстера «смотрела заранее русские, французские и немецкие пьесы, чтобы судить, могут ли их смотреть молодые девушки, и сопровождала их в большую царскую ложу против сцены»¹⁸⁰. Позднее А. Ф. Смирнова вспоминала: «Императрица так добра, что часто спрашивает у дежурной фрейлины, не желает ли она быть свободна вечером, и избавляет ее от вечернего дежурства, а я дежурю так охотно!»¹⁸¹ Дежурная фрейлина приходила обычно за распоряжениями в камер-фрейлинскую. Неслучайно после воцарения Павла I в Павловском дворце в 1797 г. камер-фрейлинская, последняя из комнат половины Марии Федоровны, предназначавшая для фрейлин и камер-пажей, составлявших ее обширный личный штат, была значительно расширена архитектором Бренна¹⁸².

Наиболее приближенные фрейлины сопровождали императрицу в дальних поездках, как это было во время зарубежного вояжа Александры Федоровны в 1838 г. Тогда ее сопровождали фрейлины Е. Ф. Тизенгаузен и В. А. Нелидова.

В последние годы жизни камер-фрейлиной (1841)¹⁸³ стала приближенная к императорской семье княгиня Варвара Михайловна Волконская (1781–1865)¹⁸⁴, сестра светлейшего князя П. М. Волконского, бывшая фрейлина (с 1799 г.) императрицы Елизаветы Алексеевны. Это под ее надзором в конце 20-х – начале 30-х гг. оставались в Царском Селе дочери венценосной четы¹⁸⁵. Княжна Волконская, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины Малого креста, прожила долгую жизнь. Молодая фрейлина А. Ф. Тютчева увидела ее в 1853 г.: «... княжна Волконская, бедная сморщенная старушка, по целым дням сидевшая у себя в салоне в перчатках, разубранная как икона. Каждое утро можно было видеть, как она мелкими шажками семенила по фрейлинскому коридору, направляясь в церковь, где ежедневно на хорах присутствовала у обедни и усердно молилась. Разбитая параличом несколько лет спустя, с парализованными ногами и почти впавшая в детство, она чуть не до последнего дня своей жизни настаивала, чтобы ее в кресле возили на церковные хоры к обедне»¹⁸⁶. Она выполняла обет, данный в 1812 г., вплоть до своей смерти. Скончалась она в 1865 г. в возрасте 84 лет (А. Ф. Тютчева ошибочно датировала возраст кончины В. М. Волконской 1860 г.).

Другой камер-фрейлиной в последние годы царствования Николая I была уже упоминавшаяся графиня Екатерина Федоровна Тизенгаузен (ок. 1803–1888), внучка М. И. Кутузова, дочь Ф. И. Тизенгаузена, погибшего под Аустерлицем, сестра Д. Ф. Фикельмон. Ее мать, любимая дочь М. И. Кутузова Елизавета Михайловна (1783–1839), стала фрейлиной в царствование Павла I. Замуж вышла по любви в 1802 г. за штабс-капитана инженерных войск Фердинанда (Федора Ивановича) Тизенгаузена. На ее венчании в придворной церкви Павловска и на свадьбе присутствовала императрица Мария Федоровна. Впоследствии Елизавета Михайловна также оставалась под покровительством императорской семьи¹⁸⁷.

¹⁷⁹ Там же. С. 195.

¹⁸⁰ Записки А. О. Смирновой. С. 109.

¹⁸¹ Там же. С. 109.

¹⁸² *Архангельский Н. Э.* Павловск. Л., 1936. С. 54.

¹⁸³ Гатчина при Павле Петровиче, цесаревиче и императоре. Примеч. С. 319.

¹⁸⁴ Другие даты (1778–1866), см. там же. Примеч. С. 319.

¹⁸⁵ *Ольга Николаевна.* Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 С. 184.

¹⁸⁶ *Тютчева Л. Ф.* Воспоминания. С. 29.

¹⁸⁷ *Чиждова И. Б.* Хозяйки литературных салонов Петербурга первой половины XIX в. С. 54.

В 1803 г. в семье Тизенгаузенов родилась дочь Екатерина, а в 1804 г. – Дарья (Долли Фикельмон). Ф. И. Тизенгаузен погиб, сраженный пулей под Аустерлицем в 1805 г., когда со знаменем в руках вел солдат в контратаку. В 1811 г. вторым браком Елизавета Михайловна сочеталась с генерал-майором Николаем Федоровичем Хитрово, в 1815 г. назначенным поверенным в делах во Флоренции. В 1819 г. она вторично овдовела. В 1826 г. вместе с дочерью Екатериной она вернулась в Петербург. Летом 1827 г. среди ее знакомых оказался А. С. Пушкин, который часто бывал в доме австрийского посла на Дворцовой набережной (ныне дом № 4), встречаясь и с супругой посла, младшей дочерью Елизаветы Михайловны Долли Фикельмон. Салоны Хитрово-Фикельмон приобрели известность светского, политического и литературного центра столицы. Елизавета Михайловна считалась уже пожилой (ей шел пятый десяток), и она казалась немного смешной в своих претензиях быть наравне с молодежью. О ней ходили эпиграммы. По свидетельству П. П. Вяземского (сына поэта П. А. Вяземского), Елизавета Михайловна питала к А. С. Пушкину «самую нежную страстную дружбу» с оттенком экзальтированности стареющей женщины. А. С. Пушкин посмеивался над ее ежедневными письмами к нему и бросал их в огонь¹⁸⁸.

Фрейлинами назначались уроженки Финляндии, Польши, Прибалтики. В конце апреля 1830 г., одновременно с оповещением о первом визите Николая I в Великое княжество Финляндское, в газетах появилось сообщение, что император 20 апреля даровал двум местным уроженкам звание фрейлин. Это были Эмилия Роткирх, дочь президента финского сейма, и Аврора Карловна Шернваль фон Вален (1808–1902), дочь первого Выборгского губернатора, адресат стихов поэтов пушкинского времени. Она была представлена ко двору в конце июня 1832 г., и ее появление произвело триумф. Она сразу же была приглашена на Петергофский праздник 1 (13) июля. Великая княжна Ольга Николаевна писала о баронессе: «Я привязалась к Авроре Шернваль фон Вален, которая как раз была назначена фрейлиной. Дочь отца-шведа и матери-финляндки из Гельсингфорса, она была необычайной красоты, как физически, так и духовно, что сияло в ее красивых глазах»¹⁸⁹. Великая княжна допустила неточность, так как Шарлотта Шернваль как по отцовской, так и по материнской линии принадлежала к известнейшим представителям шведского дворянства. Ее надежды на брак с Александром Мухановым в 1834 г. рухнули в связи с неожиданной кончиной жениха. Она снова возвращается в Петербург и с февраля 1836 г. приступает к исполнению обязанностей комплектной фрейлины, получив комнату в Зимнем дворце, лакея-ординарца, жалованье и карету с кучером. Ее подругой среди фрейлин стала Мария Сергеевна Муханова, двоюродная сестра Александра. Дочери Николая I (великим княжнам Марии, Ольге, Александре было тогда соответственно 16, 13 и 10 лет), особенно Ольга, привязались к новой фрейлине, но она недолго оставалась при дворце. Весной того же года ей предложил руку и сердце действительный статский советник, егермейстер, уральский и сибирский заводчик, меценат, учредитель престижной в области науки Демидовской премии, брат знаменитого Анатоля, князя Сан-Дonato, Павел Николаевич Демидов (1798–1840).

С большой неохотой, под влиянием императрицы Александры Федоровны она согласилась на брак 5 июня 1836 г. Софья Карамзина писала своему брату Андрею: «Сообщаю тебе о "золотой свадьбе": М-ше Аврора Шернваль выходит замуж за богача Павла Демидова. Какая разница с той скромной судьбой, которая ожидала ее в лице Муханова»¹⁹⁰. Свадьба была отложена из-за болезни жениха и состоялась в Гельсингфорсе 21 ноября 1836 г. Свадебным подарком Павла Демидова был алмаз Санси весом более чем в 53 карата, некогда принадлежавший бургундскому герцогу Карлу Смелому и барону Санси. Аврора сделала

¹⁸⁸ Черейский Л. Л. Пушкин и его современники. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989. С. 476.

¹⁸⁹ Ольга Николаевна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 222.

¹⁹⁰ Цит. по: Шульц С. Аврора. С. 78.

подарок великой княжне Ольге Николаевне, она послала ей «слезу своего сердца», маленькое черное эмалевое сердечко со скромным бриллиантом. Через четыре года Павел Демидов умер, и Аврора вторично, в 1846 г., вышла замуж за сына Н. М. Карамзина Андрея Николаевича Карамзина (1814–1854), убитого позже под Силистрией. Аврора блистала на придворных балах, поговаривали, что ею увлечен царь. Когда Николай I назвал новый спущенный на воду фрегат «Аврора», то заметил при этом, что корабль будет тезкой одной из самых красивых женщин столицы – Авроры Карловны Карамзиной.

Примером «фрейлины-долгожительницы» была княгиня Наталья Петровна Голицына, урожденная графиня Чернышева (1741–1837), явившаяся прототипом графини в «Пиковой даме». Фрейлина «при пяти императорах», она скончалась в один год с А. С. Пушкиным.

Весной 1838 г. фрейлиной была назначена Варвара Аркадьевна Нелидова (умерла 1897), упоминавшаяся племянница Е. И. Нелидовой, ставшая фавориткой Николая I. Она была дочерью А. И. Нелидова, действительного тайного советника, санкт-петербургского предводителя дворянства. Это о Нелидовой – «Аркадьевне», как называл ее Николай I, – писала А. Ф. Тютчева: «Другим влиятельным лицом при дворе была М-лле Нелидова, которая к моему поступлению во дворец уже пятнадцать лет как состояла фрейлиной. Ее красота, несколько зрелая, тем не менее еще была в полном своем расцвете... Известно, какое положение приписывала ей общественная молва, чему, однако, казалось, противоречила ее манера держать себя, скромная и почти суровая по сравнению с другими придворными. Она тщательно скрывала милость, которую обыкновенно выставляют напоказ женщины, пользующиеся положением, подобным ему. Причиной ее падения не было ни тщеславие, ни корыстолюбие, ни честолюбие, она была увлечена чувством искренним, хотя и греховным, и никто даже из тех, кто осуждал ее, не мог отказать ей в уважении, когда на другой день после смерти императора она отослала в инвалидный капитал¹⁹¹ те 200 000 р.¹⁹², которые он ей оставил по завещанию, и окончательно удалилась от света, так что ее можно было встретить только во дворцовой церкви, где она ежедневно бывала у обедни...»¹⁹³

Так как не все фрейлины были эффектны и красивы, далеко не у всех сложилась личная жизнь. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала о фрейлинах, окружавших ее в детстве: «Между ними была маленькая, пожилая мадемуазель Плюскова, отпугивавшая нас своими ледяными руками, тем более что, захватив руку в свою, она долго ее не отпускала. Она была крайне бдительна, часто наблюдала за нами в дверную щель... Она была равнодушна к баталисту Ладюрнеру (Ladurner; Ладурнер Адольф Игнатович. – А. В.) и часто навещала его в ателье в Эрмитаже. Как только о ней докладывали, чтобы ее спугнуть, он начинал бить в барабан...»¹⁹⁴ Речь идет о фрейлине императрицы Елизаветы Алексеевны Наталье Яковлевне Плюсковой (ок. 1780–1845), выпускнице Смольного института 1797 г., знакомой Карамзиных, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского и А. И. Тургенева. Позднее она стала женой учителя, преподававшего Елизавете Алексеевне английский язык.

Постепенно сложившаяся традиция пополнять фрейлинский состав из относительно не очень красивых девушек была не случайна. Императрицы и великие княгини неоднократно убеждались, насколько опасно близкое соседство красивых женщин с их сыновьями или мужьями. Известно, как тяжело воспринял великий князь Александр Николаевич в 1838 г. вынужденный разрыв с фрейлиной великой княгини Марии Николаевны Ольгой Оси-

¹⁹¹ Инвалидный капитал, основанный по частной инициативе в 1813 г., служил для выдачи пенсий и вспомоществований раненым военным служащим, вдовам и детям убитых воинов.

¹⁹² Тютчева Л. Ф. Воспоминания. При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 28.

¹⁹³ Там же. С. 28. См. о ней: ВИ. 1968. № 1. С. 313–216.

¹⁹⁴ Ольга Николаевна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 196.

повной (Иосифовной) Калиновской¹⁹⁵. Ее поспешили удалить от двора и выдать за генерала Николая Федоровича Плаутина (во втором браке она была замужем за польским магнатом графом Иринеем Огинским). Прожив долгую жизнь, она скончалась в 1899 г.

Со знанием дела рассуждает об этом хорошо знавшая двор изнутри А. Ф. Тютчева: «Я надеялась, что ко двору будет назначена одна из моих сестер. Дарии, старшей, было семнадцать лет, Кити, младшей, шестнадцать, они обе были очень милостивы, на виду в Смольном и жаждали попасть ко двору и в свет, между тем как мне то и другое внушало инстинктивный ужас. Но выбор цесаревны остановился на мне, потому что ей сказали, что мне двадцать три года, что я некрасива и что я воспитывалась за границей. Великая княгиня больше не хотела иметь около себя молодых девушек, получивших воспитание в петербургских учебных заведениях, так как благодаря одной из таких неудачных воспитанниц она только что пережила испытание, причинившее ей большое горе»¹⁹⁶.

Это была история с ее братом. Принц Александр Гессенский, старше ее всего на один год, сопровождавший свою сестру в Россию, остался в России. Благоклонное отношение к нему императора Николая I, казалось, «предвещало молодому человеку легкую карьеру и блестящее будущее»¹⁹⁷. Но у принца случился роман с дочерью гофмейстера Андрея Петровича Шувалова¹⁹⁸. Император Николай запретил и думать об этом браке, что привело принца в состояние глубокой меланхолии. Рядом оказалась фрейлина Юлия Гауке, воспитанница Екатерининского института, дочь генерала от артиллерии М. О. Гауке, убитого восставшими поляками в Варшаве в ноябре 1830 г., получившая воспитание под покровительством императорской семьи. Она не была красивой, но, как замечает А. Ф. Тютчева, «нравилась, благодаря присущему полякам изяществу и пикантности»: «М-лле Гауке решила тогда утешить и развлечь влюбленного принца и исполнила это с таким успехом, что ей пришлось броситься к ногам цесаревны и объявить ей о необходимости покинуть свое место. Принц Александр, как человек чести, объявил, что женится на ней, но император Николай, не допуская шуток, когда дело шло о добрых нравах императорской фамилии и императорского двора, пришел в величайший гнев и объявил, что виновники должны немедленно выехать из пределов России с воспрещением когда-либо вернуться; он даже отнял у принца жалованье в 12 000 р., а у М-лле Гауке пенсию в 2500 руб., которую она получала за службу отца. То был тяжелый удар для цесаревны: ее разлучали с нежно любимым братом, терявшим всякую надежду на какую-либо карьеру и вместе с тем все свои средства к существованию благодаря игре кокетки, увлекшей этого молодого человека без настоящей страсти ни с той, ни с другой стороны... И другие фрейлины императрицы, вышедшие из петербургских учебных заведений, давали повод для сплетни скандального характера. Некая Юлия Бодэ была удалена от двора за ее любовные интриги с красивым итальянским певцом Марио (Марио Джузеппе; Сальви; граф Кандия, выступавший в Итальянской опере в Петербурге. – А. В.) и за другие истории»¹⁹⁹.

¹⁹⁵ *Ольга Николаевна*. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 250.

¹⁹⁶ *Тютчева Л. Ф.* Воспоминания. С. 9.

¹⁹⁷ Там же. С. 9.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ *Тютчева Л. Ф.* Воспоминания. С. 10.

«Наряды, наряды и еще раз наряды»: дамская мода

Важную роль при дворе играл костюм – «элемент этикетной атрибутики, символ причастности к особой социальной общности»²⁰⁰.

Следование, с одной стороны, придворной регламентации костюма, а с другой – моде, подчас приобретало характер гротеска. Фрейлина А. Ф. Тютчева, описывая празднества в Петергофе, иронично заметила в своем дневнике 12 июля 1853 г.: «Я поистине удивляюсь, что были люди, которые писали воспоминания о дворе... Наряды, наряды и еще раз наряды»²⁰¹.

Через две с небольшим недели (праздник водоосвящения) она снова печально размышляет: «По этому случаю, как по всем вообще выдающимся и парадным случаям, мы выставим напоказ наши плечи, более или менее желтые и более или менее худые. Нет ничего безобразней и печальней женщины в бальном платье при дневном свете: это истина, вышедшая со дна колодца. И нас смеют обвинять в кокетстве, когда мы так откровенно обнаруживаем на виду у всех свои несовершенства. Ну, не права ли я, когда говорю, что все мои придворные впечатления сводятся к слову – туалет? И действительно, как только я попадаю в это море движущихся лиц, цветов, драгоценных камней, газа, кисеи и кружев, я сама превращаюсь в тряпку, становлюсь куклой, наряженной в платье и прическу. Мною овладевает чувство совершеннейшей пустоты. По возвращению мне кажется, что я проснулась после случайного сна»²⁰².

Иногда «мода» декларировалась сверху.

Уже первые указы императора Павла I касались регламентации не только военного, но и гражданского костюма. Соответственно и многие мемуаристы пишут о перемене облика дворянского общества и служилого чиновничества.

Граф Ф. Г. Головкин вспоминает, что дворянам было запрещено выходить во фраке, носить круглые шляпы, длинные брюки (панталоны) вместо кюлотов (поколенных штанов), а также сапоги с отворотами²⁰³. Княгиня Ливен отмечала, что людей, которые попадались ему на улице в жилетах, Павел I посылал на гауптвахту: «Император утверждал, будто жилеты почему-то вызвали всю французскую революцию»²⁰⁴.

Бабушке Д. Д. Благово, Е. П. Яньковой, хорошо запомнилась перемена моды: «При императоре Павле никто не смел и подумать о том, чтобы без пудры носить волосы или надеть то уродливое платье, которое тогда уже начинали носить во Франции. Сказывали, что кто-то попался ему в Петербурге в новомодном платье. Государь ехал, приказал остановиться и подозвал модника. У того от страха и ноги не идут, верно, почуял, в чем дело. Государь приказал ему повернуться, осмотрел его со всех сторон, и так как был в веселом расположении духа, то расхохотался и сказал своему адъютанту: "Посмотри, какое чучело!" Потом спросил франта: "Что ты – русский?" – "Точно так, ваше величество", – отвечал тот, ни жив ни мертв. – "Русский и носишь такую дрянь: да знаешь ли, что на тебе? Республиканское платье! Пошел домой, и чтоб этого платья и следов не было, слышишь... А то я тебя в казенное платье одену – понял?"»²⁰⁵ В другой раз в аналогичном случае Павел I приказал

²⁰⁰ Несмеянова И. И. Быт императорского двора первой половины XIX в. С. 19.

²⁰¹ Тютчева Л. Ф. Дневники. С. 48.

²⁰² Тютчева Л. Ф. Дневники. С. 49.

²⁰³ Головкин Ф. Г. Двор и царствование Павла I. С. 140.

²⁰⁴ Из записок княгини Ливен // Царевубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. М., 1996. С. 159.

²⁰⁵ Благово Д. Д. Рассказы бабушки... М., 1989. С. 166.

посадить модника на гауптвахту²⁰⁶. Здесь же следует еще одно уточнение: «При Павле все ухо остро держали. Пудру перестали носить после коронации Александра, когда отменили пудру для солдат»²⁰⁷.

Женская мода также была вынуждена вернуться ко временам, предшествующим Французской революции. Граф Ф. Г. Головкин в своих воспоминаниях отмечает, что «для дам во все коронационные торжества были восстановлены фижмы и все сидения убраны из кремлевских покоев»²⁰⁸. Сидеть в присутствии императора было нельзя, да и пышные фижмы (фишбейны, или кринолины) не позволили бы расставлять много стульев. Французские нововведения в дамской моде были изгнаны, вплоть до сочетания в костюме цветов французского республиканского флага. Например, 28 ноября 1799 г. были запрещены «синие женские сюртуки с красным воротником и белой юбкой». В том же году, 6 мая, было запрещено дамам носить через плечо разных цветов ленты наподобие кавалерских.

Различные регламентации касались и мужского костюма. 4 сентября 1799 г. последовало запрещение немецких кафтанов и «сюртуков с разноцветными воротниками и обшлагами; но чтоб они были одного цвета». Не была забыта и прическа. 2 апреля было запрещено иметь тупей (чуб. – А. В.), на лоб опущенный. 17 июня 1800 г. велено носить широкие большие букли, а 12 августа – «чтобы никто не имел банкенбард (бакенбард. – А. В.)».

Воцарение двадцатитрехлетнего Александра I, так же как и начало царствования его отца, отразилось прежде всего в семантике костюма. Мало кто понимал тогда, что на российский престол взошел далеко не ординарный человек, весьма осторожный и часто непредсказуемый в своих решениях. Позднее шведский посол в Париже Лагербиелне так характеризует Александра I: «Он тонок в политике, как кончик булавки, остер как бритва, и фальшив, как пена морская»²⁰⁹. Еще ничего не было решено, но внешне бросались в глаза вновь появившиеся атрибуты запрещенной при Павле I моды. Щеголи снова причесывались «а la Titus (прическа Тита Флавия Веспасиана: завитые и начесанные на лоб волосы), на улицах мелькают круглые шляпы и длинные со штрипками под обувь для лучшего натяжения брюки-панталоны. Писатель Анри Труайя писал: «Все единодушно восхищаются высокой статной фигурой Александра, тонкими чертами его лица, мечтательными и мягкими голубыми глазами, вьющимися светлыми волосами, ямочками на подбородке и чарующей улыбкой, унаследованной от Екатерины... Он сам любит себя, любит красивые жесты и театральные речи, которые так воздействуют на публику...»²¹⁰ Великий князь Николай Павлович остался верен памяти отца. Позднее ему было разрешено носить мальтийский крестик в петлице, награду, запрещенную при Александре I. Отечественная война 1812 г. только кратковременно приостановила галломанию дворянского общества. Напрасно Ф. В. Ростопчин и почти вся отечественная периодика высмеивали подражание французам. Это было общее поветрие, тем более что большое значение в жизни тогдашнего дворянского общества играла ее величество мода. Люди в основном состоятельные (как будущие декабристы) пытались уследить за быстро меняющейся модой. По портретам и модным картинкам в журналах мы можем представить, как выглядели франты того времени (когда носили не мундир, а партикулярный костюм) и их близкие.

Дамскую моду уже более полутора столетий диктовала Франция, мужскую – с конца XVIII в. – Англия. Недаром в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина литературный герой «как денди лондонский одет». Однобортный сюртук у мужчин с полочками, скошенными назад

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Головкин Ф. Г. Двор в царствование Павла I. С. 157.

²⁰⁹ Цит. по: Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Ч. 1. 1812–1825. Л., 1978. С. 133.

²¹⁰ Труайя Л. Александр I. С. 67.

от уровня талии до закругленных углов пол, достигавших бедра, в 1825 г. стал называться редингот²¹¹. Наполеоновские войны оказали влияние на общий стиль. С 1800 по 1820 г. модники носили высокие сапоги. Некоторые фасоны были взяты из военной униформы и названы именами полководцев и генералов. Были популярны сапоги «Веллингтон» (высокие сапоги без отворота, впоследствии так стали называться резиновые сапоги), полусапожки «Блюхеры» и «Альберт». Ботфорты и гусарские сапоги достигали середины голени сзади, поднимаясь мысом спереди почти до колена; они были на низких каблуках и шились из черной кожи. Гусарские сапоги были с отвернутыми голенищами²¹². В свою очередь «казацкая мода» и подражание казакам также были модным поветрием в посленаполеоновской Европе. В России это проявлялось меньше. Так же, как и в Европе, появились, однако, «казаки» – широкие штаны, присборенные на талии и стянутые шнурками вокруг лодыжек.

Е. Ботман. Портрет императора Николая I. 1849 г.

С 1816 г. фрак (это название было дано ранее сюртуку с фалдами и отгибающимся воротником) стал официальным костюмом. В 1820–1840 гг. мужские сюртуки кроились с

²¹¹ Нанн Д. История костюма. 1200–2000. – М., 2003. С. 132.

²¹² Там же. С. 136.

приспущенными плечами, узкой талией, над которой выпячивалась подбитая грудь, а фалды или полы изгибались вверх округленных бедер, – удивительно наблюдать столь женственный силуэт в эпоху активного прогресса. Сюртук и жилет редко были одного цвета: жилет часто носили светлее, вечером, как правило, белый. Постепенно для жилетов стали использоваться более яркие цвета и узоры.

К 1816 г. свободные штаны ниже колен – бриджи – надевали только с вечерней одеждой, для верховой езды или при дворе, где они были обязательными. Вместо них с 1795 по 1850 г. носили тесно прилегающие панталоны, сначала они заканчивались ниже голени, а позже – у лодыжки, обычно имели разрез с одной стороны. Для дневного туалета с 1807 г. в моде были брюки, имевшие небольшой откидной клапан-застежку. Трудно найти различие между панталонами и брюками, эти термины были взаимозаменяемыми. Естественный «неоклассический» стиль мужских причесок продержался четверть века, приблизительно с 1800 г. и до 1825 г., когда небольшие баки стали длиннее. К 1825 г. некоторые мужчины стали отпускать небольшие усы.

Набор тканей и цветов для мужской одежды был довольно ограниченным – атлас и бархат для сюртука, жилета и бриджей были оставлены для придворной или церемониальной одежды, а повсеместно популярным и модным стало сукно. Иногда сюртуки и пальто имели бархатные воротники. Для пошива сюртуков и брюк использовалась нанка – желтовато-коричневая хлопчатобумажная ткань, первоначально импортировавшаяся из Нанкина в Китае. Из материй с 1820-х гг. были популярны полосатый шелк и хлопчатобумажные ткани, шерстяная шотландка.

Конечно же, более разнообразной была дамская мода. На рубеже XVIII–XIX вв. она прошла увлечение «греческой модой». Стали популярны «греческие вечера», и свободного покроя платья пришли на смену кринолинам. Как сообщает книга по истории моды, написанная Джоан Нанн, «мягкие муслиновые платья сделали излишними любые предметы нижнего белья, которые могли бы испортить естественную линию». Дошло до того, что некоторые смелые девушки отказались от корсетов, надевая простое розовое трико, как самые продвинутые женщины в Париже. Модницы стали отказываться от лиффов с китовым усом и кринолинов... Эта перемена дамской моды на грани веков отразилась на женских портретах французской портретистки Виже-Лебрен. В то же время произведения самой Виже-Лебрен заметно повлияли на туалеты русских дам, по примеру парижанок стремившихся предстать в образе Дианы, Флоры или Венеры. Как отмечает Юлия Демиденко, «даже ношение дамских панталон в ту эпоху пытались обосновать ссылкой на "древних"»²¹³.

Затем с 1804 г. (провозглашение Наполеона императором) наступила кратковременная эпоха римской (ампир) моды, когда, по выражению одного современника, русские матроны превратились в римских матрон, а линия талии оказалась под грудью. «Приблизительно с 1806 г., – пишет Джоан Нанн, – женщины носили в качестве нижнего белья сорочки и кальсоны, покрой которых напоминал мужские нижние панталоны, но штанины не соединялись в промежности» (каждая штанина пришивалась к поясу; центральный шов не прострачивался). С 1812 по 1840 г. носили длинные прямые кальсоны, названные панталонами, которые опускались ниже голени и отделялись защипами, английским шитьем или кружевом и были видны из укоротившихся юбок 1820-гг. Панталоны обычно шили из хлопчатобумажной ткани, батиста или тонкой шерсти. Они вышли из моды к 1840 г., но дети носили их вплоть до 1850-х гг., причем было принято, чтобы у девочек до 11 лет они были видны из-под короткой юбки и доходили до ступни, закрывая для приличия ноги.

В первом десятилетии XIX в. изысканная простота уходит в прошлое. В конце 10-х – начале 20-х гг. тонкие полупрозрачные ткани (хлопчатобумажные, льняные) светлых тонов

²¹³ Демиденко Ю. Интерьер в России: Традиции. Мода. Стиль. СПб., Б. д. С. 91.

уступают место тяжелым, плотным шелкам, бархату и шерстяным материям. Цвет становится более насыщенным с преобладанием синего, фиолетового, зеленого, темно-красного и желтого. Юбка приобретает силуэт колокольчика, в связи с чем ее носят для придания формы на жесткой накрахмаленной нижней юбке. Шлейф сохраняется только в парадном придворном туалете, его шьют из плотного шелка или бархата, украшая вышивками золотой или серебряной нитью (узор из пальмет, меандра). Костюмы для верховой езды, базирующиеся на мужских сюртуках, постепенно снабжались все более объемными юбками.

Большое значение в начале XIX в. играют аксессуары, в частности перчатки. Как отмечает О. Ю. Захарова, «женщины на балах и приемах надевали белые шелковые или лайковые перчатки, мужчины – если они в форме – замшевые, в штатском – лайковые»²¹⁴. Официанты носили нитяные перчатки.

Рассмотрим описания костюмов великой княгини Александры Федоровны и вдовствующей императрицы Марии Федоровны конца 1810-х гг. Будущая императрица Александра Федоровна, прибыв в Россию для вступления в брак с великим князем Николаем Павловичем, вспоминала о своем первом появлении на обеде 18 июня 1817 г. в Коскове: «Так как фургоны с моей кладью еще не прибыли, то мне пришлось явиться на большой обед в зарытом платье, весьма, впрочем, изящном, из белого гроденапля, отделанном блондами, и в хорошенькой маленькой шляпке из белого крепа с султаном из перьев марабу. То была самая новейшая парижская мода»²¹⁵.

А вот как описывает в то время вдовствующую императрицу Марию Федоровну камер-паж великой княгини Александры Федоровны П. М. Дараган: «В мое время императрица Мария Федоровна сохраняла еще следы прежней красоты. Тонкие, нежные черты лица, правильный нос и приветливая улыбка заявляли в ней мать Александра. Она была, так же как и он, немного близорука, хотя редко употребляла лорнетку (очки). Довольно полная, она любила и привыкла крепко шнуроваться, отчего движения и походка ее были не совсем развязны. Ток со страусовым пером на голове, короткое декольте с высокой короткой талией и с буфчатыми рукавчиками, на голой шее ожерелье, у левого плеча на черном банте белый мальтийский крестик, белые длинные лайковые перчатки, выше локтя, и башмаки с высокими каблуками, составляли ежедневное одяние императрицы, исключая торжественные случаи»²¹⁶. Характерно и упоминание о мальтийском крестике как память о Павле I. Ей, как и великому князю Николаю Павловичу, в виде исключения было разрешено носить отмененный знак Мальтийского ордена.

Поясним некоторые термины.

Гроденабль — это плотная гладкокрашеная шелковая ткань, названная по первоначальному месту производства – г. Неаполю; ее делали в несколько толстых нитей, чем и достигалась плотность. Из этой ткани делали оборки на платье, дамские шляпки, мужские цилиндры, шили мужскую и женскую одежду, а позднее (в 60-е гг. XIX в.) и платье для визитов.

Марабу (франц. marabout) – род птиц семейства аистов из Африки и Юго-Восточной Азии с белыми перьями.

Ток (франц. toque – шапочка) – головной убор замужней женщины (или в данном случае – вдовы), появившийся в конце XVIII – начале XIX в. в виде маленькой шапочки (шляпки) без полей из бархата, шелка, атласа. Их украшали живыми и искусственными цветами и перьями и аграфами с драгоценными камнями. Тогда об украшении шляп говорили

²¹⁴ Захарова О. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М., 2003. С. 271.

²¹⁵ Александра Федоровна. Из альбомов императрицы Александры Федоровны. С. 141–142.

²¹⁶ Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817–1819 // РС. 1875. Т. 12. № 4. С. 785.

– «гарнировать» Фрейлина А. С. Шереметева отметила, описывая бал в 1820-х гг.: «Эффект модных дам – это бриллиантовые аграфы, или изумрудные, или из других камней».

Аграф (от *франц.* agrafe – крючок, застежка) – застежка в виде броши для причесок и платьев; с его помощью крепили в прическах перья, цветы, искусственные локоны, ленты к корсажу, скрепляли края накидки. Во время траура траурные перья крепили к шляпам с помощью аграфа из черного стекларуса.

Различались разные типы токов: русские (из булавчатого бархата), турецкие (с двумя полумесяцами из галунов), испанские (сверху золотая испанская сеточка), индийские (из гроденапля) и др.

Буфчатые рукавчики – точнее, буф (*франц.* bouffe – производное от bouffer – надувать, топорщиться) – пышный рукав со сборками в верхней части рукава. Для придания формы рукавам делались различные каркасы из бамбука, тростника или китового уса. В то время обязательная деталь как женского, так и мужского костюма. Модный рукав predetermined и покроем верхней одежды. В обиход вошли накидки, салоны, плащи без рукавов (рукава буфов мешали). К 40-м гг. буфы спустились ниже локтя, а в 50-е гг. исчезли из употребления (вновь вернувшись в последнее десятилетие XIX в.).

Постепенно меняется и прическа: к 1815 г. повсеместно был принят прямой прибор (остававшийся в моде до 1860-х). На затылке волосы стягивались в узел очень высоко. К 1820-м гг. использовались чепцы из тюля, муслина и кружева для утра. Полосатый шелк и хлопчатобумажные ткани, а также шерстяная шотландка были очень популярны с 1820-х гг. Более разнообразными становятся головные уборы. К вечерним туалетам теперь полагались также тюрбаны типа мамелюк из белого атласа (1804) или мадрас (1819), сделанный из голубых и оранжевых индийских платков. Тюрбаны были в моде и позднее. Так, фрейлина, позднее камер-фрейлина (с 1852 г. – статс-дама) Е. Ф. Тизенгаузен любила носить модный тогда тюрбан.

Наступала эпоха романтизма. К 1820 г. она проявилась и в женском костюме. Но в это время снова началась эпоха корсетов. «Французское слово "корсет" стало употребляться в Англии и Америке в конце XVIII в. как изысканная замена слова "шнуровка", но многие годы эти два термина использовались параллельно. После 1820 г. корсеты или шнуровки стали важной деталью туалета XIX в., несмотря на протесты модных журналов. Новые корсеты, сшитые обычно из хлопчатобумажной ткани саржевого переплетения, подчеркивали округлые плавные линии бюста и бедер и узкую талию при помощи тщательно подобранных клиньев...»²¹⁷ «В 1820-х гг., – продолжает Джоан Нанн, – линия талии устойчиво понижалась, достигнув около 1825 г. более естественного положения. Талию туго стягивали корсетом, часто подчеркивали широким поясом и пряжкой или бантом». Придворное платье из голубого муара из фондов Эрмитажа дает представление о дамской моде того времени²¹⁸.

Модные чулки из шелка, некоторые с хлопчатобумажным верхом, и каждодневные чулки из хлопка и шерсти были обычно белыми (бледно-розовые чулки появились только в 1830-х гг.). В первой половине XIX в. они продолжали носиться на подвязках в виде простых лент, а затем – эластичных резиновых, которые маскировались лентами и бантиками.

Появляются неизвестные ранее виды дамского костюма: спенсер – короткий жакет, достигавший модного уровня талии, обычно контрастный по цвету к платью. Он возродился вновь как верхняя одежда для улицы в 1839–1840 гг. Как дневное платье носится платье ротонда-роба (1817–1850), завязывающееся спереди ленточными бантами или застегивающееся скрытыми крючками и петлями (после 1848 г. называлось рединготом; до этого так называлось пальто). Длинные меховые боа, узкие шарфы и широкие шали были в моде с

²¹⁷ Нанн Д. История костюма. 1200–2000. С. 149.

²¹⁸ Демиденко Ю. Интерьер в России.

1800 по 1830 г. В 1820 г. на фабрике в Пейсли (Шотландия), как и в других европейских странах, начали производить тонкие шерстяные шали с вытканым рисунком в восточном стиле.

Издававшаяся с начала 1825 г. первая частная газета в России «Северная пчела» почти в каждом номере сообщала о переменах в парижской моде и о том, что видно в Санкт-Петербурге. Так, «Северная пчела» за 1 октября 1825 г. (№ 118) сообщала: «На блестящем бенефисе г-жи Дюровой и Азаревичевой младшей, 28 сентября, несколько дам было в гроденалевых шляпках с множеством перьев марабу, закрывающихся тульею. Цвет шляпок голубой и белый: перья вообще белые. В первом и втором ярусе мы заметили много блондовых чепцов большого объема с цветами и с висячими концами, но больше всего было видно простоволосых уборов. На прогулках и в экипажах видно много плащей из драдедам, с кистями и зубчатыми воротниками, и плащей зеленых, оливковых, коричневых». Новая мода коснулась и бальных туфель. Они теперь были на плоской подошве или на очень низком каблуке. Как пишет исследовательница Джоан Нанн, «их шили из шелка, сукна или лайки на день, из шелка или атласа для вечеров»²¹⁹.

Поясним еще несколько забытых терминов.

Блонды — кружева, изготовлявшиеся из шелка-сырца, который имел золотистый цвет. Отсюда и название кружев — от *франц.* blonde. Основными центрами производства блондовых изделий были французские города Канн, Байе, Пюи. Этот сорт кружев получил широкое распространение уже в XVIII в. Блонды, особенно популярные в первой половине XIX в., считались предметом роскоши.

Чепец — женский или детский головной убор, который к 1820-м гг. делался из тюля или муслина с кружевами. В первой половине XIX в. чепец не только указывал на семейное положение женщины (замужем), но и соотносился со временем дня. Обычно молодые женщины носили чепец с утра и до выезда в театр, на бал или прием. Для выходов существовали другие виды головных уборов, приличествующие замужней даме. Лишь очень пожилые женщины появлялись на балах в чепцах, но более нарядных и дорогих, чем в домашней обстановке. Чепцы отделялись лентами, кружевами, цветами. Обычно ткань чепца была белого цвета, а отделка — любых модных оттенков, как правило, в тон платья или капота. Для простолюдинок чепец, как и шляпа, означал более высокое социальное положение. Существовали также ночной и утренний чепцы, чтобы не помять и не спутать волосы, которые использовались в сочетании с пеньюаром. Только с 1860-х гг. в дамских журналах появляются советы спать с непокрытой головой.

Драдедам — один из самых дешевых видов сукна; представлял собой шерстяную ткань полотняного переплетения с ворсом и использовался в середине XIX в. среди городской бедноты.

Так одевались в высшем и дворянском обществе. Примерно так же одевались будущие декабристы и декабристки.

Законодателем мужской моды в первой четверти XIX в. был Александр I. Вот что пишет камер-паж Александры Федоровны П. М. Дараган, вспоминая 1817 г.: «В то время император Александр Павлович был но в апогее своей славы, величия и красоты. Он был идеалом совершенства. Все им гордились, и всё в нем нравилось; даже некоторая изысканность его движений; сутуловатость и дергание плеч вперед, мерный твердый шаг, картинное отставление правой ноги, держание шляпы (треуголки не столько носили, сколько держали в руке. — *А. В.*) так, что всегда между двумя развернутыми пальцами приходилась пуговица от галуна кокарды, приветливая манера подносить к глазу лорнетку; все это шло к нему, всем этим любовались. Не только гвардейские генералы и офицеры старались перенять что-либо из манер императора, но даже великие князья Константин и Михаил поддавались общей

²¹⁹ Нанн Д. История костюма. 1200–2000. С. 153.

моды и подражали Александру в походке и манерах. Подражание это у Михаила Павловича выходило немного утрировано, карикатурно. По врожденной самостоятельности характера не увлекался этой модой только один князь Николай Павлович²²⁰. Итак, младшие братья – Николай открыто, Михаил на уровне шаржа – отстаивали собственную манеру поведения, что бросалось в глаза внимательным наблюдателям.

Императора Николая I, по аналогии с известным героем рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре», можно было назвать «человеком в мундире». Привычно его обвиняли в мундиромании, в том, что он «старался всю Россию всунуть в мундир»²²¹. Доля истины в этих высказываниях, несомненно, присутствует. Человек в мундире, будь то военнослужащий, чиновник, хотя бы дворянин в губернском дворянском мундире, воспринимался Николаем Павловичем как служивый человек России, а честь мундира была для него не пустым звуком.

Исключительными можно назвать случаи, когда, преодолевая себя, Николай Павлович все же был вынужден появляться в гражданском платье. Так было в 1828 г., когда во время Русско-турецкой войны при переходе из Варны в Одессу морская буря чуть не прибила корабль к турецкому берегу. По свидетельству Дениса Давыдова, «государь, не желая быть узанным, переделся в партикулярное платье»²²². Во время посещения Вены в 1835 г., соблюдая инкогнито, Николай Павлович был в простом сюртуке²²³. Впрочем, А. Х. Бенкендорф, описывая этот же случай, упоминает о фраке²²⁴. Этот редкий случай партикулярной одежды государя запечатлелся в памяти современников и много позже послужил для А. Н. Бенуа сюжетом рисунка «Император Николай I выезжает в фиакре из посольства в Вене в 1835 г.»²²⁵.

Во время посещения инкогнито Дрезденской галереи в 1845 г., по свидетельству случайно оказавшегося рядом профессора Геннеля, император выглядел следующим образом: «Одет был господин с изысканной элегантностью, но без малейшего намека на франтовство. На нем был синий, открытый спереди короткий сюртук, темно-коричневый шелковый жилет с вышитыми на нем цветочками и серые брюки; на голове имел он цилиндр, что увеличивало высокий его рост. В правой руке держал незнакомец тоненькую тросточку с серебряным набалдашником, а левая, одетая в перчатку, сжимала снятую с правой руки»²²⁶.

Известно также, что во время пребывания императора в Риме в декабре 1845 г., по рассказам графа Ф. П. Толстого, на нем был «партикулярный сюртук», а на улице он накинул «сероватый плащ»²²⁷. Все перечисленные случаи относятся к пребыванию императора за границей. Но даже тогда, когда этого требовал этикет, Николай Павлович по возможности старался избегать неприятного для него переодевания. Во время официального визита в Англию в 1844 г. Николай I попросил разрешения присутствовать на обеде не во фраке, а в мундире, с которым «он до того сроднился, что расставаться с ним ему так же неприятно, как если б с него содрали кожу»²²⁸.

²²⁰ Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817–1819. С. 793.

²²¹ Аюбош С. [Б.] Последние Романовы: Александр I. Николай I. Александр II. Александр III. Николай II (репринтное воспроизведение изд. 1924 г.). М., 1990. С. 80.

²²² Давыдов Д. В. Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче // Давыдов Д. Сочинения. М., 1962. С. 510.

²²³ Император Николай I в Вене в 1835 году (Переведено с неизданной французской рукописи) // РА. 1882. Кн. 1. № 1. С. 198.

²²⁴ Из записок графа А. Х. Бенкендорфа // ИВ. 1903. Т. 91. № 1. С. 57.

²²⁵ Иллюстрацию см.: Зайончковский Л. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908. С. 151.

²²⁶ Цит. по: Тальберг Н. // Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков: В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 368.

²²⁷ Пассек Т. П. Из дальних лет: Воспоминания. Т. II. М., 1963. С. 402, 407.

²²⁸ Цит. по: Татищев С. С. Император Николай I и иностранные дворы: Исторические очерки. СПб., 1889. С. 21.

Об отношении Николая I к партикулярной одежде свидетельствует случай, рассказанный И. С. Тургеневым во время посещения им в Лондоне А. И. Герцена и его окружения. Присутствовавшая при этом разговоре Н. А. Тучкова-Огарева вспоминала: «Всем известно, что Николай Павлович предпочитал штатской службе военную службу; особенно терпеть не мог, чтоб оставляли военную службу для штатской. Как-то случилось, что граф Т... оставил службу и взял отставку. Кажется, год спустя, находясь в Петербурге, Т... был приглашен к коротким знакомым на раут, куда и отправился в простом пиджаке. На его беду совершенно неожиданно явился туда и Николай Павлович. Он прохаживался по залам; его высокий рост позволял ему различить всех и в густой толпе. Заметив Т..., который тоже был высокого роста, Николай Павлович направился в его сторону... и стал всматриваться в его костюм. "Vous – Ah! Mon sher T. (Ах, мой дорогой Т. – А. В.). Как Вы разоделись! Как это называется?" – "Peatjack, votre majeste (Пиджак, Ваше Величество. – А. В.)". – "Как?" – переспросил Николай Павлович. "Peatjack, votre majeste", – повторил Т... с сильным сердцебиением. – "Недурно, но какая разница с военным мундиром"»²²⁹. Еще несколько раз Николай Павлович переспрашивал графа название пиджака, делая вид, что забывает его, пока граф не спрятался за колонну, а затем и вовсе не ретировался с раута.

Привычка к мундиру вошла в плоть и кровь будущего императора с детских лет. Примером служили и отец, и старшие братья. Никакие старания Марии Федоровны оградить Никошу и Мишеля от чрезмерного увлечения военным делом со всеми его эффектными аксессуарами не помогли. Все мужчины дома Романовых во все времена хотели быть военными. В парадном измайловском мундире (он был шефом и командиром Измайловского полка) встретил Николай Павлович и день 14 декабря 1825 г.²³⁰ Впоследствии он носил старые измайловские мундиры без эполет в качестве домашнего костюма. В таких мундирах принимал он близких и даже просто знакомых по службе людей²³¹. А когда в 1834 г. для Александры Федоровны в тайне от нее была построена в качестве подарка-сюрприза Никольская изба, то хозяйку домика встретил на пороге сторож-инвалид в форме Измайловского полка.

Солдаты и матросы хорошо понимали смысл военного мундира и то символическое, что за ним скрывалось. Вот реакция бывшего офицера-преображенца, оказавшегося свидетелем первого появления Николая Павловича 15 декабря 1825 г. перед толпой генералов, флигель-адъютантов и других офицеров: «И вскоре я увидел вышедшего молодого императора в родном мне Преображенском мундире, которого до сего дня никогда на нем не видал (потому что он до сего дня носил всегда измайловский мундир, как шеф этого полка)»²³². Тем самым он выразил признательность к лейб-гвардии Преображенскому полку, батальон которого первым поддержал его 14 декабря.

Вообще Николай Павлович часто использовал театральные и в то же время символические эффекты. На торжество в связи со 100-летием Академии наук он прибыл, как сообщала «Северная пчела» 1 января 1827 г., «в мундире Преображенском, мундире полка Петра Великого»²³³. Одной из мемориальных акций Николая I сразу после вступления на престол была передача 19 января 1826 г. мундиров покойного Александра I по соответствующим

²²⁹ Тучкова-Огарева Н. Л. Воспоминания. С. 475.

²³⁰ Корф М. Л. Восшествие на престол императора Николая I-го // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 267.

²³¹ Смирнова-Россет Л. О. Автобиографические записки. Вариант 3. Фрагменты // Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 146; Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангеблова. М., 1888. С. 69; Глинка М. И. Записки. М., 1988. С. 173.

²³² Деменков П. Четырнадцатого декабря 1825 года на петербургских площадях: Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской. // РА. 1877. Кн. 3. № 9. С. 266.

²³³ Цит. по: Костина Н. Г. Освещение Петра I в русской периодической печати в первые годы после 14 декабря 1825 года // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Серия историко-филологическая. № 78: Из истории общественного движения и общественной мысли в России в XIX веке. Горький, 1966. С. 554.

воинским частям²³⁴. Даже колкому на язык цесаревичу Константину Павловичу этот жест пришелся по душе. В письме к Ф. П. Опочинину от 29 января 1826 г. он благодарил корреспондента за описание «священной и трогательной церемонии принесения в назначенные места мундиров»: «Я очень доволен, что крючок от мундира покойного государя императора зацепил его императорское величество. Это хороший знак и означает, что мундир, который имел счастье быть покойника государя, как бы чувствует, что царское к царскому прицепляется, и как бы поцеловался»²³⁵.

Уже в детские годы Николая мундир часто заменял ему гражданский костюм. Лучшей наградой для него было разрешение присутствовать в мундире Измайловского полка на месте развода войск²³⁶. В приходно-расходных книгах сохранились сведения, что в 1803 г. для великого князя было сшито 16 измайловских мундиров, в 1804 г. – 11 мундиров и 30 фраков. Впрочем, для мальчика тогда предназначалась и различная одежда из меха: медвежьих шубы, собольи сюртуки, круглые шляпы на вате, теплые бекешы и перчатки. С 1806 по 1810 г. Николай носил лайковые перчатки, затем – только замшевые. С 1814 г. в приходно-расходных книгах фигурируют уже только мундиры, а также огромное количество перчаток. В сентябрьскую треть 1814 г. было изготовлено для великого князя 113 пар перчаток, а в январскую треть 1815 г. – 93 пары²³⁷. Упоминания о большом количестве перчаток не случайны. При всей непритязательности быта Николай Павлович отличался исключительной чистоплотностью. По воспоминаниям его дочери Ольги Николаевны, он каждый день менял белье и «шелковые носки, к которым он привык с детства»²³⁸.

Его взгляды и привычки формировались под влиянием Отечественной войны 1812 г. и последующих заграничных походов русской армии, событий, которые придали военному мундиру новую притягательность в русском обществе. «До 1825 года, – писал А. И. Герцен, – все, кто носил штатское платье, признавали превосходство эполет...» Однако уже после 1825 г., по его мнению, «офицеры упали в глазах общества, победил фрак, – мундиры преобладали лишь в провинциальных городишках да при дворе – этой первой гауптвахте империи»²³⁹. Николаю Павловичу ни до, ни после 1825 г. такая мысль просто не пришла бы в голову или показалась бы кощунственной. Став императором, Николай Павлович воспользовался своим правом ношения мундиров всех полков и надевал их в зависимости от обстоятельств, иногда довольно часто меняя их. На официальные церемонии в зависимости от повода он надевал мундиры различных полков: Преображенского, Семеновского, Кавалергардского, Казачьего, финляндского стрелкового батальона. В мундире Северского конноегерского полка, шефом которого он был, появился перед окружающими после первой свадебной ночи²⁴⁰.

У императора Николая Павловича хранились также прусские и австрийские мундиры. Насмешек над военным мундиром Николай Павлович не признавал даже в театральных постановках. Однажды один из его любимых артистов А. М. Максимов спросил императора: «Можно ли на сцене надевать настоящую военную форму?» Государь ответил: «Если ты

²³⁴ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. (внутр. оп. 28/1618). Д. 133. Л. 3; История лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка (1775–1857) / Составил полковник Константин Манзей. Ч. 4. СПб., 1859. С. 192–193; Там же. Приложение. С. 99; *Маевский С. И.* Мой век или история генерала Маевского. 1779–1848. Часть 2. Аракчеевщина // РС. 1873. Т. 8. № И. С. 772.

²³⁵ Цесаревич Константин Павлович в 1826 г.: Переписка с Ф. П. Опочининым // РС. 1873. Т. 8. № 9. С. 374.

²³⁶ *Лакруа П.* История жизни и царствования императора Николая I / Перевод с франц. А. Смирнова. Т. I. Кн. 1. М., 1877. С. 22.

²³⁷ *Корф М. Л.* Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817) // Сб. РИО (Сборник Императорского русского исторического общества). 1896. Т. 98. С. 17, 24, 55, 74, 82.

²³⁸ *Ольга Николаевна.* Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 203.

²³⁹ *Герцен Л. И.* О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 210.

²⁴⁰ *Дараган П. М.* Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817–1819. С. 791.

играешь честного офицера, то можно; представляя же человека порочного, ты порочишь и мундир, и тогда этого нельзя!» Однажды А. М. Максимов в водевиле «Путаница» все-таки надел мундир офицера лейб-гвардии Конно-пионерного полка, так что в антракте в закулисной полутьме Николай I принял его за настоящего офицера и долго всматривался, пытаясь его узнать, пока не понял свою ошибку: «Фу, братец, я тебя совсем не узнал в этом мундире»²⁴¹. Недовольство Николая Павловича вызвало осмеяние фельдъегеря в одном из произведений, опубликованных в журнале «Сын Отечества» в 1842 г. Цензор А. В. Никитенко, пропустивший этот эпизод, несмотря на протекцию А. Х. Бенкендорфа, был отправлен на одну ночь на гауптвахту, так как насмешкам подвергся государственный служащий, исполняющий различные поручения императора²⁴².

Соответствие мундира занимаемой должности, так же как соблюдение всех нюансов ношения формы, были аксиомой в представлении императора. Малейшее нарушение формы одежды или ошибка «в исполнении приема» не ускользали от его строгого взора. Служивший одно время поэт А. А. Фет передает случай, о котором рассказывали в гвардии. Когда цесаревич Александр Николаевич показал отцу одну из первых фотографий, запечатлевших парад на Марсовом поле, которым сам же командовал, государь первым делом обратил внимание на солдата, поправлявшего сбитый кивер, что во время смотра осталось незамеченным: «Посмотрите, Ваше Высочество, – сказал он, обращаясь к наследнику, – что у Вас делается, когда меня встречают»²⁴³. Впрочем, в отличие от своего младшего брата Михаила Павловича, он мог все же проявить и сочувствие. Так, при встрече в 1852 г. на Мариинской площади с гвардейским поручиком, больным водянойкой, оказавшемся в незастегнутом сюртуке и без сабли, государь посмотрел только в молящие о пощаде глаза офицера и молча прошел мимо. Дело осталось без последствий, хотя в таком случае нарушителя мог бы ожидать перевод из гвардии в армию в том же чине²⁴⁴.

При Николае I продолжалась работа по усовершенствованию и унификации гражданских мундиров. Накануне воцарения Николая I уже существовали гражданские мундиры одинакового покроя. Они были однобортными со стоячим воротником и вырезом юбки спереди наподобие фрака, отличались цветом: красные у сенаторов, темно-синие у чиновников Министерства просвещения и Ведомства путей сообщения и у некоторых других и темнозеленые у большинства служащих. Считая, что гражданским мундирам «недостает единообразия», Николай Павлович обратил на них внимание в начале царствования. Так, 14 января 1826 г. были утверждены мундиры для чиновников Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 29 апреля того же года – для председателя и членов Государственного совета (в связи с предстоящей коронацией), а 7 ноября 1827 г. – для чинов Государственной канцелярии. Генеральная же реформа гражданских мундиров была проведена 27 февраля 1834 г.²⁴⁵ Все мундиры были сведены в единую систему «с общим порядком обозначения рангов должностей»²⁴⁶. Вскоре, 5 марта 1834 г., был обнародован указ о «перемене формы» в министерствах. Предусматривались парадная, праздничная, обыкновенная, будничная, особая, дорожная и летняя форма одежды. Реакция современников была различной. Сенатор П. Г. Дивов, отмечая изменение формы одежды сенаторов (по сравнению с формой 1801 г.),

²⁴¹ Бурдин Ф. А. Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче // Николай Первый и его время. Т. 2. М., 2000. С. 283.

²⁴² Никитенко А. В. Дневник. Т. I. М., 1955. С. 253.

²⁴³ Фет А. А. Мои воспоминания. Ч. I. М., 1890. С. III.

²⁴⁴ Рассказы об императоре Николае I // РС. 1898. Т. 98. № 7. С. 35–37.

²⁴⁵ Шепелев А. Е. Гражданские мундиры начала николаевского царствования // Философский век: Альманах [вып.] 6. Россия в николаевское время: Наука, политика, просвещение. СПб., 1998. С. 261–271. См. также рисунки мундиров: РГИА. Ф. 1409. Оп. 10. Д. 12, 24, 35, 40 и др.

²⁴⁶ Шепелев А. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 145.

писал: «Сенату вместо красного цвета присвоен зеленый, по-прежнему с бархатным обшлагом; оставлен прежний мундир, но к нему добавлены ботфорты со шпорами в некоторых случаях. Вид получается довольно смешной»²⁴⁷.

Еще раньше произошли изменения при дворе. Уже в 1826 г. все придворные чины получили темно-зеленый мундирный фрак с черным бархатным отложным воротничком, а указы от 11 марта 1831 г. и 27 февраля 1834 г. ввели новые фасоны придворных мундиров. Они напоминали гражданские мундиры, изготавливались из темно-зеленого сукна и имели красные суконные стоячие воротники и обшлага, отличаясь более роскошным шитьем с бранденбурами (вышитыми золотом ниспадающими кистями). Последним указом было добавлено шитье вокруг воротника. Парадные мундиры должны были носиться с белыми штанами до колен (кюлотами), белыми чулками и башмаками с пряжками или белыми брюками с золотыми лампасами. Новые мундиры оказались долговечными и просуществовали вплоть до 1917 г. Мундирный фрак носили с черными брюками. Мундир камер-юнкера от камергерского ничем, кроме золотого камергерского ключа, не отличался.

В каждом конкретном случае следовало предписание, в какой форме являться на официальное мероприятие, что фиксировалось и в камер-фурьерских журналах. На балы кавалеры приглашались обычно не в мундирах, а в мундирных фраках²⁴⁸. Когда А. С. Пушкин был назначен камер-юнкером (7 января 1834 г.), то на первый бал в январе 1834 г. в Аничковом дворце он прибыл в камер-юнкерском мундире и, узнав, что гости во «фраках» (мундирных фраках), оставил на балу супругу и, переодевшись дома в штатское, демонстративно отправился на вечер к С. В. Салтыкову. Император «был недоволен, – отметил 26 января А. С. Пушкин, – и несколько раз принимался говорить обо мне»²⁴⁹. На Масленице А. С. Пушкин уже танцевал мазурку на утреннем балу в Зимнем дворце. Особенной радости ему это не доставляло, тем более что с соблюдением формы одежды ему явно не везло. Описывая бал в Аничковом дворце в декабре 1834 г., поэт подробно рассказывает, как он прибыл не в круглой, а в треугольной шляпе с плюмажем: «Г.[граф] Бобр[инский], заметя мою... треугольную шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели. Вообще бал мне понравился. Г[осуда]рь очень прост в своем обращении, совершенно по-домашнему»²⁵⁰.

Не любил Николай Павлович и очки, считая их признаком вольнодумства и неблагонадежности. Собственно очки были запрещены при дворе и в предшествующее царствование. Александр Павлович и Мария Федоровна, будучи близорукими, пользовались лорнетками. Николай I также не признавал очков, и редко кто по медицинским показаниям их носил.

Для женской половины императорской семьи были привычны так называемые мундирные платья. Александра Федоровна была шефом Кавалергардского полка, Александра Николаевна – лейб-гвардии Гусарского.

В кабинете Николая I висел портрет его покойной дочери, одетой в мундир этого подшефного полка. Эти факты дали основание одному современному историку, И. Ф. Савицкому, вслед за польском мемуаристом заметить, что «Николай даже женскую прелесть без мундира не воспринимал»²⁵¹. Конечно же, это не так, но в представлении Николая Павловича мундирное платье женской красоте не вредило. Хотя карикатурные изображения женщин в военных мундирах на рисунках ему тоже были свойственны.

²⁴⁷ Из дневника П. Г. Дивова // РС. 1900. Т. 103. № 7. С. 188.

²⁴⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. (внутр. оп. 28/ 1618). Камер-фурьерский журнал, 1838 г. Л. 10, 34 об. и др.

²⁴⁹ Пушкин А. С. [Дневник 1833–1835 гг.] // Полн. собр. соч. [В 16 т.] Т. 12. [М.; Л.], 1949. С. 319.

²⁵⁰ Там же. С. 334.

²⁵¹ Цит. по: Смирнов Л. Ф. Разгадка смерти императора // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 459

Романтизм, оказавший столь заметное влияние на развитие искусства, проявлялся и в моде, особенно дамской. С конца 1820-х гг. изменяется силуэт платья: юбка расширяется, талия затягивается корсетом (лиф с «осиной талией»), появляется обширное декольте, открывающее плечи, становится модным рукав «жиго» («бараний окорок»), который к 40-м гг. снова становится узким и прилегающим. Для придания пышной формы юбке используются несколько нижних накрахмаленных, но вскоре их сменяет кринолин.

Уже упоминавшийся кринолин (от *франц.* *crin* – волос и *lin* – лен; возможно на основе *лат.* *crinis* – волос и *linum* – полотняная ткань), характерный еще для периода испанской моды в Европе и продержавшийся до Французской революции, вновь вернулся в моду к 1850 г. и продержался примерно до конца 1860-х гг. (более характерен в период между Крымской и франкопрусской войнами). Сначала кринолином называлась жесткая волосяная ткань, помогавшая поддерживать форму юбок (что позволяло не носить множество нижних полотняных накрахмаленных юбок). Но изобретатель и основатель известной фирмы Чарлз Ворт (англичанин по рождению, как пишет о нем Т. Т. Коршунова) запатентовал специальное устройство, позволявшее сжимать и разжимать обручи юбки по мере надобности. Стальные пружины «нанесли удар» первоначальному устройству кринолина.

В 1830-х гг. начала складываться и определенная формула для свадебных платьев: традиционно белое или кремовое платье. Свадебные вуали были редкими до начала XIX в., но позже фату из белого кружева закрепляли на голове, и она свисала почти до полу²⁵². Великая княжна Ольга Николаевна записала в дневнике 6 декабря (1838 г.): «В Петербурге в церкви Эрмитажа была торжественно объявлена помолвка. Мэри в русском парадном платье была очень хороша: белый тюль, затканый серебром и осыпанный розами, обволакивал ее. Мама сама придумала ее наряд. Он был так прекрасен, что с тех пор стало традицией надевать его во всех парадных случаях»²⁵³. Тогда же, в 1830-х гг., к свадебному наряду добавился флердоранж (венки из цветков апельсина)²⁵⁴.

Традиции мундиropочитания перешли от отца к сыновьям. Николай Павлович с подросткового возраста приучал сыновей к мундиру. Так, 10 июня 1830 г. он пишет из Варшавы воспитателю своего тринадцатилетнего наследника К. К. Мердеру: «К приезду нашему вели изготовить Саше кавалергардскую форму, но постарайся, чтоб хорошо его одели, жене сделаем сюрприз и 1 июля пропарадируем с разводом»²⁵⁵. У наследника были также гусарский, павловский и казачий мундиры. Вступив на престол, Александр II свое царствование начал с изменения униформы, как гражданской, так и военной. Подвергся модернизации гражданский мундир, когда мундир «французского образца» с вырезом юбки спереди был заменен полукафтаном с полной юбкой²⁵⁶. Продолжая традицию, Николай Павлович также оплачивал счета глухонемому художнику В. Королеву за изготовление моделей с образцами обмундирования. В начале царствования, как отмечали современники, на улицах Петербурга нередко можно было встретить офицеров одного и того же полка, но по-разному экипированных. Офицеры не поспевали за указами об изменении формы одежды²⁵⁷. «Крючок» от мундира Николая I «зацепил» и его сыновей...

Впрочем, были в мундирах и своеобразный блеск, и величие. Уж на что нелюбимо описывал высшее петербургское общество маркиз де Кюстин, но и он заметил: «У нас балы обезображены унылыми фраками мужчин, тогда как петербургским салонам осо-

²⁵² Нанн Д. История костюма. 1200–2000. С. 161.

²⁵³ Ольга Николаевна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 254.

²⁵⁴ Нанн Д. История костюма. 1200–2000. М., 2003. С. 161.

²⁵⁵ РГИА. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Письма императора Николая I К. К. Мердеру. 1824–1833 гг. Л. 1.

²⁵⁶ Шепелев А. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. С. 147.

²⁵⁷ Штакеншнейдер Е. А. Дневник // Штакеншнейдер Е. А. Дневники и записки. М.; Л., С. 103–104; Бенуа А. Мои воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 18.

бенный блеск придают разнообразные и ослепительные мундиры русских офицеров. В России великолепия женских украшений сочетается с золотом военного платья»²⁵⁸.

²⁵⁸ Кюстин А. Россия в 1839 году: В 2 т. Т.1. С. 196.

«Быть дамам в русском платье»: дамская униформа

Первые упоминания о каких-то русских платьях относятся еще ко времени Екатерины II²⁵⁹.

В 1791 г. в журнале «Магазин английских, французских и немецких мод» сообщалось, что «для балов в торжественные дни и для выездов в знатные и почтенные дома носят дамы: русские платья из обьярей, двойных тафт и из разных как английских, так и французских материй, шитые шелками или каменьями, с юбками одинаковой материи или другого цвету; рукава бывают одинакового цвета с юбкою; пояса носят по корсету, шитые шелками или каменьями по приличию платья; на шею носят околки, или род косынок на вздержке или со складками из блонд или из кружева, на грудь надевают закладку или рубашечку из итальянского или из простого флеру...»²⁶⁰

Обьярь — шелковая переливчатая одноцветная ткань, позднее называвшаяся муар.

Тафта (от *перс.* tafta – сотканное) – шелковая или хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения из туго скрученных нитей основы, отличалась тонкостью, но при этом была жесткой, как говорили, «хрусткой».

Так называемые русские платья выглядели своеобразно. Великая княгиня Елизавета Алексеевна (супруга Александра Павловича) так описывала в письме к матери рождественский бал 1792 г.: «На следующий день было Рождество. Танцевали и играли в игры в тронном зале, в русских костюмах; правда, одеты были в довольно маленькие кринолины и очень легкие платья. Позавчера состоялся большой бал. Императрица была так добра, что подарила мне бархатное платье цвета аметиста, расшитое золотом, и сатиновую юбку соломенного цвета»²⁶¹.

В 1799 г. И. Г. Георги (более известный своим описанием Санкт-Петербурга) опубликовал этнографическое обозрение России под длинным названием, характерным для XVIII в.: «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновенных одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» (2-е изд., СПб., 2005), в котором также упомянул о русском придворном платье: «Женищины придворные одеваются в так называемое русское платье, но оно весьма мало отвечает сему наименованию и есть паче утонченного европейского вкуса, ибо и сам вид оно больше на вид польского похож»²⁶².

При Павле I была восстановлена старая мода. Графиня В. Н. Головина сообщает, что во время коронации Павла I весной 1797 г. «все были в полном параде: в первый раз появились придворные платья»²⁶³. Имеются в виду робы, то есть кринолины, которые, казалось, давно сделала немодными Французская революция. В «Объявлении экспедиции церемониальных дел», относящемся, по-видимому, к декабрю 1796 г., предписывалось дамам иметь во время коронационных торжеств робы из черного бархата с таким же шлейфом и юбкой²⁶⁴. Однако на большие балы, как правило, надевали русское платье. На бал в Кавалергардской зале Гатчинского дворца 30 августа 1797 г. предписывалось прибывать «по учиненным накануне повесткам, дамы в русском платье, кавалеры в праздничных кафтанах, а штаб и обер-офи-

²⁵⁹ Уортман Р. Сценарии власти... С. 425.

²⁶⁰ Цит. по: Захарова О. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. С. 195–196.

²⁶¹ Петербург, 28 декабря 1792/8 января 1793. Цит. по: Васильева Л. Н. Жена и муза: тайна Александра Пушкина. С. 21.

²⁶² Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновенных одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. 2-е изд. СПб., 2005. С. 512.

²⁶³ Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной (1766–1811).

²⁶⁴ Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 422.

церы в мундирах и башмаках»²⁶⁵. На маленьких балах, а также во время «вечерних собраний» в Кавалергардской или Кавалерской комнатах допускались отступления от этикета. Тогда дамы были в обыкновенных, а не русских платьях²⁶⁶.

А. Малюков. Портрет императрицы Александры Федоровны. 1836 г.

При Александре I русское платье было восстановлено в правах. Сопровождавшая прусскую королевскую чету в Санкт-Петербург придворная прусская статс-дама Фосс записала в дневнике от 9-го января 1809 г.: «Утром пришла графиня Ливен с портным Ея Величества императрицы-матери. Он снял с меня мерку для Русского платья, которое государь желает мне подарить». В два часа дня во время обеда прусской королевы на ней уже был «синий русский сарафан»²⁶⁷. 13 января в 11 часов в дворцовой церкви во время обручения великой княжны Екатерины Павловны с принцем Ольденбургским все прусские дамы «были в русских придворных платьях, подаренных нам самим царем»²⁶⁸.

²⁶⁵ Цит. по: *Казнаков С. Павловская Гатчина. С. 258.*

²⁶⁶ *Казнаков С. Павловская Гатчина. С. 258.*

²⁶⁷ [*Фосс*] Из дневника графини Фосс, обер-гофмейстерины Прусского двора // РА. 1885. Кн. 1. № 4. С. 182.

²⁶⁸ Там же. 183.

К 1810-м гг. относится портрет великой княжны Александры Павловны, написанный неизвестным художником²⁶⁹. Судя по кокошнику, в русском платье была и великая княгиня Александра Федоровна в Александро-Невской лавре во время богослужения в 1818 г. Описывая свое болезненное состояние, она между прочим заметила, что была «вовсе не интересна в... розовом глазетовом платье, с кокошником, шитым серебром, на голове»²⁷⁰.

Глазет – ткань с шелковой основой и металлическим утком серебряного цвета, то есть разновидность парчи.

Коронационные торжества Николая I в Москве также предполагали русское платье. На 25 июля 1826 г. был назначен торжественный въезд императорской четы в Москву. В камер-фурьерском журнале осталась запись: «25-го сего июля пополудни в 4 часа для чего все придворные обоего пола... съезжаться в 3 часу пополудни в петровский дворец и быть дамам в русском платье, а кавалерам в праздничных кафтанах. За подписанием камер-фурьера Бабкина»²⁷¹.

В первых записях камер-фурьерских журналов за 1826 г. также неоднократно упоминается «белое русское платье» или «белое круглое платье».

В таком платье дамы должны были быть 1 января и 18 апреля на Св. Пасху, так же как и во время торжественного въезда в Москву 25 июля.

Писатель Ф. Ансело, находившийся в составе французской делегации на коронации Николая I, писал о предписании императора относительно костюма на маскараде: «Женщинам полагалось явиться в национальном костюме, и лишь немногие ослушались этого предписания. Национальный наряд, кокетливо видоизмененный и роскошно украшенный, сообщал дамским костюмам пикантное своеобразие. Женские головные уборы, род диадемы из шелка, расшитый золотом и серебром, блистали брильянтами. Корсаж, украшенный сапфирами и изумрудами, заключал грудь в сверкающие латы, а из-под короткой юбки видны были ножки в шелковых чулках и вышитых туфлях. На плечи девушек спадали длинные косы с большими бантами на концах»²⁷². В дневнике А. С. Пушкина от 6 декабря 1833 г. (день именин Николая I) сообщается о некоторых новых назначениях и далее следует фраза: «Дамы представлялись в русском платье»²⁷³.

Вскоре русское платье окончательно приобрело официальный статус. В николаевском указе от 27 февраля 1834 г. «Описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к высочайшему двору» русское платье было детально регламентировано. Парадный дамский наряд состоял из бархатного вечернего платья, имевшего разрез спереди книзу от талии, который открывал юбку из белой материи, «какой кто пожелает». По «хвосту и борту» платья, также «вокруг и на передке юбки» предписывалось иметь золотое шитье, «одинаковое с шитьем парадных мундиров придворных чинов». Статс-дамы в русском платье были изображены на известной картине А. И. Ладурнера «Вид Белого (Гербового) зала в Зимнем дворце» (1838), хранящейся в Эрмитаже. Через две недели после указа о дамских нарядах фрейлина А. С. Шереметева сообщила в письме домой от 10 марта 1834 г. о вечернем собрании у Александры Федоровны: «На императрице было русское платье нынешнего покроя без талии»²⁷⁴. Вскоре, 25 марта, она же уточняла, рассказывая о подготовке к балу в связи с при-

²⁶⁹ Неизвестный художник. Великая княжна Александра Павловна // Гатчина при Павле Петровиче, цесаревиче и императоре. С. 236.

²⁷⁰ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Кн. 1. С. 110.

²⁷¹ РГИА. Ф. 516. Оп. 2 (28/1618). Д. 131. Л. 617 об.

²⁷² *Ансело Ф.* Шесть месяцев в России: Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году в пору коронации Его Императорского Величества / Вступ. ст. (с. 5-20), сост., пер. с франц. и коммент. Н. М. Сперанской. М., 2001. С. 151–152.

²⁷³ *Пушкин Л. С.* [Дневник 1833–1834 гг.] С. 317.

²⁷⁴ [*Шереметева Л. С.*] Письма Анны Сергеевны Шереметевой // Архив села Михайловского. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1902. С. 37.

сягой цесаревича: «Мы все будем в русских платьях, т. е. дамы будут одеты в чем-то вроде сарафанов, но из легкой материи, а на голове будут розаны в виде кокошника. Молодые дамы (танцующие) в гирляндах из белых розанов. Императрица будет также сама в сарафане»²⁷⁵.

Платье гофмейстерины должно было быть из бархата малинового цвета, у статс-дам – зеленого цвета с золотым шитьем, у камер-фрейлин – пунцового, у наставниц великих княжон – синего с золотым шитьем²⁷⁶. Именно таким был наряд у камер-фрейлины и наставницы великой княжны Ольги Николаевны. В конце 1836 г., накануне Николина дня, 5 декабря, у великой княжны Ольги Николаевны появилась новая воспитательница – Анна Алексеевна Окулова (1794–1861), старшая из пятерых сестер Окуловых, выпускница Екатеринбургского института, которая заменила гувернантку шведку Дункер. Выбор был сделан самим Николаем I. Об Анне Алексеевне с благодарностью вспоминает Ольга Николаевна: «Ее сделали фрейлиной, по рангу она следовала за статс-дамами и получила, как Жюли Баранова (Ю. Ф. Баранова, урожденная Адлерберг. – А. В.), русское платье синего цвета с золотом, собственный выезд и ложу в театре... Она мне предложила вести дневник»²⁷⁷.

У фрейлин великих княгинь, как и у фрейлин царицы, платья были с серебряным шитьем, у фрейлин великих княжон – из светло-синего бархата. Замужние придворные дамы должны были «иметь повойник или кокошник», а девицы «повязку» произвольного цвета с белой вуалью. Описанный наряд также получил название русского платья. Фасон платья приглашенных ко двору дам также должен был соответствовать тому же образцу, но платья эти могли быть «различных цветов, с различным шитьем», но нельзя было повторять узор, назначенный для придворных дам²⁷⁸.

В дальнейшем во время всех торжественных церемоний, например во время обручения Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского, следует стандартное объявление: «дамам быть в русском платье, а кавалерам в парадных мундирах»²⁷⁹. Как уже отмечалось, придворные дамы имели также особые знаки отличия – портреты носили на правой стороне груди, а фрейлины вензеля (шифры) – на левой стороне корсажа²⁸⁰.

В обычные воскресные дни и во второстепенные праздники имел место не большой, а малый выход, то есть кавалеры свиты – в обыкновенной форме, а придворные дамы в городских платьях, все же очень нарядных, собирались к обеду в маленькую церковь. Обедня начиналась в 11 часов, и после службы император и императрица, цесаревна и цесаревич принимали лиц, желавших им представиться, в прилежавшей к церкви зале, называемой ротондой»²⁸¹.

Несовершеннолетние великие княжны с некоторыми поправками следовали также общему стилю. Та же Ольга Николаевна вспоминает о крестинах родившегося 9 сентября 1827 г. великого князя Константина Николаевича за пять лет до указа 1834 г.: «К крестинам нам завили локоны, надели платья-декольте, белые туфли и Екатерининские ленты через плечо. Мы находили себя очень эффектными и внушающими уважение. Но – о разочарование! – когда Папа увидел нас издали, он воскликнул: "Что за обезьяны! Сейчас же снять ленты и прочие украшения!" Мы были очень опечалены. По просьбе Мама нам оставили

²⁷⁵ [Шереметева Л. С.] Письма Анны Сергеевны Шереметевой // Архив села Михайловского. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1902. С. 40.

²⁷⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2-е. Т. 9. № 6861. СПб., 1835. С. 181–182.

²⁷⁷ Ольга Николаевна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 222.

²⁷⁸ Шенелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 430.

²⁷⁹ Высочайше утвержденный церемониал обручения Ея Императорского Высочества государыни великой княжны Ольги Николаевны с Его Светлостью герцогом Максимилианом Лейхтенбергским // Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. С. 234.

²⁸⁰ Шенелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 432.

²⁸¹ Тутчева Л. Ф. Воспоминания. С. 37–38.

только нитки жемчуга... Уже тогда я поняла его желание, чтобы нас воспитывали в простоте и строгости, и это я ему обязана свои вкусом и привычками на всю жизнь»²⁸². Для несовершеннолетних княжон Николай I считал излишним не только трен (шлейф. – А. В.) и платье с декольте, но и Аннинские ленты через плечо. В 1833 г., когда той же Ольге Николаевне исполнилось 11 лет, положение несколько изменилось. Она с гордостью записала в своих воспоминаниях «Сон юности»: «По обычаю в одиннадцать лет я получила русское придворное платье из розового бархата, вышитого лебедями, без трен. На некоторых приемах, а также на большом балу в день Ангела Папа, 6 декабря, мне было разрешено появляться в нем в Белом зале (то есть на придворных балах. – А. В.)»²⁸³.

В 1830-х гг. великие княжны стали надевать первые бархатные платья, произведенные на Фряновской шелкоткацкой мануфактуре купца-старообрядца Павла Назаровича Рогожина (Рагожина). «Ему мы, – записала Ольга Николаевна, – обязаны первыми бархатными платьями, которые мы надевали по воскресеньям в церковь. Это праздничное одеяние состояло из муслиновой юбки и бархатного корсажа фиолетового цвета. К нему мы надевали нитку жемчуга с кистью, подарок шаха персидского. Почти всегда мы, сестры, были одинаково одеты, только Мари разрешено было еще прикалывать цветы»²⁸⁴.

Кокошники фрейлин бросились в глаза и маркизу де Кюстину в 1839 г. Впрочем, не отличавшийся влечением к женскому полу маркиз и в этом случае полон сарказма: «Национальный наряд русских придворных дам величественен и дышит стариной. Голову их венчает убор, похожий на своего рода крепостную стену из богато разукрашенной ткани или на невысокую мужскую шляпу без дна. Этот венец высотой в несколько дюймов, расширенный, как правило, драгоценными камнями, приятно обрамляет лицо, оставляя лоб открытым; самобытный и благородный, он очень к лицу красавицам, но безнадежно вредит женщинам некрасивым»²⁸⁵. Отклонения от регламентированного фасона, как правило, не допускались. Когда на одном из балов в 1840-х гг. некоторые дамы появились в кокошниках из цветов, это вызвало гнев императора, хотя возможность использовать украшения и драгоценные камни оставалась.

К свадьбе Марии Николаевны в 1839 г. ее приданое по обычаю было выставлено в Зимнем дворце. По свидетельству великой княжны Ольги Николаевны, «в третьем зале – русские костюмы в числе двенадцати, и между ними – подвенечное платье, воскресный туалет, так же как и парадные платья со всеми к ним полагающимися драгоценностями, которые были выставлены в стеклянных шкафах: ожерелья из сапфиров и изумрудов, драгоценности из бирюзы и рубинов»²⁸⁶.

Во время торжественного въезда в Санкт-Петербург невесты наследника цесаревича принцессы Марии Дармштадтской 8 сентября 1840 г. она впервые надела, переодевшись в трактире «У трех рук», парадное светло-синее платье с серебряным кружевом и бриллианты. Императрица была в золотом платье с каштановым кружевом²⁸⁷. В то время камермедихина А. И. Утермер, в замужестве Яковлева, впоследствии вспоминала об этом русском платье: «После приема принцесса вернулась в свои покои, где мне пришлось снимать с ее головы и шеи драгоценнейшие бриллиантовые уборы, какие я видела первый раз в жизни. На принцессе был голубого цвета шлейф, весь вышитый серебром, и белый шелковый сарафан, перед которого тоже был вышит серебром, а вместо пуговиц нашиты были бриллианты

²⁸² *Ольга Николаевна*. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 180.

²⁸³ Там же. С. 205.

²⁸⁴ *Ольга Николаевна*. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 234.

²⁸⁵ *Кюстин Л.* Россия в 1839 году. В 2 т. Т. 1. С. 186.

²⁸⁶ *Ольга Николаевна*. Там же. С. 256.

²⁸⁷ *Жерихина Е. И.* Приданое цесаревны Марии Александровны // Россия – Германия. Материалы X Царскосельской научной конференции. СПб., 2004. С. 157.

с рубинами; повязка темно-малинового бархата, обшита бриллиантами; с головы спадала вышитая серебром вуаль»²⁸⁸. Парадные шлейфы и сарафаны были приготовлены среди прочего приданого невесты за счет русского казначейства.

Венцель Гаффнер, присутствовавший на июльских празднествах в Петергофе в 1846 г., особо обратил внимание на костюм статс-дам: «Придворные дамы: белое шелковое платье с красным бархатным корсажем, открытым спереди и обшитым позументом с очень длинным и дорогим шлейфом, богато вышитым золотом. На голове они носили кокошник из красного бархата, унизанный брильянтами в несколько рядов. Само собою разумеется, что богачки вроде Паскевич носили брильянты также на шее, в ушах, на руках и на поясе»²⁸⁹.

В русском платье придворные дамы появлялись на всех официальных церемониях николаевского царствования. Фрейлина А. Ф. Тютчева, описывая события 1854 г., заметила: «В дни больших праздников и особых торжеств богослужение отправлялось в Большой церкви Зимнего дворца: в таких случаях мужчины были в парадной форме, при орденах, а дамы в придворных костюмах, т. е. повойниках и сарафанах с тренем, расшитых золотом, производивших очень величественное впечатление»²⁹⁰.

С небольшими видоизменениями русский наряд при дворе просуществовал до начала XX в.

²⁸⁸ Яковлева Л. И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр II. СПб., 1995. С. 87.

²⁸⁹ Гаффнер В. В. Три недели в России. С. 266.

²⁹⁰ Тютчева Л. Ф. Воспоминания. С. 38.

«Не изъяснялася по-русски»: язык двора

Вплоть до эпохи Николая I русский язык был чужим в придворной жизни. Хотя, как известно, Екатерина II выучила русский язык. При женитьбе Павла Петровича на Марии Федоровне в 1776 г. в инструкции, составленной цесаревичем для его будущей супруги (на французском языке), особым шестым пунктом вменяется ей в обязанность знание «русского языка и других необходимых сведений о России»²⁹¹. Кратковременное царствование Павла I (четыре года четыре месяца и четыре дня) не привело к укреплению позиций русского языка при дворе.

При дворе Александра I также господствовал французский язык, а на встречах в Тильзите и Эрфурте Александр I говорил на более правильном французском языке, чем корсиканец Наполеон. Будущая императрица, тогда великая княгиня и супруга Николая Павловича, Александра Федоровна вспоминала о своей первой осени в России: «14 октября, день рождения императрицы (вдовствующей императрицы Марии Федоровны. – Л. В.), был торжественный и утомительный. Накануне были танцы, и я познакомилась с Александром Бенкендорфом... Я могла беседовать с ним по-немецки, что для меня было вполне удобно, так как я все еще чувствовала стеснение и несколько затруднялась говорить по-французски в России, где почти все изъяснялись на этом языке изящно и изысканно. В то время еще мало говорили по-русски, тогда как в настоящее царствование на нашем национальном языке говорят и чаще, и более правильно, а это хорошо, ибо вполне естественно»²⁹². Известен анекдот о А. П. Ермолове, опубликованный в немецкой вечерней газете в 1839 г. и воспроизведенный в дневнике М. А. Корфа: тот на вопрос императора Александра «какую бы явить ему милость?» отвечал: «Государь, пожалуйста меня в немцы!» Другой раз, войдя в переднюю государя, где собрано было множество офицеров разных чинов, он обратился к ним с вопросом: «говорит ли кто-нибудь из этих господ по-русски?»²⁹³

Одним из серьезных увлечений великой княгини Елизаветы Алексеевны стало изучение русского языка. Ее мать из Германии также советовала дочери «учиться по-русски у прислуги». Обладая большими способностями к языкам, Елизавета Алексеевна «выучилась русскому языку отлично». В письме от 4 (6) марта 1811 г. Елизавета Алексеевна объясняется в любви к русскому языку: «Заканчиваю письмо, дорогая Матушка, проведя два часа за одним из любимейших моих занятий – русским языком. Это поистине сентиментальный урок, поскольку наша литература пребывает пока в периоде детства, но когда проникаешь в богатства языка, видишь, что можно было бы из этого сделать, и тогда получаешь удовольствие, открывающее перед тобой сокровища, которым требуются руки, способные их использовать. К тому же звучание русского языка доставляет моему уху такое же наслаждение, как и прекрасная музыка. Амелия (упомянутая ранее сестра Елизаветы. – Л. В.) называет это и другие касающиеся данного предмета чувства блаженным состоянием; я же не вижу здесь ничего противоестественного, но если кто-то этим удовлетворен, то скажу, что благодарна Небу за то, что оно вложило это чувство в мое сердце. Оно приносит мне тысячу радостей и тысячу утешений...»²⁹⁴ Неслучайно граф Федор Головкин в своем очерке о Елизавете Алексеевне восклицает: «Она лучше всех русских женщин знает язык, религию, историю и обычаи России»²⁹⁵.

²⁹¹ Императрица Мария Федоровна. Павловск; СПб., 2000. С. 24–62.

²⁹² *Александра Федоровна*. Из альбомов императрицы Александры Федоровны. С. 162.

²⁹³ *Корф М. А.* Дневники 1838 и 1839 гг. С. 425.

²⁹⁴ Пер. с франц. Ады Бакировой. Цит. по: *Васильева А. Н.* Жена и муза: тайна Александра Пушкина. С. 210.

²⁹⁵ *Головкин Ф.* Елизавета Алексеевна. С. 303.

Русский язык входил в программу обучения великих князей Николая и Михаила Павловичей. Бывший профессор русского языка и словесности Дерптского университета коллежский советник Г. А. Глинка вместе с европейски эрудированным знатоком изящных искусств генерал-майором Н. И. Ахвердовым изучал с ними русский язык, русскую историю, географию, статистику, русскую словесность. У Николая Павловича на уроках русского языка возникали некоторые трудности. С азбукой его познакомила мисс Лайон. Известно, что до шестилетнего возраста он знал только 13 букв русского алфавита. В 1802 г. начались регулярные уроки по русскому языку, которые давал один из дежурных кавалеров полковник П. П. Ушаков. С его сыном, поступившим в 1809 г. в Пажеский корпус, Николай был особенно дружен. Он писал ему короткие письма-записки, называя его Лоло и подписываясь Романов III (то есть третий по старшинству после Александра и Константина)²⁹⁶. Известно также, что он с 1804 г. читал по-русски извлечения из «Деяний Петра Великого» И. И. Голицына и сочинений М. В. Ломоносова. По свидетельству историка С. М. Соловьева, позднее, когда Николай I подбирал учителей для наследника, у императора было желание обратиться к редактору и издателю «Вестника Европы»

М. Т. Каченовскому. Он говорил, что «уважает этого ученого, по журналу которого он выучился читать по-русски», впрочем, Николая I тогда отговорили, «выставляя на вид его вредное направление, скептицизм»²⁹⁷. В журнале от 16 февраля 1809 г. отмечалось: «Великий князь очень хорошо учится, кроме русского языка, о котором можно сказать, что он знал изредка, оттого, что великий князь мало размышляет и по временам забывает самые простые и давно известные ему вещи»²⁹⁸. Первые письма, которые Николай писал императрице-матери начиная с 30 мая 1809 г., были на французском языке, на русском он начинает писать только полтора года спустя. По мнению М. А. Корфа, «русские письма объемистее, но содержат по большей части лишь сухие выдержки из лекций, готовые даты и цифры, так что личность Николая Павловича в них как бы вполне исчезает»²⁹⁹. Позже Николай Павлович старательно пишет сочинения на русском языке. Раскрывая заданную 14 апреля 1811 г. тему «В чем состоит в мире самое истинное и одно прочное добро?», он отвечал в письме к Марии Федоровне, «что должно оное полагать в добродетели»³⁰⁰. В 1813 г. Г. И. Вилламов, перечитывавший их Марии Федоровне, отзывался о сочинениях Николая уже несколько иначе: «Написаны они очень хорошо, очень смешно, но совершенно не назидательны, так как предметом карикатур и насмешек были его сверстники и учителя»³⁰¹. А с орфографией трудности возникали и позднее. Представляя офицерам своего полка подготовленное им собственноручно наставление, Николай Павлович, по свидетельству князя Н. Н. Тенишева, сказал: «Не обращайтесь внимания, господа, на орфографию. Я должен сознаться, что на эту часть при моем воспитании не обращалось должного внимания»³⁰².

Разговорный русский язык никаких затруднений у Николая Павловича не вызывал. По замечанию его биографа Поля Лакруа, «великий князь говорил скоро и легко; он изъяснялся с такою же свободою по-русски, как по-французски и по-немецки»³⁰³. По свидетельству А. Ф. Тютчевой, Николай I, несомненно, «обладал даром языков»³⁰⁴. Как отмечали и другие

²⁹⁶ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1354. Отрочество великого князя Николая Павловича. Л. 32 об.

²⁹⁷ Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С. М. Избранные труды. М., 1983. С. 256.

²⁹⁸ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1354. Отрочество великого князя Николая Павловича. Л. 8 об.

²⁹⁹ Там же. Л. 10.

³⁰⁰ Там же. Л. 11.

³⁰¹ Из дневника статс-секретаря Г. И. Вилламова / Сообщ. Н. А. Вилламов. // РС. 1913. Т. 156. № 10. С. 10.

³⁰² Рассказы из недавней старины / Сообщ. И. С. Листовский // РА. 1878. Кн. 3. С. 520.

³⁰³ Лакруа 17. История жизни и царствования императора Николая I. С. 20.

³⁰⁴ Тютчева Л. Ф. Воспоминания. С. 35.

мемуаристы, Николай Павлович превосходно знал французский, хорошо – немецкий, испытывая некоторые затруднения с английским языком, к началу Крымской войны вполне овладел и им. Он не испытывал трудностей в русском языке, предпочитая разговор на русском, если его понимали собеседники³⁰⁵. «Зачем ты картавишь? – заявил он однажды камер-пажу Александры Федоровны П. М. Дарагану. – Это физический недостаток, а Бог избавил тебя от него. За француза тебя никто не примет, благодари Бога, что ты русский, а обезьянничать куда не годится. Это позволительно только в шутку»³⁰⁶. Когда в 1829 г. в Кодне предводитель местного польского дворянства Левкович обратился к Николаю I с речью по-французски, тот оборвал его: «Господин предводитель, я понимаю и по-русски, и по-польски; французский язык между нами совершенно не нужен»³⁰⁷.

В дальнейшем Николай I сделал русский язык обязательным для делопроизводства во всех государственных учреждениях и официальным языком при императорском дворе. Формально знание русского языка стало при Николае I необходимым для поступления иностранцев на русскую службу. Тем не менее известно, что протекция влиятельных лиц позволила Дантесу сдать офицерский экзамен по программе гвардейских юнкеров и подпрапорщиков, включавший проверку знаний по русскому языку и словесности. Как отметил историк Р. Г. Скрынников, «генерал Адлерберг заверил императора, что Дантес знает русский язык...»³⁰⁸

Императрица Александра Федоровна так и не овладела по-настоящему русским языком. Даром что великую княгиню учил поэт В. А. Жуковский, который на самом деле был плохим учителем. Великая княжна Ольга Николаевна в своих воспоминаниях за 1837 г., рассказывая о зимнем путешествии из Москвы в Петербург, вспоминала: «.. Мы были плотно закутаны в шубы, в теплых валенках до колена, и ноги в меховом мешке. Мэри, которой стало дурно от этого закутывания, должна была пересест в другой возок, где опускались окна. Ее место в возке Мама заняла Анна Алексеевна; мы весь день напролет пели каноны и русские песни... На станциях крестьяне приносили нам красные яблоки и баранки. Анна Алексеевна разговаривала с ними, зная, благодаря своей долгой жизни в деревне, что их интересовало и заботило. Мама очень одобряла это ввиду того, что сама недостаточно хорошо говорила по-русски»³⁰⁹.

Великие княжны Мария и Ольга сами стремились овладеть русским языком. Один из сюжетов воспоминаний великой княжны Ольги Николаевны за 1841 г.: «В конце декабря Мари и я заболели одновременно, Мари – рожистым воспалением лица, а я – сильным кашлем... Мы решили переводить с английского на русский язык»³¹⁰.

В отличие от Олли (Ольги) ее младшая сестра Адени (Александра Николаевна), у которой была английская воспитательница, «не научилась свободно говорить на своем родном языке»³¹¹. Ситуация постепенно меняется к концу жизни Николая I. В одном из писем А. Ф. Тютчевой от 4 июля 1855 г. рассказывается о семейной сцене с участием малышки Марии, дочери Александра Николаевича и Марии Александровны, родившейся 5 октября 1853 года (к этому времени у нее была сестра и четверо братьев): «Все четверо красивые мальчики, они прелестно смотрятся рядом с маленькой сестричкой, бело-розовой, крошечной и очаровательной, напоминающей сказочную принцессу. Она удивительно развита для своего воз-

³⁰⁵ Молчанов Л. Пленные англичане в России // ИВ. 1886. Т. 23. № 1. С. 185; Терлах А. Заметки о пребывании в Петербурге // РС. 1892. Т. 73. № 2. С. 367; Татищев С. С. Император Николай I и иностранные дворы... С. 7.

³⁰⁶ Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817–1819 // РС. 1875. Т. 12. № 4. С. 795.

³⁰⁷ Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // РС. 1896. Т. 86. № 5. С. 173.

³⁰⁸ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 147.

³⁰⁹ Ольга Николаевна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 С. 241.

³¹⁰ Там же. С. 277.

³¹¹ Там же. С. 295.

раста. <...> Перед десертом принесли малышку, и Государь посадил ее на колени. Ее ничуть не смутило большое общество, сидевшее за столом, и она спокойно вела беседу. Она очень кокетничала с Орловым, звала его по имени. Надо сказать, она запоминает имена тех, кого видит, и узнает всех. После обеда она отправилась играть в детскую избушку, а когда Государыня нас отпустила и малышка увидела удаляющегося Орлова, то высунула голову из-за двери и изо всех сил закричала по-русски: "До свидания, Орлов!" Она была довольна, когда он вернулся и поцеловал ее крошечную августейшую ручку»³¹².

В повседневную культуру двора русский язык внедрялся медленно и неохотно. Маркиз де Кюстин в 1839 г. особо заметил: «Реформа императора Николая затрагивает даже язык его окружения – царь требует, чтобы при дворе говорили по-русски. Большинство светских дам, особенно уроженки Петербурга, не знают родного языка; однако ж они выучивают несколько русских фраз и, дабы не ослушаться императора, произносят их, когда он проходит по тем залам дворца, где они в данный момент исполняют службу; одна из них всегда караулит, чтобы вовремя подать условный знак, предупреждая о появлении императора, – беседы по-французски тут же смолкают, и дворец оглашается русскими фразами, призванными ублажить слух самодержца; государь гордится собой, видя, доколе простирается власть его реформ, а его непокорные проказники-подданные хохочут, едва он выйдет за дверь...»³¹³

Но в общении с женщинами Николай Павлович традиционно переходил на французский язык. Так было принято. В «Евгении Онегине» А. С. Пушкин (эти строки написаны летом 1824 г.) писал о Татьяне:

Итак, писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски...³¹⁴

Даже императрица Александра Федоровна недостаточно хорошо говорила по-русски. Когда требовалось, Е. Ф. Канкрин говорил по-русски, хотя и ломаным языком³¹⁵.

Весьма интересно чтение стихов фрейлиной Е. Ф. Тизенгаузен 4 января 1830 г. на костюмированном балу в Аничковом дворце, где женские роли исполнялись мужчинами, а мужские – женщинами. Это ей с письмом от 1 января 1830 г. А. С. Пушкин послал в Зимний дворец текст стихотворения «Циклоп», начинающийся словами: «Язык и ум теряя разом...» Бал давала великая княгиня Елена Павловна в честь императрицы³¹⁶. На балу прозвучало 17 стихотворений, из которых три были на русском языке. Красивая фрейлина Е. Ф. Тизенгаузен изображала на балу страшного циклопа и на русском языке читала это стихотворение³¹⁷. Подобно матери она была в восхищении от творчества А. С. Пушкина.

Исследовательница И. И. Несмеянова подводит итог: «Можно утверждать, что Николай I, считавший себя "русским", имевший привычку говорить при дворе по-русски, пропагандировал родной язык и в собственной семье, оказывая определенное "речевое" давление, как глава Дома, и среди придворных. Однако речевая инновация императора, отвечавшая его политике сохранения самобытности, впоследствии не превратилась в традицию: двор по-

³¹² Письма А. Ф. Тютчевой к М-ле Граней // Николай I: Муж. Отец. Император / Сост., предисл. Азаровой Н. И. М., 2000. С. 554–555.

³¹³ Кюстин А. Россия в 1839 году. В 2 т. Т.1. С. 292.

³¹⁴ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Полн. собр. соч. [В 16 т.] Т. 6. [М.; Л.], 1937. С. 63.

³¹⁵ Мальцев С. И. Из воспоминаний // Зап. Моск. отд. Имп. Русского технического общества. 1866. Вып. 4. С. 40.

³¹⁶ Черейский А. А. Пушкин и его современники. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989. С. 433.

³¹⁷ Чиждова И. Б. Хозяйки литературных салонов Петербурга первой половины XIX в. С. 68.

прежнему оставался преимущественно франкоязычным»³¹⁸. Можно добавить, что в дипломатической переписке Министерства иностранных дел французский язык был в употреблении до 1887 г.

³¹⁸ *Несмеянова И. И.* Быт императорского двора первой половины XIX в. С. 19.

Свита играет короля: императорская свита, дворцовые гренадеры, конвой

Императорскую главную квартиру составляли: Свита Его Императорского Величества, военно-походная канцелярия, Собственный Его Императорского Величества Конвой, рота дворцовых гренадер и лейб-медики. Во главе квартиры стоял командующий, должность которого со вступлением на престол Александра II (точнее – с 1856 г.) стала совмещаться с должностью министра императорского двора.

Свита Его Императорского Величества

Еще в 1711 г. в России впервые появляются должности генерал-адъютанта и флигель-адъютанта. С 1713 г. генерал-адъютанты стали назначаться при монархе, а с конца XVIII в. названные должности окончательно перестают связываться с постоянным исполнением адъютантских обязанностей и превращаются в почетные звания. Оба звания (генерал-адъютант и флигель-адъютант) стали даваться лицам, уже имевшим военные чины.

В начале XIX в. складывается понятие «Свита Его Императорского Величества», объединявшее всех генерал- и флигель-адъютантов. Роль свиты в это время возрастает, для Александра I члены свиты были ближайшим кругом общения. Представители свиты выезжали вместе с ним в войска на ежедневный парад, сопровождали в пеших и конных прогулках, на балах, придворных церемониях, обедали с ним. Отношения с ними императора были дружескими и неформальными. Попасты в свиту было престижно, и Александру I приходилось выдерживать подчас сильный натиск матушек, которые пытались пристроить своих взрослых сыновей в свиту в качестве флигель-адъютантов вопреки их воинским доблестям и прочим заслугам.

Назначение в свиту даже флигель-адъютантом означало особую честь. Для Александра I, а позднее и для Николая I это решение тщательно обдумывалось, и одной протекции или личного расположения было мало.

Весьма характерен эпизод в упоминавшихся уже воспоминаниях бывшей фрейлины графини Шуазель-Гуфье, предпринявшей поездку в Царское Село в 1824 г., чтобы ходатайствовать за своего пасынка, первого сына своего мужа. Несмотря на весьма любезный прием дамы, которую он после встречи в парке поселил в Александровском дворце, император через некоторое время отказал ей в просьбе. Графиня пишет: «Затем государь сказал, что моя просьба относительно займа удовлетворена; в то же время он высказал сожаление, что не может исполнить другую просьбу. Старший сын графа Ш., служивший в России с ранней юности, вернее – с детства, очень желал получить место адъютанта при его величестве и просил меня ходатайствовать за него. Мне очень хотелось устроить это дело, и, не зная, насколько оно трудно, я употребила все средства, чтобы достигнуть желанной цели. "Я принужден, – сказал государь, – ответить вам откровенно, как лицу, которое я люблю и уважаю. Я не могу дать молодому человеку, который до сих пор не был на действительной службе, место, считающееся наградой за многолетнюю службу". – Я напомнила об одиннадцати годах службы моего пасынка. "Одиннадцать лет, – возразил государь, – много ли это в сравнении со службой стольких заслуженных офицеров в Польше – полковников, считающих лет двадцать службы? И какой службы! Вечно на войне, в ранах и т. д. Все они стремятся получить это место; поэтому я по справедливости не могу дать его этому молодому

человеку. Поставьте себя на мое место; нанести им такую обиду...»³¹⁹ Никакие чары графини не помогли.

В обязанности чинов свиты входило выполнение специальных поручений императора (наблюдение за рекрутскими наборами, расследование крестьянских беспорядков и т. п.), сопровождение прибывающих в Россию «иностранных высочайших особ», дежурство при императоре во дворце или на церемониях вне дворца, присутствие в свободное от других служебных занятий время «на всех выходах, парадах, смотрах... где его величество изволит присутствовать»³²⁰.

Первоначально свита входила в состав Квартирмейстерской части военного ведомства, а при Николае I была включена в Императорскую главную квартиру, подведомственную Военному министерству.

Император Николай I, будучи великим князем, немало времени провел в среде генерал- и флигель-адъютантов, что считал неплохой для себя школой жизни. «До 1818 года, – пишет Николай Павлович, – не был я занят ничем; все мое знакомство со светом ограничивалось ежедневным ожиданием в передних или секретарской комнате, где, подобно бирже, собирались ежедневно в 10 часов все гг. генерал- и флигель-адъютанты, гвардейские и приезжие генералы и другие знатные лица, имевшие допуск к государю. В сем шумном собрании проводили мы иногда час и более, доколе не призывали к государю военного генерал-губернатора с комендантом, и вслед за ними все генерал-адъютанты и полковые адъютанты с рапортами, и мы с ними, и представлялись фельдфебеля и вестовые... Время не было потерей времени, но драгоценной практикой для познания людей и лиц – я этим воспользовался»³²¹.

«Как правило, – отмечает историк Л. Е. Шепелев, – военные не имели придворных чинов и званий, но те из них, кто пользовался особым доверием императора, образовывали военную свиту. Формально свита не являлась частью императорского двора, но фактически составлявшие ее лица отождествлялись с придворными и участвовали в различного рода придворных церемониях»³²². Формально свита находилась в ведении Военного министерства, и ее представители только с 1908 г. постоянно стали включаться в Придворный календарь³²³.

В 1827 г. для военных чинов IV класса были установлены особые звания – свиты его величества генерал-майор и свиты его величества контр-адмирал (первые их пожалования состоялись в 1829 г.). С этого времени звание генерал-адъютанта стало присваиваться лишь военным II–III классов. Сохранялось оно и за генерал-фельдмаршалами (например, в 1830–1831 гг. звание генерал-адъютанта имел генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич). Наконец, в 1811 г. появляется еще одно свитское звание – *генерал, состоящий при особе императора* (существовало до 1881 г.). Обычно оно давалось полным генералам (II класс).

По закону пожалование в свиту производилось «по непосредственному государя императора усмотрению», причем число лиц свиты не ограничивалось. По царствованиям назначения в свиту распределялись следующим образом: Павел I – 93, Александр I – 176, Николай I – 540 пожалований. Таким образом, царствование Николая I было важным рубежом в истории свиты. В его царствование, сопоставимое по продолжительности с временем царствования Александра I, ее численность увеличилась в три раза. Больше всего назначений было в

³¹⁹ [Шуазель-Гуфье] Исторические мемуары об императоре Александре I и его дворе графини Шуазель-Гуфье. С. 252–253.

³²⁰ Цит. по: Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 413.

³²¹ Цит. по: Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Кн. 1. М., 1997. С. 142.

³²² Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 395.

³²³ Там же. С. 411.

царствование Александра III – 939 человека, а вот при Александре III – всего 43 лица. Общая численность свиты составляла к концу царствования Александра I – 71 человек, Николая I – 179, Александра II – 405 и Александра III – 105³²⁴. Только в период с 14 декабря 1825 г. по Новый год были назначены 20 новых генерал-адъютантов и 38 флигель-адъютантов³²⁵. В своем духовном завещании Николай I не забыл об этих людях.

Персональный состав свиты был довольно случайным, учитывались стаж и послужной список генералов и личное расположение государя. Николай I постарался возвысить это звание, назначив 25 декабря 1825 г. в генерал-адъютанты Дмитрия Николаевича Сенявина (1763–1831), отличившегося в 1807 г. во время 2-й Архипелагской экспедиции в Эгейском море и с 1813 г. находившегося в отставке³²⁶. В том же году он стал полным адмиралом.

Вскоре после воцарения император Николай не замедлил вспомнить об одном из опальных деятелей прошлого царствования, бывшем генерал-адъютанте императора Александра I, светлейшем князе Александре Сергеевиче Меншикове (1787–1869). 24 ноября 1824 г. в чине генерал-майора А. С. Меншиков был уволен в отставку. Николай Павлович вызвал князя Меншикова из Москвы, тот немедленно выехал 29 декабря 1825 г. и, прибыв в Петербург 1 января 1826 г., остановился у графа А. Ф. Орлова. На другой день князь Меншиков явился к возвратившемуся уже из Таганрога генерал-адъютанту Дибичу, предложившему ему начальство над Кавказской линией; но князь отказался от подобного назначения. 3 января князь Меншиков был принят императором Николаем; государь предложил ему ехать с особым поручением в Персию. После разговора с государем в высочайшем приказе от 6 января 1826 г. объявлено было: «Уволенный из свиты его императорского величества по квартирмейстерской части генерал-майор князь Меншиков – в ту же часть»³²⁷. Так началась настоящая карьера А. С. Меншикова, в дальнейшем адмирала, начальника Морского штаба (1827), с 1831 г. – Главного морского штаба (с 1836 г. – с правами морского министра), одновременно финляндского генерал-губернатора (с декабря 1831 г.) и члена Государственного совета (с 1830 г.).

Некоторые генерал-адъютанты участвовали в воспитании и обучении сыновей Николая Павловича. Среди них были: генерал-адъютант Александр Александрович Кавелин (1793–1850); бывший помощник воспитателя при цесаревиче Александре Николаевиче, упоминавшийся уже Семен Алексеевич Юрьевич (с 1837 г. он был флигель-адъютантом), Л. И. Философов. Воспитателем великого князя Константина Николаевича был упоминавшийся адмирал и президент Русского географического общества Федор Петрович Литке (1797–1882).

В статье 23 духовного завещания от 4 мая 1844 г. Николай I изъявил благоволение всей своей свите: «Искренне благодарю всех бывших при мне господ генерал-адъютантов, генералов моей Свиты и флигель-адъютантов за верную их службу; прошу их с тою же любовью и преданностью служить моему сыну»³²⁸. После кончины императора всем членам свиты были разосланы выписки из этого документа. Позднее им были вручены бронзовые медали в память кончины императора Николая³²⁹.

Среди флигель-адъютантов были многие незаурядные личности, например герой Наварина Ф. Г. Гейден (флигель-адъютант с 3 апреля 1849 г.)³³⁰. Другие были своими людьми

³²⁴ Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 412.

³²⁵ Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Кн. 1. М., 1997. С. 356.

³²⁶ Там же. С. 356–357.

³²⁷ Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Кн. 1. М., 1997. С. 357–358.

³²⁸ Духовное завещание в Бозе почившего Государя Императора Николая Павловича. 4 мая 1844 г. Там же. С. 463.

³²⁹ Фрейман О. Р. С. 356.

³³⁰ Там же. С. 355.

при дворе. Например, друг Николая I с детских лет Владимир Федорович Адлерберг (1791–1884), ротмистр лейб-гвардии Конного полка, побочный сын великого князя Константина Павловича Павел Константинович Александров (1808–1857), граф, состоявший при императрице Александре Федоровне, Степан Федорович Апраксин (1792–1862). Доверенное лицо Николай Павловича, его адъютант с 1819 г. флигель-адъютант Василий Алексеевич Перовский (1795–1857), младший брат Л. А. Перовского, сопровождал дочерей императора в Москву на коронацию³³¹. Будущий оренбургский генерал-губернатор, внебрачный сын графа А. К. Разумовского, в 1855 г. вместе со старшим братом он получил титул графа.

После кончины цесаревича Константина Павловича его адъютанты перешли к Николаю I и позднее стали флигель-адъютантами. Великая княжна Ольга Николаевна скептически пишет о новых адъютантах: «Между ними были чужие и безродные, умные люди или просто красавцы, как, например, американец Монго или Безобразов, любимец всех дам»³³². Прозвище Монго имел Алексей Аркадьевич Столыпин, внук графа Н. С. Мордвинова, двоюродный дядя М. Ю. Лермонтова³³³. Ротмистр лейб-гвардии Кирасирского полка Сергей Дмитриевич Безобразов (1801–1879) был назначен флигель-адъютантом в 1834 г., впоследствии – генерал от кавалерии. Это о нем ходили сплетни, что, столкнувшись с императором из-за дамы своего сердца, он осмелился протестовать и в ревности дал императору пощечину. Именно этим общественная молва объясняла высылку его из столицы³³⁴.

Флигель-адъютантом был граф Григорий Григорьевич Кушелев (1802–1855), полковник, впоследствии генерал-лейтенант, брат известного А. Г. Кушелева-Безбородко³³⁵. В 1846 г. был зачислен в свиту ЕИВ будущий генерал-адъютант (1849) и генерал от кавалерии (1866), командир лейб-гвардии Конного полка Петр Петрович Ланской (1799–1877), с 1844 г. женатый на вдове А. С. Пушкина Наталье Николаевне³³⁶.

Рота дворцовых гренaдер

Непременной частью дворцовых интерьеров были красочные фигуры дворцовых гренaдер в особых темно-зеленых мундирах, брюках, расшитых золотыми галунами, медвежьих шапках с золотым кутасом (шнуры с кистями), которые своим покроем напоминали шапки наполеоновских гвардейцев.

На сабле был офицерский темляк. Гренaдеры, как это видно на картине А. И. Ладюрнера «Гербовый зал Зимнего дворца» (1834 г.), эффектно смотрелись в дворцовом интерьере. Общим требованием было блюсти усы и баки.

В Петербурге за золотой мундир дворцовых гренaдер прозвали «золотой ротой». Мимо царя гренaдеры ходили строем так называемым тихим шагом – 72–75 шагов в минуту вместо 107–110, определенных для маршировки на больших парадах. Ротное знамя представляло собой бархатное полотнище, на нем был изображен золотой парчовый крест с надписью: «В воспоминание – подвигов – Российской – Гвардии». Знамя хранилось в специальном сафьяновом ларце. В дни торжеств его устанавливали в Военной галерее у портрета Александра I.

³³¹ *Ольга Николаевна*. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 179.

³³² Там же. С. 188.

³³³ *Чичерин Б. Н.* Воспоминания: Москва сороковых годов. М., 1991. С. 112.

³³⁴ *Скрынников Р. Г.* Дуэль Пушкина. С. 139.

³³⁵ Письмо В. Н. Репниной к В. А. Репниной-Волконской // Российский архив. Т. ММІ. М., 2001. С. 70.

³³⁶ *Пчелов Е. В.* Ланские // Отечественная история: Энциклопедия. Т. 2. М., 2000. С. 280–281. См. также: *Тоболина Г., Едомский М.* Конногвардейский манеж. СПб. С. 126.

Р. К. Жуковский. Дворцовый гренадер. Литография. 1840-е гг.

Рота дворцовых гренадер была создана именным указом от 2 октября 1827 г. № 1436 «из гвардейских отставных нижних чинов, бывших в походах против неприятеля и только по распоряжению императора». Об обязанностях роты в указе говорилось: «Рота имеет только присмотр или полицейский надзор во дворце, а в большие праздники дает во дворце почетный караул и посты... другой строевой службы не несет». Дворцовые гренадеры наблюдали за коллекциями Эрмитажа и следили за порядком в Зимнем дворце. Рота участвовала и во всех празднованиях, связанных с открытием памятников военной истории³³⁷.

Первоначально рота состояла из 120 солдат, представлявших 17 гвардейских частей, но больше всего было бывших конногвардейцев и измайловцев, причем бывшим кавалеристам пришлось переучиваться по пехотным артикулам. Среди гренадер было 69 награжденных знаком отличия Военного ордена. Трое офицеров роты, выслужившихся из нижних чинов, имели знаки отличия за Бородино. Рота находилась в ведении Министерства двора, но по строевой части подчинялась командиру Гвардейского корпуса³³⁸. Командиром роты был назначен капитан (впоследствии – полковник) Егор Григорьевич Качмарев, поручиком – Василий Михайлович Лаврентьев. Рота была на привилегированном положении. Кроме оклада (унтер-офицерам как прапорщикам, гренадерам первой статьи как фельдфебелям, гренадерам второй статьи как унтер-офицерам) Николай I пожаловал по второму окладу:

³³⁷ Антонов Б. И. Императорская гвардия в Санкт-Петербурге. СПб., 2001. С. 100–101.

³³⁸ Подробнее о роте см.: Гринев С. А. История роты дворцовых гренадер. К столетию Отечественной войны. 1812–1912. СПб., 1912; Вилинбахов Г. В. К истории роты дворцовых гренадер // На рубеже двух эпох 1801–1825; 1825–1855: Тезисы докладов II Царскосельской научной конференции. СПб., 1996. Судьба одного из гренадер этой роты стала сюжетом исторической повести «Судьба дворцового гренадера» Владислава Михайловича Глинки (1903–1983), музейного работника, историка и искусствоведа, специалиста в области военной униформы, много лет проработавшего в Государственном Эрмитаже. Она же стала темой дипломной работы выпускницы исторического факультета СПбГУ Виктории Румянцевой.

унтеры стали получать семьсот рублей в год, гренадеры первой статьи – по триста пятьдесят, а второй – по триста рублей.

Рота приступила к службе в дворцовых покоях с понедельника 9 ноября 1827 г. После восстановления Зимнего дворца было принято новое «Положение об управлении Императорским Зимним Его Императорского Величества дворцом», на которое 7 апреля 1840 г. была наложена резолюция Николая I: «Быть по сему». В § 19–22 были более четко прописаны обязанности гренадер. Поддержание внутреннего порядка во всех внутренних покоях, залах и комнатах возлагалась на них, а в прочих помещениях (коридоры, лестницы, подъезды, дворы и окружность дворца) – «на майора от ворот». К внутреннему порядку были отнесены: «Совершенная чистота; исправная чистка полов, мебели, окон и прочих принадлежностей; своевременная топка печей и каминов; содержание определенной степени теплоты; свежесть и чистота воздуха; освещение в должное время, и должная от огня осторожность». «Непрерывное и точное наблюдение за всем этим, – говорилось в «Положении», – возлагается на обязанности командира роты дворцовых гренадер, дежурных офицеров оного и самих гренадер»³³⁹.

В «Дополнении» к указанному «Положению» от 25 апреля 1840 г. отмечалось, что к управлению Императорским Зимним дворцом «присоединяются также все прикосновенные к сему дворцу здания: эрмитажные, театральные и вновь возводимого императорского музея»³⁴⁰.

По сравнению с другими войсками они имели ряд уставных и материальных преимуществ. Офицеры роты, говорилось в указе, «имеют чин старой гвардии». В частности, фельдфебель роты приравнивался по чину к подпоручику, а унтер-офицер – к прапорщику армии, рядовые – к унтер-офицерам армии с соответствующими окладами. Сверх жалованья им выплачивались суммы, полагающиеся им как «комнатным инвалидам». В § 12 особо оговаривались правила отдания чести: «Нижние чины сей роты честь отдают одной императорской фамилии, фельдмаршалам, министру двора и начальнику Главного штаба Его Императорского Величества. Прочим генералам берут под приклад». Далее § 13 предусматривалось: «Нижним чинам сей роты часовые как гвардии, так и армии отдают честь»³⁴¹.

Название гренадер связано с названием одного из залов восстановленного Зимнего дворца. Смежный с Гербовым залом Пикетный, или Гренадерский, зал, замыкавший Большую анфиладу парадных залов дворца, использовался для разводов караулов. Его мраморные пилястры и барельефы были выполнены на мотивы холодного вооружения, как тогда говорили, военной арматуры³⁴². Как правило, в те дни, когда государь или кто-нибудь из императорской семьи посещал Придворный собор, здесь также выставлялся караул из роты дворцовых гренадер³⁴³.

Дворцовые гренадеры присутствовали во время торжественных церемоний. В 1832 году по специальному указанию Николая I в связи с торжественной процедурой поднятия Александровской колонны караул из роты дворцовых гренадер был поставлен вверху на подмостках сооруженных лесов³⁴⁴.

³³⁹ Положение об управлении Императорским Зимним Его Императорского Величества дворцом. СПб.: В Военной типографии, 1840. С. 6–7.

³⁴⁰ Дополнение.... «быть по сему». В СПб. 25-го апреля 1840 г. С. 11.

³⁴¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). 2-е изд. Т. 1. № 1436.1827. № 1436. Октября 2. Именной, данный Министру Императорского Двора. Об учреждении роты дворцовых гренадер. С приложением штатов (в конце тома). С. 865–886.

³⁴² Несин В. Зимний дворец в царствование последнего императора Николая II. СПб., 1989. С. 95.

³⁴³ Там же. С. 98.

³⁴⁴ Шуйский В. К. Огюст Монферран: история жизни и творчества. М.-СПб., 2005. С. 201.

В 1834 г., во время принесения наследником Александром Николаевичем в Георгиевском зале офицерской присяги, здесь было выставлено 4 взвода гренадер³⁴⁵. В 1840 году, 8 сентября, они были участниками торжественной встречи принцессы Марии Гессенской, невесты великого князя Александра Николаевича, будущей великой княгини и императрицы Марии Александровны. Войска встречали принцессу начиная с Чесменской богадельни, но последними, уже во дворце, были гренадеры. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала: «На ступеньках лестницы, ведущей из Большого двора во дворец, стояли по обеим сторонам дворцовые гренадеры»³⁴⁶.

После завершения строительства Большого Кремлевского дворца караульную службу там несли усиленные наряды также с участием дворцовых гренадер.

В архивных фондах сохранились документы о выдаче гренадерам денег на амуницию и на разные пособия. Так, командиру роты дворцовых гренадер полковнику Качмареву «на постройку состоящим в Санкт-Петербурге нижним чинам сей роты годовых амуничных вещей по сроку с 1851 года примерно 1500 рублей»³⁴⁷. Гренадерам в Петербурге и Москве регулярно выдавались деньги на именины и крестины³⁴⁸, а также единовременные пособия в виде трети оклада (28 р. 58 к.) при увольнении от службы³⁴⁹. В этом случае им полагались и пенсии в виде оклада.

Конвой Его Императорского Величества

Во время торжественных военных церемоний, в частности, во время следования императорской четы, процессию возглавлял обычно Собственный Его Императорского Величества Конвой, за которым следовали подразделения Кавалергардского и Конногвардейского полков, далее за каретой императрицы – взводы гвардейской легкой кавалерии, которые замыкали все шествие³⁵⁰. Именно эскортирование высочайших особ было важнейшей составляющей службы конвоя. Представителя императорской фамилии встречали в строю лицом к нему. Затем после салютования конвой перестраивался; перед экипажем были горцы, позади – казаки. Офицеры в седле были с обнаженными клинками, а нижние чины с ружьями в правой руке, трубачи в одной шеренге. Во время маневров и учений при императоре при нем неотлучно дежурил офицер-ординарец из конвоя. Несли они также и караульную службу в Зимнем дворце (Большой зал, Помпеева галерея, Малый фельдмаршалский зал), а также в Царском Селе и Петергофе. Конвой выполнял также различные церемониальные функции во время встреч высочайших гостей и во время последующих коронаций, военнослужащие составляли «шпалеры» (то есть стояли в отдельном строю).

Предшественниками Конвоя обычно считают Донскую и Чугуевскую казачьи команды, а также «выборный» гусарский лейб-эскадрон, несший конвойную службу при Екатерине II. Специалисты датируют образование Конвоя 18 мая 1811 г., когда по указу Александра I была создана казачья сотня Черноморского войска, входившая в состав лейб-гвардии Казачьего полка. За отличие в Лейпцигской битве 4 октября 1813 г. ей были пожа-

³⁴⁵ Уортман Р. Сценарии власти... С. 467.

³⁴⁶ Ольга Николаевна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 274.

³⁴⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 3. (Кабинет ЕИВ). Д. 165.

³⁴⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 3. (Кабинет ЕИВ). Д. 173.0 выдаче в Московскую дворцовую контору суммы для выдачи состоящим в отряде роты дворцовых гренадер при Кремлевском дворце гренадерам всемилоостивейше пожалованных им денег на именины и крестины. 1851 г. 28 л.

³⁴⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 3. Д. 207. О выдаче гренадеру 1 ст. Сигнатову, уволенному вовсе от службы из роты дворцовых гренадер, в единовременное пособие третной оклад – 28 р. 58 к. 1851 г. – 2 л.

³⁵⁰ Данченко В. Г. Военные церемонии // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. В 3 т. Т. II. Деятнадцатый век. Кн. 1. А-В. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.

лованы Георгиевский штандарт и серебряные трубы, этот день Св. Иерофея стал праздником Конвоя.

1 мая 1828 г. из знатных «горских уроженцев» был сформирован для несения конвойной службы при императоре отдельный взвод. Это были кабардинцы, черкесы (адыги), чеченцы, ногайцы и кумыки. В 1830 г. это уже был лейб-гвардии Кавказский полуэскадрон Собственного Его Императорского Величества Конвоя. По штатам 1830 г. в полуэскадроне было 5 офицеров, 9 юнкеров, 40 оруженосцев. Они практически не знали русского языка, им разрешалось иметь при себе мусульманского священнослужителя и готовить пищу с соблюдением религиозных правил. Имея традиционное вооружение, в кольчугах и с длинными ружьями, они выглядели весьма эффектно. В августе 1829 г. 17 человек изъявили желание поступить на учебу в Дворянский полк. В связи с этим А. Х. Бенкендорф составил инструкцию, в которой, в частности, был пункт: «... Не давать свинины и ветчины. Строго запретить насмешки дворян и стараться подружить горцев с ними... Телесным наказаниям не подвергать: вообще наказывать только при посредстве прапорщика Туганова, которому лучше известно, с каким народом как обходиться»³⁵¹.

В июне 1830 г. с Кавказа прибыло еще 40 юношей, а в дальнейшем в военноучебные заведения С.-Петербурга принималось в среднем по 30 человек. В 1832 г. состав Собственного Его Императорского Величества Конвоя расширился: из всех полков Кавказского линейного казачьего войска была сформирована команда Кавказского казачьего линейного войска (лейб-гвардии кавказско-линейный полуэскадрон).

27 июля 1833 г. Долли Фикельмон упомянула о маневрах в Гатчине: «Черкесский князь, которого зовут ханом Гиреем – очарователен на коне, у него интересная голова, а живописный костюм придает ему некую оригинальность, своеобразие, что может нравиться»³⁵². Речь шла о князе Махмет Гирее (Хан-Гирее) Гирееве (1808–1842), адыгском военном, общественном и политическом деятеле, историке, писателе; начавшем службу на Кавказе в армии А. П. Ермолова. В 1825 г. он был зачислен сотенным есаулом в Черноморский казачий эскадрон, участник русско-персидской и русско-турецкой войн, военных действий в Польше, где произведен в штабс-ротмистры; в 1830 г. переведен в Кавказско-горский полуэскадрон и с 1831 г. стал его командиром, с 1833 г. – ротмистр, с 1837 г. – полковник и флигель-адъютант.

На маневрах под Калишем в 1835 г. в Царстве Польском 500 всадников в азиатских одеждах поразили воображение присутствующих джигитовкой и инсценировкой сражения³⁵³. Каждая команда имела свою национальную одежду – черкески, бешметы разных цветов, папахи и т. д. Заметным событием в истории Кавказа и Закавказья был приезд в 1837 г. Николая I. В Грузии Николай Павлович посетил бывшую турецкую крепость Ахалцых и по новой дороге в Боржомском ущелье отбыл в Ахалкалаки. «Меня везде принимают весьма радушно, – сообщал он И. Ф. Паскевичу из Ахалцыха 1 (13) октября. – Везде дворянство молодцы, у меня в карауле и конвое, а сегодня были турки и армяне»³⁵⁴. Сопровождавшие императора горцы были награждены специально выбитой медалью.

После этой поездки 6 октября 1837 г. указом Николая I было предписано присылать каждые два года в лейб-гвардии Кавказский полуэскадрон по 12 человек «из знатнейших горских фамилий»³⁵⁵. Таким образом, каждые два года происходила ротация. Это рассматривалось и как фактор сближения с народами Кавказа. 30 апреля 1838 г. для конвоя была

³⁵¹ Цит. по: Данченко В. Г., Жерихина Е. И. Конвой // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. Т. II Девятнадцатый век. Кн. 3. К-Л. СПб., 2004. С. 344.

³⁵² Фикельмон Д. Дневник. М., 1999. С. 284.

³⁵³ Ольга Николаевна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 373. См. также С. 377.

³⁵⁴ Николай – И. Ф. Паскевичу, 1 (13) октября 1837 г. // Николай I. Муж. Отец. Император. М.: Слово, 2000. С. 488.

³⁵⁵ Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. С. 533.

образована команда лезгин. Николай Павлович следил за формированием этой экзотической части конвоя. Свидетельством этого являются письма к наследнику Александру. В письме от 5 (17) октября 1838 г. он сообщал: «Отработав, ездил я к М. П. (Михаилу Павловичу. – А. В.) и делил прибывших прекрасных людей с Кавказа»³⁵⁶. В следующем письме к сыну от 25 ноября (6 декабря) того же года он писал: «Потом смотрел штук 20 черкесов, вновь привезенных; есть славные ребята»³⁵⁷. Черкесами тогда называли всех адыгейцев, а еще шире – и всех представителей горских народов.

В 1839 г. в составе конвоя появилась команда Закавказского Конно-Мусульманского полка (азербайджанцев и закавказских турок) из чинов этого полка, сформированного в Закавказье. Иностранные наблюдатели, присутствовавшие на маневрах, так же как и вся западная пресса, обычно всех представителей народов Кавказа называли черкесами. Об участии черкесов вместе с казаками на маневрах в Красном Селе 14 августа 1839 г. писал Фридрих Гагерн³⁵⁸. Другой мемуарист, В. В. Гаффнер, описывая учения в 1846 г., заметил: «... Ученье конным черкесам... Последние на ходу стреляли из своих пистолетов и длинных ружей в цель, укрепленную на земле»³⁵⁹.

В 1855 г. при конвое был сформирован лейб-гвардии Кавказский казачий эскадрон, а по указу Александра II от 18 ноября 1855 г. все команды были соединены в лейб-гвардии Кавказском эскадроне Собственного Его Императорского Величества Конвоя (команда грузин, горцев Кавказа, лезгин, джарцев (лезгин Прикаспийского края) и команда мусульман Закавказского края). Все гвардейцы должны были быть из знатных родов, ханов и беков. Конвой стал состоять из двух эскадронов, каждый в четыре взвода.

В 1863 г., после расформирования иррегулярного в составе армии Крымско-Татарского эскадрона, часть татар составила подразделение в составе Конвоя. В конце 1876 г. казаки в Конвое были представлены двумя Кубанскими и одним Терским эскадронами, затем в конце 1881 г. формируется еще один Терский эскадрон. По новому положению 1891 г. эскадроны переименовывались в сотни, конвойную службу стали нести две Кубанские и две Терские казачьи сотни³⁶⁰.

³⁵⁶ Там же. С. 143.

³⁵⁷ Там же. С. 223.

³⁵⁸ Гагерн Ф. Дневник путешествия по России в 1839 году. С. 693.

³⁵⁹ Гаффнер В. В. Три недели в России. С. 261.

³⁶⁰ Антонов Б. И. Императорская гвардия в Санкт-Петербурге. С. 52–53.

Придворнослужители

На рубеже XVIII–XIX вв. первый этаж Зимнего дворца предназначался для многочисленных служебных и хозяйственных помещений: здесь размещались кухни, придворная аптека, сервизные комнаты, большое число кладовых, а также комнаты для гвардейского караула. По всем дворцовым должностям числилось более семисот человек. Историк В. Глинка писал в одной из своих книг: «И кого среди них только нет! Чиновники всех рангов и писцы различных канцелярий, швейцары и скороходы, официанты, повара с кухонным штатом и кондитеры, ламповщики и полотеры, истопники и трубочисты, обойщики и столяры, маляры и слесари, кладовщики с помощниками при сервизных, бельевых, винных, кофешенских, мучных, фруктовых и других кладовых, занимающих почти весь нижний этаж дворца, среди которых втиснулась еще аптека с огромными очагами, обслуженная двадцатью аптекарями и помощниками. А ведь прачечные и гладильные, конюшенные, экипажные и многие другие заведения находятся еще в нескольких больших зданиях, где также копошатся тысячи служителей и мастеров придворного ведомства.

Однако здесь-то, в Зимнем, пожалуй, тяжелее всех достается чинам двух пожарных рот. Называются они инвалидными, но люди все здоровые, хотя и не рослые. Казармы их помещены на чердаках в разных концах дворца.

Рано утром, вечером и ночью пожарные патрули обходят помещения, следят за топкой печей, за работой трубочистов, проверяют дымоходы и душники. В отведенным им сараях чистят и смазывают выписанные из Англии машины-водокачалки, на дворах в сухую погоду проверяют "рукава" для подачи воды, похожие на длинных змей, поднимают до окон второго этажа складные лестницы и взбегают по ним по команде своих офицеров. Да, горят, в каждой роте по дежурному взводу на случай пожара спят одетыми, будто в воинском карауле»³⁶¹. Впрочем, это не уберегло от пожара в 1837 г.!

Действительно, учреждения двора обслуживались большим штатом чиновников и служителей. Многие из них проживали в непарадных помещениях дворцов. В середине XIX в. только в Зимнем дворце ютилось более двух тысяч человек, главным образом прислуги. Руководство отдельными службами двора обычно возлагалось на лиц, имевших особые придворные чины³⁶². Финансами и убранством дворцовых интерьеров заведовал камер-цалмейстер, размещением придворных служителей в императорских дворцах и на обывательских квартирах занимался гоф-штаб-квартирмейстер, винными погребами заведовали келлермейстеры.

Сами же придворнослужители делились на две категории. Первую составляли высшие служители, включенные в систему чинопроизводства. К разряду высших служителей относились гоф-фурьеры, гардеробмейстеры, камердинеры, метрдотели и официанты: мундшенки (виночерпии), кофишенки (кофешенки), кондитеры, тафельдекеры (накрывающие стол) и прочие (обычно им присваивался чин XII класса).

Камердинеры были наиболее приближены к высочайшим особам. Они приглашали в комнату на прием. Сам термин был заимствован из немецкого языка в конце XVII в. (*нем.* Kammerdiener, от Kammer – комната и Diener – слуга. Впервые фиксируется в «Письмах и бумагах Петра Великого» в 1706 г.). Мундшенки традиционно отвечали за своевременную подачу к столу разных напитков (вина, пива, кваса, питьевого меда, минеральной воды и других прохладительных напитков), а кофишенки (кофешенки) – чая, кофе и горячего шоколада. Мундшенки и кофешенки, так же как и тафельдекеры, должны были выполнять ука-

³⁶¹ Глинка В. М. Судьба дворцового гренадера. М., 1990. С. 13

³⁶² Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 399.

зания и гоф-фурьеров. Камер-фурьеры наблюдали за порядком во дворце и распоряжались дворцовой прислугой: камер-лакеями, лакеями, гайдуками, скороходами, камер-пажами...

При незначительности окладов партикулярные люди поступали на службу с целью приобрести известные права и преимущества, связанные со званием придворнослужителя, переходившие на их детей. Лица податных сословий при поступлении на придворную службу исключались из прежнего состояния³⁶³. После отставки придворнослужители могли рассчитывать на пенсии и различные награды, иногда весьма существенные.

При воцарении Павла I, в отличие от придворных кавалеров, лишившихся места при дворе, придворнослужители и рядовые Кавалергардского полка были перед отставкой обласканы. Все старые кавалергарды были повышены чином и могли выбрать самостоятельно место дальнейшей службы (через 6 недель их дежурства во дворце прекращались). Придворнослужители получили щедрые награды.

По штату, утвержденному Александром I в 1801 г. «особо», при комнатах государя было 4 камердинера с окладом 600 руб. Возможно, одним из них был Иван Гесслер, состоявший камердинером Александра Павловича еще в бытность его великим князем. «При должностях» по штату 1801 г. числилось 6 мундшенков с окладом по 600 руб., при них помощников – 12 (180), работников – 9 (80). Аналогичный штат и оклады были при должностях кофишенкской и тафельдекерской. Кондитеров было 4 (800), подкондитеров – 4 (225), кондитерских учеников – 10 (180), келлермейстеров, занимавшихся винными погребами, – 2 (350), их помощников – 4 (200), писарей – 2 (150); «на наем разных потребных работников» отпускалось 2444 руб. Особые комиссары (придворная должность) с окладом в 350 руб. отвечали за обеспечение дровами, углем, различными продуктами и овощами («овощенная должность»). Особые лица хранили серебряную, медную и оловянную посуду. При них были писари и работники. В камер-цалмейстерской (мебельной службе) был главный комиссар с окладом 1000 руб. и т. д. Метрдотели были среди наиболее оплачиваемых работников: 6 человек с окладом 1200 руб. в год. В Эрмитаже за порядком следили гоф-фурьеры (2 человека по 600 руб.) и камердинеры (4 человека по 600 руб.).

Вторую категорию составляли низшие придворные чины, специализировавшиеся в утилитарной сфере. Согласно указу 1794 г., они должны были набираться из детей придворнослужителей, что превращало их в замкнутое придворное сословие, своеобразную касту³⁶⁴.

Как ни велико было число работавших во дворце разных лакеев, прежде всего попадавших на глаза при дворе, они, как отметил историк Константин Писаренко, – лишь вершина огромного айсберга, именуемого низшими придворными чинами³⁶⁵. Среди них были башмачницы, белошвей (золотошвей), брандмейстеры, ездовые, истопники, закройщики, камер-лакеи, кастелянши, кастрюльницы, конюшие (конюхи), кузнецы, кучера, няни, плотники, полотеры, портные, столяры, подсобные рабочие, прачки, парикмахеры, птичники, садовники, скороходы, трубочисты, уборщики и уборщицы, часовые мастера.

Среди женской прислуги были горничные разных рангов: камер-фрау, камер-юнгферы (от нем. *Kammerjungferin* – горничная), камер-медхины. Занимавшие эти низшие придворные должности женщины и девушки были горничными императрицы, великих княгинь и великих княжон. Камер-юнгферы занимались уборкой личных комнат, одеванием и раздеванием августейших хозяек, первые – покупкой и размещением тканей, женских туалетных и других принадлежностей; помогали иногда и камер-медхи-нам³⁶⁶. В XVIII в. на эти

³⁶³ Кутенов Н. Императорская охота на Руси: Исторический очерк Николая Кутепова. [Т. 4] XIX век. Н. Самокиш (художник). СПб.: Б. и., б. д. (1904). С. 209.

³⁶⁴ Придворные чины, придворное ведомство // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. XXV, полутом 49. СПб., 1898. С. 154–158.

³⁶⁵ Писаренко К. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. С. 60.

³⁶⁶ Там же. С. 62.

должности назначались жены денщиков и лакеев или немки и финки, отличавшиеся чистоплотностью. При организации в 1765 г. Мещанского училища учитывалась и потребность в подготовке образованных девиц для дворцовой прислуги. Даже такая низшая категория служительниц, как камер-медхины, могли в исключительных случаях рассчитывать на протекцию или помощь членов императорской семьи. Так, в 1848 г. из средств Кабинета было выдано «бывшей камер-медхине блаженной памяти государыни императрицы Екатерины II Елизавете Воиновой на уплату долгов 1000 рублей»³⁶⁷. На траурной церемонии похорон Николая I в 1855 г. камер-юнгферам предписывалось одеваться «против шестого класса».

По штату 1801 г. числилось с годовыми окладами: часовой мастер – 800 руб., камер-лакеев – 20 по 225 руб., скороходов – 8 по 225 руб., лакеев – 80 по 180 руб., истопников – 80 по 120 руб., фельдшеров (фершелов) – 10 по 120 руб., парикмахеров – 12 по 120 руб.

Судя по этому штату, при Александре I на какое-то время были восстановлены должности лиц для приготовления напитков. По штату 1801 г. числилось: «У варения медов и у сидения водок» – 1 (350 руб. в год); «у делания свеч» – 10 (350); при Николае I все это получали по подрядам от поставщиков. Кроме того, среди низшего рода служителей по штату 1801 г. было: «при дровах и угольях» – 1 (350 руб.); подключников – 4 (120 руб.), сторожей – 2; «у хранения сервизов» – зильбердинеров (чистильщиков серебра) – 1 (350 руб.), при нем помощников – 2 (200 руб.), служителей – 2 (120 руб.), писарь – 1 (150 руб.), работников – 4 (80 руб.), серебряников – 2 (100 руб.), присяжных – 4 (100 руб.). «В кухне главной», помимо упомянутых 6 метрдотелей, состояли мундкохи – 6 (500 руб.), кохи – 8 (350 руб.), повара – 16 (200 руб.), ученики – 12 (150 руб.). «В хлебной должности» мундкохов – 2 (500 руб.), бакмейстеров – 4 (350 руб.), хлебников – 4 (200 руб.), учеников – 6 (150 руб.), братмейстеров (брандмейстеров. – А. В.) – 4 (350 руб.), учеников – 8 (150 руб.), скатерников – 4 (400 руб.), учеников – 8 (150 руб.), пекарей – 4 (400), учеников – 4 (150 руб.), надзирателей при серебре – 6 (100 руб.), работников для чистки серебра – 8 (80 руб.), кастрюльниц – 6 (80 руб.), кихентрейберов – 2 (250 руб.). А были еще комиссары и помощники при уборке загородных дворцов, «инвалиды», портные – 8 (180), обойщики – 10 (180), присяжные – 4 (100), истопники, парикмахеры и др. Находившиеся при императоре 2 парикмахера получали по 600 руб. в год. «В прачешной у шитья сорочек» трудились: кастелянша – 1 (400), при ней помощница – 1 (250), бело-швей – 18 (100), чулочниц – 6 (100). «У мытья сорочек» было 18 прачек с окладом по 100 руб. в год.

В 1801 г. при комнатах императрицы Елизаветы Алексеевны было всего 20 человек: камер-фрау – 1 (500 руб.), камердинеров – 3 (600), парикмахеров – 2 (600), камер-юнгфер – 4 (500), камер-медхин – 5 (300) и др.

Штат вдовствующей императрицы Марии Федоровны был еще больше, он состоял из 25 человек³⁶⁸. Как свидетельствует графиня Шуазель-Гуфье, император Александр I «вникал в интересы всех своих слуг без исключения». Так, «встретив однажды в парке Царского Села баронессу Розен, муж которой, генерал на службе его величества, квартировал в этом городе, государь сказал ей: "Баронесса, я очень рад, что между вашим домом и моим вскоре состоится союз". Горничная баронессы Розен выходила замуж за пастуха, пасшего мериноров его величества»³⁶⁹.

Николай I обратил внимание на «высших служителей» сразу после вступления на престол. Возможности получения ими чинов (ранее до VI класса) были резко ограничены. В именном указе от 21 января 1826 г. предписывалось: «Придворным официантам, как то: гоф-

³⁶⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 1.4. 1. Д. 219. О выдаче бывшей камер-медхине блаженной памяти государыни императрицы Екатерины II Елизавете Воиновой на уплату долгов 1000 руб. 1848.– 4 л.

³⁶⁸ Штаты 1801 г. Л. 5 об.

³⁶⁹ [Шуазель-Гуфье] Исторические мемуары об императоре Александре I и его дворе графини Шуазель-Гуфье. С. 246.

фурьерам, мундшенкам, кофишенкам и тафельдекарам по разным узаконениям присвоены были классные чины; но в Придворном штате, изданном 18 декабря 1801 года, никому из них никакого класса не назначено; а потому повелеваю: отныне впредь придворным служителям, при производстве их в официанты, не давать классных чинов прежде, пока не прослужат они в официантском звании усердно и беспорочно 10 лет, а тогда по представлению начальства производить из них гоф-фурьеров и мундшенков в девятый, а прочих официантов в двенадцатый класс»³⁷⁰. Придворной конторой для гоф-фурьеров и ливрейных служителей были составлены специальные инструкции. Эти инструкции, которыми они должны были руководствоваться в своей службе, постоянно обновлялись³⁷¹.

Отличительной чертой российского придворного штата (в части обслуживающего персонала) было наличие династий чинов и служителей: члены одной семьи служили при дворе одновременно или на протяжении нескольких поколений, связав свою судьбу с судьбой династии Романовых.

Дочь А. О. Россет-Смирновой при публикации рассказов и заметок матери писала: «Придворная прислуга служила из поколения в поколение. Некие Матвеевы и Петровы служили со времени Елизаветы. Моя мать говорила: "Есть династии гоф-фурьеров, лакеев, даже истопников"»³⁷². Она же вспоминала о прислуге своей матери, знаменитой Марье Савельевне: «Она отличалась большим умом и сильным характером. Она осталась в семье моих родителей до самой смерти. Они ее очень уважали. К моей матери ее поместила императрица-мать (Мария Федоровна. – А. В.)... Ее бабушка служила у Елизаветы Петровны, ее мать – у императрицы Екатерины; сама она видела конец ее царствования, затем царствование Павла и покойного государя. Мои друзья приходят... чтобы поболтать с ней... Она рассказывает им истории из доброго старого времени, зовет Потемкина "герой Тавриды", а Суворова "наш фельдмаршал" и знает сплетни за целые сто лет. Пушкин очень любит ее; она напоминает ему старую няньку Арину. Он сказал мне: "Она никогда не видела другой деревни, кроме дворцовых садов, другой избы, кроме коттеджа, а все-таки от нее пахнет деревней"»³⁷³. По свидетельству А. О. Россет-Смирновой, А. С. Пушкин и другие ее гости пользовались выпавшей им возможностью послушать рассказы о прошлом: «В ожидании моем благородная компания никогда не скучает. Они заставляют Марью Савельевну рассказывать анекдоты про императрицу Елизавету Петровну и Екатерину Великую, так как Марья Савельевна много знает из прошлого. Ее бабушка была доверенным лицом у Чоглоковой, статс-дамы Екатерины в то время, когда та была еще великой княгиней. Мать Марьи Савельевны служила у императрицы Екатерины. Ей покровительствовала Марья Савишна Перекусихина (1-я камер-фрау императрицы Екатерины). Она знавала Храповицкого, Перекусихина даже была крестной матерью Марьи Савельевны»³⁷⁴.

Некоторые из служителей были ветеранами придворной службы. Для престарелых служителей часто находили посильные должности, позволявшие им достойно встретить старость. В 1826 г. указом императора Николая I был назначен штат служителей Екатерингофского дворца Петра I, ставшего в том году музеем: один гоф-фурьер, наблюдавший за его содержанием и сохранностью экспонатов; два истопника и три сторожа-инвалида. В тот же год в помощь гоф-фурьеру от Большого двора был откомандирован лакей, исполнявший роль

³⁷⁰ Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. 1. № 834 от 21 января 1826 г. Именной данный Сенату. О недаче придворным служителям при производстве их в официанты классных чинов, пока не прослужат они в этом звании 10 лет. С. 39.

³⁷¹ РГИА. Ф. 1338. Оп. 3. Вн. 58/121. Об истребовании из Придворной конторы нескольких экземпляров инструкций для гоф-фурьеров и ливрейных служителей. 1849. – 16 л.

³⁷² Записки А. О. Смирновой. С. 67.

³⁷³ Записки А. О. Смирновой. С. 67.

³⁷⁴ Там же. С. 114. См. также С. 67.

музейного гида. Первым смотрителем музея стал Михайло Пахомов 90 лет от роду, служивший прежде придворным камер-лакеем и помнивший еще императрицу Елизавету Петровну³⁷⁵. Многие унтер-офицеры отвечали за сохранность различных строений Придворного ведомства.

Поскольку оклады большей части дворцовой прислуги были очень малы, они дополнялись продовольственными пайками. По штату 1801 г. камер-лакеям, скороходам, лакеям, истопникам, другим служителям и работникам (всего 377 человек) выделялось хлебное жалованье: каждому в год по 10 четвертей ржи и по 1 четверти круп, полагая рожь по 7 руб., а крупу – по 10 руб. за четверть. Выдавались деньги и «на построение кафтанов». Еще при Елизавете Петровне за основу придворного платья придворнослужителей взяли российский военный мундир – кафтан и штаны зеленого, камзол – алого сукна. Знаком отличия стал цвет обшлага, которые у кофешенков, мундшенков, тафельдекарей были зелеными, у лакеев и скороходов – красными³⁷⁶. В особой гардеробной хранились для праздничных случаев так называемые статс-ливреи, богато расшитые золотом³⁷⁷. В камер-фурьерском журнале за 1826 г. отмечалось, что 1 января, в день Нового года, «ливрейные служители носили во весь день статс-ливрею»³⁷⁸. Тогда за выдачу мундиров, судя по всему, отвечал камер-фурьер Бабкин³⁷⁹. Фрейлина А. С. Шереметева, рассказывая о блестящей свадьбе Анны Щербаковой, заметила в письме матери от 30 октября 1833 г.: «Лакеи в красных ливреях и башмаках...»³⁸⁰

Существенным подспорьем для дворцовой прислуги была порой возможность прибрать к рукам неиспользованные продукты и напитки (когда они выписывались расточительно) или положить в карман деньги, сэкономленные во время покупок.

Несъеденные деликатесы с императорского стола также доставались прислуге. Самый невинный эпизод, связанный с пажами и относящийся к концу царствования Павла I, рассказал Евгений Вюртембергский: «За каждым стулом стоял паж, за стулом императора два камер-пажа в малиновых кафтанах (украшенных малым крестом Мальтийского ордена; они ожидали выпуска в армию капитанскими чинами)... Легкое прикосновение императора к стоявшему против него блюду с разным мороженым служило обыкновенным предварением близкого вставания из-за стола, что и происходило неизбежно по первому удару заповедных девяти часов... Я остался, наконец, с одними пажами, которые, не обращая никакого внимания на маленького... толпою кинулись на конфеты, оставленные по заведенному обычаю в жертву их хищничеству»³⁸¹.

Но это были невинные шалости временно исполнявших обязанности пажей молодых людей. Графиня Шуазель-Гуфье, гостившая в Петербурге в 1824 г., писала: «Так же, как в Царском Селе, нам дали здесь дворцовую прислугу, стол, экипаж и т. д. Слуги, славные люди, обожавшие своего августейшего повелителя, сменялись через каждые восемь дней. Так как оставшиеся после нас яства шли в их пользу, они закармливали нас до невозможности. Утром они нам подавали чай, шоколад, кофе, разные сласти; за этим следовал завтрак; в три часа обед с мороженым и самыми дорогими винами; вечером чай и затем ужин, хотя бы мы совсем не были расположены есть. Кроме того, в промежутках между этими трапезами они осведомлялись, не голодны ли мы»³⁸². Славное сочетание любви к монарху, рус-

³⁷⁵ Андреев Л. И. С. 176.

³⁷⁶ Писаренко К. С. 59.

³⁷⁷ Там же. С. 60.

³⁷⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. (28/1618). Д. 131. Камер-фурьерский журнал, 1826 г.

³⁷⁹ Там же. Л. 617 об.

³⁸⁰ [Шереметева Л. С.] Письма Анны Сергеевны Шереметевой С. 26.

³⁸¹ [Вюртембергский Евгений]. Юношеские воспоминания принца Евгения Вюртембергского // РА. 1878. Кн. 1. № 1. С. 65.

³⁸² [Шуазель-Гуфье] Исторические мемуары об императоре Александре I и его дворе графини Шуазель-Гуфье. С. 247.

ского гостеприимства и заботы о собственном пропитании! Интересно, что конфеты с тарелок точно так же исчезали и при дворе последнего монарха. Это была традиция!

Глава 2 Семейные даты государственного масштаба во власти этикета

Праздничные и табельные дни

Многочисленные торжества с осени до начала лета были стержнем дворцового «зимнего сезона», который начинался после возвращения в Санкт-Петербург с дач аристократии (конец сентября) и двора (конец октября) из пригородных резиденций.

С середины октября начинались спектакли в императорских театрах. Историк И. И. Несмеянова отметила «так называемые высокоторжественные дни при дворе, общегородские, государственные, календарные праздники с участием императорской фамилии и окружения. Выделяются следующие группы развлечений: общедворцовые, групповые, семейно-династические и индивидуальные. Первая группа представлена балами, маскарадами, народными гуляниями, зимними катаниями с гор, на санях, новогодней елкой, посещением театра, военными парадами, смотрами и пр.»³⁸³

Особенно великолепно двор выглядел в дни государственных, больших церковных, придворных и кавалерских праздников – табельных дней. Приведем в качестве примера перечень праздничных дней из Придворного календаря на 1853 год.

³⁸³ Несмеянова И. И. Быт императорского двора первой половины XIX в. С. 20.

Роспись господским праздникам и статским торжественным дням. Праздничные дни, в которые все судебные места от присутствия свободны, означены +³⁸⁴.

Январь

+ 1 – Новый год. Празднуется Рождение Его Императорского Высочества, благоверного Государя Великого Князя Алексея Александровича. Празднуется Рождение Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Великой Княгини Елены Павловны.

+ 6 – Богоявление Господне.

7 – Рождение Ея Величества, благоверной Государыни Анны Павловны – родительницы царствующего короля Нидерландского, вдовствующей супруги короля Вильгельма II.

Февраль

+ 2 – Сретение Господне.

3 – Празднуется рождение Его Императорского Высочества, благоверного Государя Великого Князя Николая Константиновича. Тезоименитство Ея Величества, благоверной Государыни Анны Павловны – родительницы царствующего короля Нидерландского, вдовствующей супруги короля Вильгельма II.

4 – Рождение Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Великой Княгини Марии Павловны.

26 – Рождение Его Императорского Высочества, благоверного Государя Великого Князя Александра Александровича.

+ 27 и 28 – Пяток и суббота Сырныя недели.

Март

+ 25 – Благовещение Пресвятыя Богородицы.

Апрель

10 – рождение Его Императорского Высочества, благоверного Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Николаевича.

+ 16–18 – Страстныя недели: Четверток, пяток и суббота.

17 – Рождение Его Императорского Высочества, благоверного Государя Великого Князя Александра Александровича.

+ 19–25 – Светлая неделя вся.

+ 25 – Тезоименитство Ея Величества благочестивейшия Государыни Императрицы Александры Федоровны. Тезоименитство Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Великой Княгини Александры Иосифовны.

Май

+ 9 – День чудотворца Николая.

20 – Тезоименитство Его Императорского Высочества, благоверного Государя Великого Князя Александра Александровича.

21 – Тезоименитство Его Императорского Высочества, благоверного Государя Великого Князя Константина Николаевича. Тезоименитство Ея

Величества благочестивейшия Государыни Императрицы Александры Федоровны. Тезоименитство Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Великой Княгини Елены Павловны.

³⁸⁴ Придворный календарь на 1853 год. – Б. м., б. д. С. 16–23.

+ 23 – Вознесение Господне.

Июнь

+ 7 и 8 – Сошествие Святаго Духа, Воскресение и понедельник.

24 – Рождество честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

+ 25 – Рождение Его Величества, благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича, Самодержца Всероссийского.

26 – Рождение Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Великой Княгини Александры Иосифовны.

27 – Воспоминание победы под Полтавою.

+ 29 – Праздник Святых апостолов Петра и Павла.

Июль

+ 1 – Рождение Ея Величества благочестивейшия Государыни Императрицы Александры Федоровны.

11 – Тезоименитство Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Великой Княгини Ольги Николаевны. Тезоименитство Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Великой Княгини Ольги Константиновны.

15 – Тезоименитство Его Императорского Высочества, благоверного Государя Великого Князя Владимира Александровича.

22 – Тезоименитство Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Цесаревны и Великой Княгини Марии Александровны. Тезоименитство Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Великой Княгини Марии Николаевны. Тезоименитство Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Великой Княгини Марии Павловны.

27 – Рождение Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Цесаревны и Великой Княгини Марии Александровны. Рождение и тезоименитство Его Императорского Высочества, благоверного Государя Великого Князя Николая Николаевича.

Август

+ 6 – Преображение Господне.

– Рождение Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Великой Княгини Марии Николаевны.

+ 13 – Успение Пресвятыя Богородицы.

16 – День Нерукотворного образа.

– Рождение и Тезоименитство Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Великой Княгини Екатерины Михайловны.

+ 22 Коронование Его Величества, благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича, Самодержца Всероссийского и супруги его Ея Величества благочестивейшия Государыни Императрицы Александры Федоровны. Рождение Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Великой Княгини Ольги Константиновны.

+ 29 – Усекновение главы честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня, Иоанна.

+ 30 – Тезоименитство Его Императорского Высочества, благоверного Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Николаевича. Рождение Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Великой Княгини Ольги Николаевны.

Сентябрь

+ 8 – Рождество Пресвятыя Богородицы.

– Рождение Его Императорского Высочества, благоверного Государя Великого Князя Николая Александровича.

9 – Рождение Его Императорского Высочества, благоверного Государя Великого Князя Константина Николаевича.

+ 14 – Воздвижение честного Креста Господня.

+ 26 – День Святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Октябрь

+ 1 – Покров Пресвятыя Богородицы.

12 – Принесение Св. мощей из Мальты в город Гатчину.

13 – Рождение Его Императорского Высочества, благоверного Государя и Великого Князя Михаила Николаевича.

+ 22 – День Казанския чудотворныя Иконы Пресвятыя Богородицы.

Ноябрь

8 – Архистратига Михаила.

– Тезоименитство Его Императорского Высочества, благоверного Государя и Великого Князя Михаила Николаевича.

+ 20 – Празднуется восшествие на престол Его Величества, благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича, Самодержца Всероссийского; но считается оно 19 ноября.

+ 21 – Введение во храм Пресвятыя Богородицы.

24 – Тезоименитство Ея Императорского Высочества, благоверной Государыни Великой Княгини Екатерины Михайловны.

Декабрь

+6 – День Чудотворца Николая. Тезоименитство Его Величества, благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича, Самодержца Всероссийского. Тезоименитство Его Императорского Высочества, благоверного Государя и Великого Князя Николая Александровича. Тезоименитство Его Императорского Высочества, благоверного Государя и Великого Князя Николая Константиновича.

+ 25, 26 и 27 – Праздник Рождества Христова.

+ 25 – Воспоминание избавления Церкви и державы Российския от нашествия французов и с ними двадесяти язык.

Сверх того при Дворе Его Императорского Величества праздновались кавалерские дни:

Февраля 3. Ордена Святыя Анны.

Августа 30. Ордена Святого Александра Невского.

Александра Федоровна в воспоминаниях о своей молодости особо отметила ее участие со своим мужем великим князем Николаем Павловичем в праздничных мероприятиях в день св. Александра Невского в 1818 г.: «Итак, мы с Николаем оказывались единственными членами императорской фамилии, оставшимися в Петербурге. Нам были даны инструкции касательно того, что следовало делать в высокаторжественные дни. Первый случай, когда мы принесли себя в жертву отечеству, был в день св. Александра Невского; в тот день мы присутствовали в полном параде на архиерейской службе и на завтраке у митрополита. То было настоящим испытанием для меня, бедной женщины, всю жизнь не имевшей достаточно сил выстаивать длинные церковные церемонии. Помню, что я испугалась собственного лица по

возвращению с этой утомительной службы. Завитые волосы совсем распустились, я была мертвенно бледна и вовсе не привлекательна в розовом глазетовом сарафане со шлейфом, шитым серебром, и серебряным кружевным током на голове»³⁸⁵.

Сентября 22. Ордена Святого Равноапостольного князя Владимира. Ноября 24. Ордена Святыя Екатерины.

Ноября 26. Ордена Святого Великомученика Георгия.

Этот праздник сопровождался парадом георгиевских кавалеров в Георгиевском (Тронном) зале Зимнего дворца, открытом 26 ноября 1795 г. в день св. Георгия Победоносца. Двухсветный огромных размеров Георгиевский зал, созданный по проекту Джакомо Кваренги, пострадал в дворцовом пожаре 1837 г. и был воссоздан архитектором В. П. Стасовым. Над тронным местом, выше балдахина с султаном из страусовых перьев, установлен мраморный барельеф «Георгий Победоносец». В расположенной рядом Портретной галерее нередко накрывались столы для участников традиционных обедов – георгиевских кавалеров.

Ноября 30. Ордена Святого Апостола Андрея Первозванного.

В новом Кремлевском дворце, строившемся на месте старого дворца, были запланированы все кавалерские залы. Описывая свои впечатления в 1837 г., великая княжна Ольга Николаевна писала: «Во время нашего посещения Москвы мы осмотрели также Грановитую палату, одно из старейших зданий в городе. [...] Папа поднимался с нами в терема, где в свое время жили царицы; их реставрировали теперь в том русско-византийском стиле, который восстановил художник Солнцев³⁸⁶. Восхищенный этой первой пробой, Папа решил построить на месте дворца, созданного во времена царствования императрицы Екатерины (Екатерина II) и не носившего ни малейшего отпечатка народного стиля, новую постройку, большую и прекрасную, чтобы она могла служить для будущих празднований коронаций. Каждый зал должен был носить имя одного из больших орденов: зал Св. Андрея первозванного, зал Св. Екатерины и т. д. Зал Св. Георгия Победоносца должны были украшать мраморные доски с именами кавалеров этого ордена»³⁸⁷. Постройка дворца была закончена в 1849 году; он был освящен в пасхальную ночь ³⁸⁸.

При церквах бывали также благодарственные молебствия за победы:

Июля 10 дня. Торжественное воспоминание мира между Российской Империей и Османскою Портою, заключенного в Кючук-Кайнарджии, и присоединения к Российской державе Таврического царства (Кючук-Кайнарджийский мир 10 июля 1774 г. Собственно Керчь, Кинбурн и Еникале. Крым присоединен 8 апреля 1783 г. – А. В.).

Июля 27 дня. Взятие фрегатов при Гангуте и Гренгаме (Морские победы в Северной войне. 25–27 июля 1714 г. шведский флот разбит в Гангутском сражении, а 27 июля 1721 г. галерный флот М. М. Голицына одержал победу в Гренгамском бою. – А. В.).

Августа 9 дня. Взятие Нарвы (в 1704 г. взята Нарва. – А. В.).

³⁸⁵ Александра Федоровна. Из альбомов императрицы Александры Федоровны. С. 156–157.

³⁸⁶ Солнцев Федор Григорьевич (1801–1892) – академик исторической и портретной живописи, один из основоположников реставрационной науки; археолог и археограф.

³⁸⁷ Ольга Николаевна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 237.

³⁸⁸ Там же.

Августа 19 дня. Воспоминание одержанной над прусской армией победы (в этот день, 19 августа 1757 г., в ходе Семилетней войны в Восточной Пруссии при Гросс-Егерсдорфе русская армия разбила корпус Левальда, и открылась неиспользованная возможность наступления на Кенигсберг, но Апраксин отошел в Тильзит. – А. В.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.